

Александр Владимирович Гуров

Ученик некроманта. Мир без боли

Ученик некроманта – 2

http://zhurnal.lib.ru/g/gurow_a_w/u4enik_necromanta2.shtml

Аннотация

Даже в стране мертвых могут настать смутные времена. Армии скелетов встречаются на полях брани, воюют друг против друга и, будучи бессмертными, никто из них не может победить. По Хельхейму поползла «черная смерть» и теперь люди, подкошенные неизлечимой болезнью, науськанные церковниками, взбунтовались против некромантов и ринулись к спасительной границе — к Валлийским землям.

И во всем этом хаосе Сандро должен отыскать для себя и своих друзей спасение, вырваться из-под купола и уйти в Большой мир. Но у него несколько другие планы: узнав, кто виновен в смерти его родителей, он затевает месть...

КНИГА ДОПИСАНА 03.03.2010

Гуров Александр

Книга 2. Ученик некроманта

Мир без боли

Не думайте, что я пришел нарушить закон и пророков: не нарушить пришел я, но исполнить.

Благодарю близких моему сердцу людей, без которых я не смог бы написать эту книгу:

замечательную писательницу Диану Удовиченко — за неустанную помощь и уроки мастерства;

Игоря Архипова — за консультации по физиологии;

Нину Гурову — за бесценные советы в области химии;

Юлию Лусту — за бесконечный поток эмоций.

Автор Александр Гуров

Предвестье: откуда подул ветер

Мягко шелестела листва, стелилась под ногами золотым ковром, скрывая под собой тонкую тропинку, которая стрелой пронзила храмовый сад. Вокруг, склонив головы, соприкасаясь сложными прическами еще не опавших крон, стояли барышни-деревья. Готовясь к зиме, они с женской любовью к гармонии сменили монотонные юно-зеленые одеяния на желто-красные, коричневые, багряно-алые и темно-бордовые. Сад налился зрелой красотой. Глядя вокруг, Вэльва никак не могла отделаться от мысли, что в эти минуты мир не увядает, а расцветает, обрастает неотразимостью ярких, радостных цветов и оттенков. Но придут холода, листва пожухнет, опадет. Зрелость сменится старостью, старость — смертью, ледяным сном, который к весне подарит новую жизнь — зеленую молодость.

«Даже в смерти есть своя прелесть, — думала Вэльва, поднимая с земли опавший листок — красный, как горячая кровь, добавляя к нему желтый, как пылающее солнце, коричневый — цвета земли. — Без смерти, жизнь утратит красоту, станет обыденной, серой,

невзрачной. Бессмертие, которое желает вступить на земли Валлии, уничтожит саму суть мироздания».

С этими мыслями, держа в руке букет из опавших листьев, Вёльва вышла на храмовую площадь. Быстро, не обращая внимания на снующих вокруг, резвящихся ребятишек, пересекла ее. Вбежала в храм, поднялась по ступеням на верхний этаж. Как сомнамбула, ни о чем не задумываясь, витая где-то далеко за границами здания, а быть может и самой Наицы, прорицательница, не спрашивая аудиенции, вошла в покои Первой матушки.

— Вёльва, — оторвавшись от бумаг, сквозь стиснутые зубы процедила Ливия. — Не скажу, что рада встречи. С чем пожаловала?

— Мир в опасности, — уставившись вперед невидящим взором, сказала прорицательница, и из ее рук вывалился букет из опавших листьев.

— Ты опасна для Валлии не меньше, чем мор и войны. Что напроорочила на этот раз?

— И реки налились кровью, — Вёльва заговорила заунывным, чужим голосом. Красный листок растаял, кровавой лужей расплылся у ее ног, перепачкал белоснежный ковер. — И солнце почернело, словно пепел. — Желтый листок вспыхнул огнем и за секунду перегорел, оставив от себя лишь черную сажу. — И землю окутала стужа — пришла ледяная Хель, владычица мертвых... — Последний, коричневый листок покрылся кромкой инея, обледенел, с тихим треском раскололся на мелкие части и, растаяв в тепле, обернулся водой.

Тень безумной пелены спала, виденье исчезло. Прорицательница вздрогнула и глубоко вздохнула, будто секунду назад задышалась. Взгляд ее приобрел осмысленность.

— Твои фокусы меня не впечатляют, Вёльва, — бесстрастно заметила Ливия. — Но актерский талант воистину неподражаем.

— Скоро вся Валлия станет театром — театром войны. И главную роль в спектакле сыграет смерть.

— В день нашей последней встречи в опасности были лишь двое. Теперь — Валлия. Я боюсь и представить, что ты напроорочишь в следующий раз.

— Следующего раза может и не быть, — заявила прорицательница и посмотрела на аббатису с холодной решимостью. — Мне нужен воспитанник.

— Опять? — изумилась Ливия, и на ее лице за краткий миг сменилось множество выражений: удивление, недоверие, скептицизм, осознание и наконец злоба, ярость. — Где мои сыновья? — сухо спросила она.

— Ливия, ты бездетна...

— Все сироты и обездоленные, жившие при храме, мои дети, — не показывая истинных чувств, царивших в ее сердце, процедила Ливия.

— Ты хочешь знать о судьбах Назарина и Аарона? Тогда слушай — я расскажу. Как бы мне не хотелось изменить предначертанное, прорицание сбывается. Назарин как никогда близок к смерти. Но он сам выбрал свой путь и именно ему предречено стать черным магом, который оборвет две жизни: свою и Аарона.

— Кто из них мой сын?

— Оба, — бесстрастно ответила Вёльва и снисходительно улыбнулась: — Ведь все обездоленные — твои дети...

За восемь долгих лет сердце Ливии очерствело: погоня за властью, восхождение к долгожданному посту по ступеням, выстроенным на тонких и хрупких интригах, вечный поиск лучшей жизни, которую позже можно будет посвятить своим детям — все это изменило добродушную, отзывчивую послушницу Храма, сделало из нее холодную и расчетливую Пресвятую мать. Но эти перемены не затронули любви к двум мальчикам. Ливия твердо верила, что придет время, когда она разделит жизнь со своим ребенком, со своими детьми... И на краткий миг материнская любовь пересилила привычное равнодушие:

— Спаси моих сыновей.

— Сейчас это невозможно...

— Что тебе надо для их спасения? — Ливия говорила стальным, властным голосом, будто ее нынешнее положение давало ей право и могущество, чтобы купить саму судьбу. —

Деньги? Власть? Сейчас я могу дать тебе и то, и другое. Только прошу: спаси моих сыновей.

— Это невозможно, — повторила Вёльва. — Если хоть один выживет — миру конец.

— Ты обманула меня! Украла моих сыновей и сама загнала их в могилы. Ты разделишь их судьбу! — взорвалась праведным гневом Пресвятая мать, резко встала и, перегнувшись через стол, схватила прорицательницу за шею.

— Мне жаль, — брезгливо, с грубой силой смахнув с себя чужие руки и отстранившись, сказала Видящая. — Мне действительно жаль, Ливия. Я искренне полюбила обоих. Они дороги мне так же, как и тебе. Но в первую очередь я беспокоюсь за Валлию. А она в опасности. Грядут смутные времена...

— Убирайся, — опустившись в кресло, спокойно сказала Ливия. — Убирайся, Вёльва, и больше не возвращайся.

— Мне нужна ученица.

— Бери любую, только убирайся. Спасай свою Валлию, а меня оставь в покое.

Вёльва аккуратно достала из-за пазухи свернутый в трубочку пергамент, расправила его и положила на стол. Первая мать макнула перо в чернильницу, не читая, коротким росчерком подписала бумагу и устало выговорила:

— Иди.

— Благодарю, — коротко поклонилась Вёльва и, бережно держа в руке пергамент, вышла за дверь, оставив Ливию наедине с ее разбитым сердцем.

Вернувшись на площадь, прорицательница отправилась в малый храм, в котором жили немногие сироты, обладавшие магическими способностями. В основном это были Видящие. Культ Симионы всегда славился умением находить людей с этим редким даром.

Малый храм располагался вдали от основного здания, в глуби сада, там, куда редко забегали пытливые ребятишки. Видящих скрывали от любопытных глаз, заставляли жить узкой общиной и воспитывали иначе, чем остальных. Когда дети подрастут, их выпустят в Большой мир. Но перед тем, как открыть ворота храма, наставники заклеят юных адептов, выжгут на их плечах знак Гебо — крест, означавший, что цель жизни Видящего — бескорыстное служение людям.

Остановившись у двухэтажной деревянной постройки, отличавшейся от главного храма скромностью убранства, чрезмерным обилием святых ликов Симионы на фасаде и отсутствием окон, Вёльва на мгновение погрузилась в воспоминания. Плечо обожгло болью. Спина вспомнила удары розгами и батогами. В этих стенах доброта Симионы меркла в жестокости ее адептов. Да, сирот из малого храма воспитывали иначе, чем остальных ребятишек, считая, что боль, страдания и муки стимулируют видения, открывают тайные закрома великого Дара. Вёльва многократно пыталась развеять ошибочный миф, но даже ее авторитет безупречной прорицательницы не разжалобил суровых наставников — они не отказались от вековых традиций.

Нужную ей девочку, Вёльва разыскала в сером, запыленном помещении, в котором держали провинившихся. Прорицательница знала, в чем вина этой малышки — ее дар к предвидению был ничтожно мал и ничего из того, что напорочила Алиса, не сбылось.

— Тебе здесь страшно? Раньше я проводила в этой комнате много времени — она меня тоже пугала. Но все прошло. Теперь я не боюсь. И ты не бойся, дитя... — Вёльва ласково провела по спутанным смолянисто-черным кудрям девочки, дотронулась до подбородка, с легким усилием заставила Алису поднять лицо, посмотрела на нее: хорошенькая, чумазая, с черными, бездонными глазами, в которых не читалось ничего, кроме страха и безысходности. — Сегодня мы покинем храм, и больше никто тебя не обидит. Верь мне...

Маленькая, обиженная миром, Алиса так долго искала опоры, что без сомнений поверила в слова незнакомки, с радостью приняла долгожданное избавление. Молча обняла Видящую и тихо заплакала.

* * *

В открытые ставни золотыми шупальцами вползли лучи солнца. Заплясали на потолке игривыми зайчиками. Медленно опускаясь все ниже, достигли кровати и с любопытством уставились на старое, морщинистое лицо прорицательницы.

Вёльва раздраженно сощурилась, перевернулась на бок. Хотела вернуться к сновидениям, но знала, что сон безнадежно утерян. Она встала, умылась холодной водой из неглубокой миски, стоявшей на сундуке у кровати, и посмотрела на девочку, которая мирно спала, спрятавшись от слепящего, надоедливого солнца под покрывалом.

Уже две недели Вёльва путешествовала с Алисой, держа путь в Фиор — ближайший к границе с Хельхеймом город. Молчаливая, замкнутая девочка быстро раскрывалась. За этот короткий срок она уже прониклась к Видящей любовью и доверием. Вёльву даже пугали столь быстрые перемены. «Это ж как надо запугать ребенка, чтобы веселое и жизнерадостное дитя боялось всего и вся?» — думала она, с ужасом и неприязнью вспоминая собственное детство.

Вчера они долго разговаривали и уснули за полночь. Алиса рассказывала о матери, немногих сохранившихся о ней воспоминаниях, носивших отрывистый, сумбурный характер. В малом храме Симионы никто не внимал таким историям, даже дети смотрели друг на друга волками, не говоря уже об извергах-наставниках, которые никогда не упускали случая стимулировать видения розгами — девочка щебетала, как жаворонок, временами захлебывалась словами, не веря, что ее слушают. Вёльва слушала. И ждала случая, чтобы тоже поведать одну историю. Чужую историю — не свою. Но случая пока не представилось.

— Вставай, дитя мое, — разбудила она Алису, начиная собираться в дорогу.

— Уже утро? — сладко потягиваясь, пропищала из-под покрывала девочка и быстро сползла с кровати. — Я помогу! — Алиса бросилась к тюку прорицательницы. Вёльва улыбнулась, наблюдая за стараниями ученицы. Сердцем прорицательница чувствовала, что больше у нее не будет воспитанников, и радовалась последним минутам счастья.

Ночи сменялись днями, рассветы — закатами. Время бежало быстро, ускользало, как песок сквозь пальцы. Осень подходила к концу, все ближе подступали холода. Погода изменилась. Со стороны Хельхейма подули ледяные ветра — предвестники зимы. Птицы, кружась в небе черными, едва различимыми точками, собирались в косяки и улетали в поисках тепла. Мир засыпал.

Последние две недели Вёльва и ее ученица провели в Фиоре, в постоялом доме, принадлежавшем культу Симионы. Жили как дворяне — Алиса так считала. В их полное распоряжение предоставили целый этаж, где можно было забавляться, практиковать магию — делать все, что душе угодно. Алиса ничему не обучалась, но часто беседовала с наставницей, узнавала от нее много нового. В общении перенимала ее знания и во всем старалась подражать доброй, отзывчивой прорицательнице. Постепенно Алиса привыкла к новой, спокойной жизни и ужасы, которые она пережила в малом храме, казались ей не воспоминаниями, а полузабытым сном. К слову о снах... Единственное, что смущало девочку: теперь они ночевали с Матушкой в разных комнатах, и Алису донимали кошмары, предвещающие нечто злое, страшное. Утром видения уплывали из памяти, оставляя лишь тяжкий, липкий осадок на душе. И все было спокойно. Пока однажды, в ночной час, не случилось беды.

...Все вокруг было подернуто черной, непроницаемой дымкой, будто на землю спустилась густая безлунная ночь. Алиса стояла рядом с Матушкой, прижималась к ней всем телом и дрожала — то ли от испуга, то ли от жуткого холода. Из ниоткуда бесплотным призраком выплыл человеческий силуэт, держащий в руке искривленный, изогнутый, как змея, посох, и остановился перед Видящей и ее ученицей.

— Вёльва, ты же знала, что я приду. И осталась... — скрипнул неприятный голос. Его обладатель смотрел на прорицательницу из тени капюшона и внимательно следил за каждым движением Вёльвы, опасаясь, что она не захочет расставаться с жизнью без борьбы. — Или ты не боишься умереть?

Прорицательница исподлобья взглянула на незнакомца. Он скрыл свое худощавое тело

под черным длинным плащом, руки — под перчатками, плотно обтянувшими тонкие кисти. Казалось, будто он боится света, или же — людских глаз.

— Посланник Смерти... Меня ты не пощадишь. Что ж, я прожила долгую жизнь — и прожила не напрасно. Меня забирай, а малышку оставь. Ее час еще не пробил.

— Какое самопожертвование! — Человек в черном расхохотался гнусавым, противным смехом. — Вэльва, зачем миру твоя смерть? Тебе пришло видение, что Валлии лучше без тебя?

— Делай свое дело, — помрачнев, сухо сказала прорицательница.

— Как тебе угодно, — пожал плечами неизвестный и, сделав короткое, неразличимое для глаза движение, ударил Вэльву посохом по голове. Она упала, судорожно вздрогнула и больше не шелохнулась.

— Матушка! — испугано воскликнула Алиса и бросилась к ногам Видящей. — Матушка, очнитесь! Клянусь жизнью, клянусь верой в Богиню, я стану хорошей прорицательницей... только откройте глаза, Матушка...

И вдруг Симиона услышала зов, смилостивилась над своей верной послушницей и вдохнула в нее новую жизнь — повинувшись неведомой силе, Вэльва открыла глаза. Алиса, все еще плача, бросилась в объятия прорицательницы и с наивной радостью начала целовать ее холодные морщинистые щеки.

— Матушка, я так испугалась, — рыдая, причитала она. — Боялась, что вы умерли...

Вэльва не ответила. Ни единая мышца на ее бесстрастном лице не дрогнула. Она сидела, опершись на руки, смотрела перед собой, не выказывая никаких эмоций, была бледна и холодна, как оживший мертвец. Алиса отстранилась и посмотрела на наставницу. Взгляд Вэльвы угас, глаза помутнели, будто выцвели — в них не осталось жизни. Матушка двигалась, но ее сердце не билось, а душа покинула тело.

— Видишь ли, дочка, — с ухмылкой произнес убийца и сдвинул с лица капюшон, открывая изуродованное смертью и темной магией ополовиненное лицо. — Иногда, чтобы дарить и забирать жизни, не надо быть богом. Достаточно быть некромантом...

Вэльва проснулась в холодном поту. Проклятые видения! Как они утомили ее за долгую жизнь. Иногда она хотела отказаться от своего Дара: выбрать обычную, человеческую судьбу, не обремененную поиском спасения для всего мира, когда можно спокойно растить детей, обихаживать мужа, вести хозяйство и не думать о страшных пророчествах, которые во всех красках изображают гибель Валлии. Но нет... несмотря ни на что, Вэльва не представляла для себя другой судьбы, не мыслила жизни без Дара.

— Матушка? — жалобно пропищала Алиса, заглянув в комнату наставницы.

— Входи, дитя мое, — улыбнулась Вэльва и, заметив, что личико девочки хранит на себе печать страха и волнения, спросила: — Что тебя тревожит?

— Я видела сон. Плохой сон... — пряча слезы, скороговоркой прошептала Алиса и боком вошла в покои прорицательницы.

— Расскажи о нем, — приглашая ученицу сесть на кровать, попросила Вэльва. И, когда Алиса заговорила, прорицательница поняла, что видела этой ночью тот же кошмар.

— Это всего лишь сон, дитя мое, — Вэльва успокаивала Алису ложью. — Всего лишь сон.

— Но он был такой... настоящий...

— Не бойся, — мягко улыбалась прорицательница. — Тот человек, который тебе приснился, не злой. Я его знаю. И если хочешь, могу поведать его историю. Только учти: его жизнь хранит в себе много мук.

— Расскажите, Матушка, — попросила Алиса. Она так скучала по маминым сказкам, которых была лишена в храме Симионы, что ничуть не испугалась предупреждения.

— Как скажешь, дитя мое...

Казалось, ничего в выражении лица прорицательницы не изменилось, взгляд ее темно-карих глаз остался таким же теплым и располагающим, но голос наполнился некоей таинственностью, разжигавшей в Алисе еще больший интерес:

— Ты видела его изуродованное лицо. Да, оно вселяет ужас и страх, если не знать о внутренней доброте мальчика, который скрывается за этой уродливой личиной. Сандро не всегда выглядел так. Он родился в Хельхейме, в небольшой деревушке у восточной границы Стигии. Рос в семье камнетеса и Видящей, которые воспитывали сына в любви и понимании. Да, его мать была Видящей, как ты и я. Но по умению предугадывать, превосходила нас обоих. Она знала обо всем, что с ней должно было приключиться, и не сделала ничего, чтобы избежать злой участи. Не стала калечить Судьбу, чем покалечила жизнь сына.

В десять лет Сандро осиротел. В их доме случился пожар и в живых остался он один. Наглотавшись дыма, претерпев страх и муки, мальчик вырвался из огня и без чувств упал у дверей. Его придавило обрушившимся, пылающим косяком. И так, медленно, по жалким крупицам теряя жизнь, он пролежал несколько минут, пока не сбежались односельчане. Помочь ему они уже не могли — слишком страшные ожоги он получил. Оставалось надеяться на чудо. И оно явилось в лице некроманта, могущественного лича по имени Арганус. Повелитель мертвых забрал мальчишку и в своих лабораториях, проделав над Сандро нечеловеческие опыты, сумел сохранить ему жизнь. Но скорее — жизнеподобие. Да, теперь он выглядит таким, каким ты увидела его во сне...

— Не останавливайтесь, Матушка, — попросила Алиса, когда пауза затянулась.

— Он стал рабом и учеником некроманта, — покорно продолжила Вёльва. — Сам стал некромантом, которых люто ненавидят все, кто имел с ними дело. Но в отличие от других мертвых, у него осталось живое, горячее сердце. Оно помогло ему выжить в царстве смерти. Не унывая, не оплакивая горькую судьбу, Сандро погрузился в учебу. Некромантию он презирал и спасение для себя, возможность избавиться от магических оков рабства, стремился получить в алхимии. Дни и ночи, ночи и дни, каждый час, каждый миг своей жизни Сандро тратил на чтение. Ученые книги, пособия, трактаты, своды — его знания росли ежеминутно, ежесекундно. Но этого ему было мало. Он жаждал большего. Искал ответы на свои вопросы и не находил их. С новым рвением погружался в работу, снова и снова перечитывал книги, выискивая в них тайный смысл. С каждым разом подходил все ближе к разгадке волновавшего его вопроса: можно ли избавиться от магических оков, которыми был скован по рукам и ногам каждый раб.

Алиса сидела молча, наострив уши, напрочь позабыв про слезы и ночные кошмары. Страх и волнение улетучились, сменившись ненасытным любопытством.

— Чем больше его унижали, чем больнее били батоги рока, чем большую жестокость проявлял Хозяин, тем усерднее Сандро работал над созданием эликсира, способного подарить ему свободу. Крепла его мечта покинуть Хельхейм и начать новую жизнь. И в своем рвении он не замечал, что с каждым днем все глубже погружается в мир мертвой науки, и сердце его неуклонно черствеет.

— Сердце, — со вздохом сказала Вёльва и надолго замолчала. — Пожалуй, именно благодаря ему, Сандро сохранил в себе человеческую сущность и сумел в густом тумане ненависти найти светлый луч чистой и искренней любви. Неожиданно нахлынувшее чувство, способное осветить мрак черных будней, вызвала в нем девушка по имени Энин. Она жила в замке Аргануса вместе с сестрой-близнецом, и ненависти в ее душе было, пожалуй, еще больше, чем в душе Сандро. Это не стало для них преградой. По крайней мере, сперва. Они быстро сдружились и утопили свою общую ненависть в новом, едва проклевывающемся чувстве.

Это заметил и Арганус. Он сделал все, чтобы сохранить покорность рабов. И преуспел. Арганус наслал морок на Анэт, сестру Энин, околдовал ее — вся вина пала на Сандро. В Анэт вселился черный дух, покорил ее тело — вся вина пала на Сандро. Чтобы он не делал, пытаясь развеять сомнения у возлюбленной, во всех бедах обвиняли его. И любовь Энин сменилась ненавистью.

Сандро, с привычной для себя стойкостью, не отчаивался и продолжал искать пути, чтобы завоевать сердце девушки — безрезультатно. В то самое время он закончил работу над созданием эликсира и, дождавшись подходящего случая, заручившись поддержкой Высшего

вампира и таинственной жрицы из храма Сераписа, Сандро вырвался из рабского плена. Не обращая внимания на проклятья возлюбленной, в душе понимая, что это единственный способ спасти ее от злой участи, он выкрал двух сестер и забрал с собой. Через ненависть и боль, он торил путь к полной свободе — к границам с Валлией, но попал в капкан, умело выставленный Арганусом. И не найдя ничего лучшего, разувверившись в себе, бросился со скалы...

— Он... умер? — с нескрываемым сочувствием, будто не страшный некромант был виновником недавнего кошмара, будто не он в ужасном сне убил Матушку, спросила Алиса.

— Не знаю, дитя мое, — снисходительно улыбнулась Вэльва. — Думаю, он неспроста пришел к тебе в видении: его судьба вершится в этот самый миг. И если любовь в нем пересилит ненависть, то ты еще услышишь продолжение его истории. А быть может, увидишь в своих видениях.

Прорицание первое

Аарон прикоснулся к земле и закрыл глаза. Внутреннему зору его предстала ужасная картина, которую не описать словами и не прочувствовать, лишь увидев. В тот день и в тот час, в которые унесло Аарона воображение, надо было быть здесь, участвовать в событиях минувших дней, чтобы суметь вникнуть и оценить всю ту истерию боли, безграничную ненависть, неумное отчаяние, которые щедро сдобрили собой эту землю. Такое не забывается, не иссякает с годами и остается вечным отпечатком на теле мира.

Черная земля... Гнойный пузырь, сотканный из ненависти и смерти. Однажды он уже прорвался и прокатился по Валлии дикой чумой, погубившей сотни тысяч жизней. Темные орды неупокоенных ворвались во владенья живых. Принесли с собой хаос. И бессмертный порядок. Люди гибли, отчаянно и неистово сражаясь за свои жизни. И вставляли ожившими мертвецами, чтобы сеять смерть среди своих же собратьев. В беспощадной войне у валлийцев умерла надежда. И родилась заново, затеплилась в сердцах людей, которые сумели подняться с колен и ответить ужасом на ужас.

Собравшись под одним стягом, под властной рукой Амагрина Овена, валлийцы дали решающий бой, оттеснили некромантов к их вотчине и здесь, в Черной земле, состоялась последняя битва. Она унесла жизни многих, но подарила другим надежду на светлое будущее. Амагрин Овен убил своего наставника, Альберта Трисмегиста, короля мертвых, изобретателя алхимии, которая его создала, превратив в лича, и погубила, оставив лишь прах.

Потеряв своего полководца, армия мертвых потерпела поражение. Люди одержали верх. Тяжкой ценой далась им эта победа. Они понесли столь страшные потери, что дальше продолжать войну уже не могли. И тогда все маги и друиды, объединив свои силы, сплели могущественное заклинание, сковавшее владения некромантов непроходимым для нежити куполом. Настал долгожданный мир.

Но проходили годы, за ними — века. Люди, имея короткую память, забыли о прошлых лишениях, с головой погрузились в повседневные заботы и тяготы. А тем временем некроманты собирали новые армии. Гной скапливался в перетянутой, но незалеченной ране, вновь разжигалась на теле земли застаревшая язва. И сейчас по всему выходило так, что вскоре на мир обрушатся новые испытания.

Аарон это чувствовал, понимал это. Сюда, в это Симионой забытое место, его привел зов сердца, но скорее за шиворот приволокли слова Вэльвы, великой прорицательницы, которая ни разу не ошиблась за всю свою долгую жизнь. Она поведала юному целителю, что его талант спасет воина, решившего пойти в одиночку против целого войска. И Аарон ни секунды не сомневался: от жизни этого воина будет зависеть дальнейшая судьба мира.

Не открывая глаз, целитель воздал молитву великой Богине, выпрашивая у нее милости для тех людей, цвергов и альвов, чьи тела погребены под толщей черной, навеки проклятой земли. Напоследок попросил Симиону простить друида, ошибка которого оборвала десятки,

сотни тысяч жизней. Аарон встал с колен и пошел в сторону крепости, выстроенной на костях валлийцев, погибших в последней битве.

Чем ближе подходил целитель к форту, тем больше красоты замечал в нем, в этом одиноком страже, который первым затрубит тревогу, если нежить вырвется из своих земель. Этот форт был создан с одной лишь целью — защитить мост между Хельхеймом и Валлией. Преобладала в нем солдатская простота и скупость убранства, не украшали замок резные фризы и барельефы, не нашлось в нем места для статуй и декораций. Широким, богатырским поясом обвила его сеть фортификаций: круглого сечения башни, которым не было числа, соединенные между собой непреступными стенами. Кропотливо работая над своим детищем, зодчий не пытался создать юного изящного воина, своими руками он вырастил крепкого мужа, способного месяцами противостоять осадам и бесконечно отражать вражеские штурмы. Форт олицетворял силу и волю, и именно в этих могущественной силе и непоколебимой воле заключалась его красота.

Остановившись у западных ворот, Аарон постучал в тяжелые, окованные крупными металлическими пластинами, дубовые створки. Ответили ему далеко не сразу. И целитель решил было вновь напомнить о себе, но смотровое окно приоткрылось, и из него послышался неприветливый голос привратника:

— Форт закрыт для посторонних.

— Я с личной аудиенцией к командующему...

— Он не принимает, — не дослушав, рявкнул караульный.

— Вот грамота, написанная настоятельницей храма Симионы в Наице. В ней говорится, что все двери Валлии для меня открыты. Именем Созидательницы, — нарочито важно проговорил Аарон и просунул сверток в смотровое окно.

— Здесь не Наица, — пробурчал привратник, все же принимая письмо. — Сообщу о вашем прибытии, — сказал он и резким движением закрыл смотровое окно.

Несмотря на правила храмовых грамот, караульный оставил незваного гостя за пределами крепости. Вернулся он не меньше чем через час. Только тогда створки медленно разошлись, открывая Аарону неприятную картину, которая царила в форте. Человек, не имеющий магических дарований, ничего бы и не заметил, но целитель обладал тем зрением, которое способно уловить вещи, недоступные другим. Он увидел смерть. Муки. Страдания. Боль. Отчаяние. Бездна. И снова смерть. Для Черной земли список не нов, но в форте все эти ужасы были настолько яркими и ощутимыми, будто еще вчера тут произошло побоище, унесшее десятки или даже сотни жизней.

— Недавно было сражение? — полюбопытствовал Аарон.

— Вам прямо. Дойдете до арсенальной и повернете направо. Там встретят, — не удостоив целителя ответом, напутствовал воин и, развернувшись, бодро зашагал в сторону небольшой караульной пристройки.

Аарон не сильно надеялся на теплый прием, но и подобного пренебрежения не ожидал. «Лиха беда — начало», — подумал он и двинулся в указанном направлении. Завернув за каменное строение, которое, судя по скрещенным мечам, висевшим над входной дверью, было той самой арсенальной, о которой говорил караульный, Аарон увидел перед собой замок. Не дав целителю как следует осмотреться, к нему подошел провожатый.

— Идите за мной, — коротко бросил он и пошел впереди.

Минуя стражников, охраняющих вход, проводник ввел целителя в замок. Потянулись трудно запоминаемые лабиринты коридоров, множество соединенных между собой комнат, имеющих по несколько входов и выходов, многочисленные лестницы, ведущие то вверх, то вниз. Если продолжить сравнение замка с человеком, которым он виделся Аарону, то складывалось впечатление, что все его внутренности перемешались, сложившись в невероятном сумбуре. Но такую цель и преследовал зодчий. Если враги вдруг прорвутся внутрь, им составит немалых трудов зачистить ярусы и выкурить всех защитников. Путаница царила невероятная. Даже Аарон, обладающий завидной памятью, не смог сообразить, какими путями его вели и как он оказался на верхнем этаже у дверей в кабинет капитана. Вся

дорога слилась у него в невероятный калейдоскоп сменяющихся комнат и коридоров. Теперь целитель не удивлялся тому, что его заставили ждать у ворот больше часа.

— Входите. Капитан ждет, — сказал провожатый.

— Грамоту, — напомнил Аарон.

— У капитана. Поторопитесь, пока Марк снова не надрался. Да и ждать он не любит...

Целитель глубоко вздохнул, предчувствуя нелегкий разговор, постучал и вошел в кабинет. На секунду задержался в дверях. Увидев, что на него не обращают внимания, без разрешения прошел в комнату и уселся напротив капитана.

— День добрый, — нарушая правила приличия, первым заговорил Аарон. — Я паломник из Наицы.

— Я читал письмо. Интересная грамота, но больше всего мне понравилась подпись, — так и не поприветствовав гостя, Марк поднял со стола пергамент и процитировал последние строки: — «Ливия Аэль Мартис, Третья Матушка Храма Симионы-Созидательницы. Наица». Если мне не изменяет память, госпожа Мартис нынче Первая Матушка...

— И имеет все шансы стать первой не в Наице, а в Стогхельме. Грамота написана восьмью годами ранее, но у нее нет сроков. Впрочем, как и у моей миссии.

— И какова же твоя миссия, милейший? — капитан посмотрел на Аарона исподлобья. От его холодного взгляда поежился бы даже мертвый.

— Помогать людям, — пожал плечами целитель. — Я неплохой знаток болезней и методов их лечения. Есть навыки целительства и оперирования раненых. Если вашему форту нужна помощь подобного характера, с удовольствием задержусь.

— Как, ты говорил, тебя зовут? — наконец заинтересовался капитан, и от его пренебрежения не осталось и следа.

— Я не говорил. Аарон.

— Хорошо, Аарон. Я не сильно доверяю Храму и его послушникам, но это не повод, чтобы отказываться от помощи. Вина?

— Красного. И если можно — разбавьте водой. Не хочется охмелеть.

— Похвально, — заулыбался капитан, вставая из-за стола и подходя к шкафу. Открыв дверцу и достав оттуда два бокала и бутылку раосского, разлил вино и протянул один из бокалов Аарону. — Воды нет. Да и не стоит портить вкус хорошего напитка. Все равно на сегодня работы для тебя не будет. Сперва объясню, с чем тебе придется столкнуться. Возможно, ты поумеришь пыл.

Аарон коротко кивнул, жадно отхлебнул вина и поудобнее уселся в кресле. Прежде чем начать рассказ, офицер опустошил свой бокал и заново его наполнил. Секунду подумав, еще раз хорошенько пригубил и только после этого заговорил:

— Не так давно из Хельхейма стали приходить люди. Сперва мы принимали беженцев. Они рассказали, что некроманты дерутся между собой и с каждым днем война становится все яростней. Мы обрадовались, но радость длилась недолго. Вскоре мы поняли, что людское бегство — всего лишь отвод для глаз. Некроманты подготовили великолепную ловушку, и гарнизон в нее угодил — беженцы были больны чумой. А вскоре черный мор охватил весь форт. — Капитан выпил, наполнил бокал, осушил его одним большим глотком и продолжил: — Не знаю, сколько мы еще выстоим, но наша гибель неминуема. Последняя надежда на магов, на то, что они не позволят нежити разрушить купол.

— Вы выпускали беженцев из форта? — поинтересовался Аарон, допил раосское и налил себе новую порцию. Новости были ошеломляющими, но ни паниковать, ни напиваться храмовник не собирался.

— Нет, — коротко ответил капитан. — Это противоречит уставу форта. И еще, мор вызвало колдовство. Опасна не сама болезнь, а темная магия, которая пришла вместе с ней.

Аарон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Целитель молча читал молитвы, проникая сквозь грани обычного и ирреального. Его губы быстро шевелились, а пальцы все крепче сжимали ручки кресла. Капитан смотрел на своего гостя, не выказывая никакого интереса, будто видел волшбу храмовников каждый

день. Вскоре Аарон расслабился и открыл глаза.

— Быть может, началось все и с магии, но теперь она развеялась — я не вижу черного колдовства. Перед нами обычная чума, не больше. Но и этого достаточно, чтобы умерли тысячи людей. Сколько солдат в форте?

— Осталось четыре когорты из семи. По десять десятков в каждой.

— Итого четыре сотни. Я не смогу вылечить всех, но у кого сильный иммунитет — сопротивляемость болезни — тот выживет.

— Посмотри на меня, — потребовал капитан. — Сильный ли имун... у меня?

Аарон только сейчас пригляделся к офицеру. Лицо капитана было бледным, как холст бумаги, и безжизненным, словно лицо статуи. Синяки под глазами без слов говорили о чрезмерном употреблении алкоголя и бессонных ночах. На сухих жилистых руках выступили тонкие линии кровеносных сосудов. Капитан был болен, но чума совсем недавно одолела его тело.

— Если будете много пить, лучше вам не станет.

— Хуже — тоже, — усмехнулся офицер умирающего гарнизона.

— Возможно, — не стал отрицать Аарон, — но без выпивки у организма будет больше сил, чтобы бороться с болезнью. Я вылечу вас, только при одном условии — с сегодняшнего дня бросьте пить.

— А может сразу лечь в могилу? Что толку мучить себя перед смертью, если она неизбежна?

— Если не можете не пить — пейте. Только подумайте о солдатах, жизни которых зависят от ваших приказов. Хотите загнать себя в могилу — дерзайте, только назначьте перед этим префекта.

— Уже назначил. Только он проживет не больше, чем... Лечи! — капитан смахнул со стола бутылку и бокал, которые со звоном разлетелись на мириады осколков, и взглядом тигра, загнанного в угол, уставился на врачевателя. У Марка, потомственного барона и офицера по праву рождения, уже не было надежды. И вот она появилась в лице неизвестного храмовника. Таковую удачу нельзя было упускать.

Аарон отхлебнул вина из своего бокала, который предусмотрительно держал в руке, медленно поднялся с кресла и подошел к офицеру.

— Дышите глубже и постарайтесь не волноваться. Сразу предупрежу: будет больно.

— К боли приучен, — отчеканил капитан.

Аарон одобрительно кивнул, поставил бокал на стол и начал свою волшбу:

— Следите за рукой, — приказал врачеватель и стал медленно водить раскрытой ладонью то вправо, то влево, то приближая ее к глазам капитана, то отдаляя.

Аарон тихо нашептывал слова на наречии, тайну которого знали лишь посвященные. Марк неотрывно наблюдал за рукой целителя, напрасно пытаясь понять смысл произносимых им фраз. И чем внимательнее он вслушивался в слова Аарона, тем глубже проваливался в пучину забвения. От плавных пазов храмовника закружилась голова, помутнело в глазах. Закончилось все тем, что целитель раскрытой ладонью ударил капитана в лоб. От неожиданности офицер шарахнулся назад и без чувств упал на пол вместе с креслом, на котором сидел.

Очнулся он в кресле. Напротив него сидел храмовник и медленно цедил вино из бокала. Марк вскочил на ноги и попытался через стол дотянуться до возмутителя спокойствия, но цель была слишком далека.

— Успокойтесь, — бесстрастно выговорил Аарон. — Я сделал то, о чем вы просили. Вы здоровы.

Капитан не поверил услышанному. Он посмотрел на руки, ощупал тело. Не удовлетворившись этим, прошел в другой конец кабинета и остановился у зеркала. Лицо было по-прежнему бледным, но уже не напоминало мертвую маску. Синяки под глазами стали не столь явными, а сухая кожа, которая уже начинала шелушиться, теперь выглядела вполне здоровой.

— Не верю своим глазам! — восторженно воскликнул Марк. — Ты волшебник!

— Целитель, — уточнил Аарон.

— Тот самый? — удивился Марк, припоминая сплетни о бродячем святом, который без труда исцеляет даже безнадежно больных. Аарон утвердительно кивнул, подтверждая догадки капитана. — Нам несказанно повезло! Теперь у форта есть шанс на спасение. Приступим к лечению солдат! Приступим немедленно!

— Не так быстро, капитан. Вас я исцелил магией, но она забирает много сил. Других мне придется отпаивать зельями и травами. Выживут далеко не все, но я сделаю всё, что в моих силах, чтобы смертей было как можно меньше.

— Хорошо. Что потребуется от меня?

— В первую очередь мы должны разделить больных на три группы: безнадежных, тяжелобольных и заболевших недавно. Также мне понадобятся лекари или те, кто не боится смерти...

— Лекари уже мертвы, но бесстрашных хватает, — быстро вставил Марк, да так ловко, что Аарон даже не запнулся.

— Чтобы они наблюдали за моей работой и могли повторить ее без моего присутствия.

— Команду подберем, — уверил капитан.

— Лечение начнем с тяжелобольных. Ими буду заниматься я сам. Теми, кто сильнее остальных, займутся мои ученики.

— Безнадежные? — уже догадываясь об их участи, все же поинтересовался Марк.

— Спасем тех, кого можем спасти. Если хватит времени, постараюсь помочь и другим, но... вы сами понимаете...

— Понимаю, — не стал лукавить капитан.

— Найдите подходящих людей. Мне же надо покинуть форт, чтобы собрать нужные травы и ингредиенты для зелий.

— Не стоило бы покидать крепость, — замялся Марк. — Нельзя допустить, чтобы зараза распространилась.

— Можете не переживать. Я в состоянии исцелить себя и не дать чуме выйти за пределы форта. Тем более, без лекарств я не смогу лечить, и другого выхода у нас просто нет.

— Помощь и спутников не предлагаю. Пока тебя не будет, я подберу людей и разделю больных.

— Хорошо, капитан. Я вернусь с рассветом. Надеюсь, к этому времени все будет готово...

— Будет, — по привычке вставил между слов капитан.

— Чтобы я мог начать работу сразу по возвращению. И еще, капитан. Я хотел бы узнать, известно ли Большой земле об эпидемии?

— Нет, — коротко ответил Марк. — Все, кто приходил с провизией, остались здесь.

— Вы обрекли их на гибель?

— Скорее да, чем нет, но у меня не было выбора: я не мог позволить своим людям умереть от голода.

— Убивать невинных грешно, — покачал головой Аарон. — А оставив обозников в чумном форте, вы убили их.

— За свои грехи я отвечу. Перед Трибуналом или Симионой — неважно.

— Сильная позиция. Буду рад, если в Час Суда добро, совершенное вами, перевесит зло.

Марк оставил слова целителя без ответа. Он не был уверен, что солдат, убивший сотни людей, замучивший или оставивший погибать десятки, достоин того, чтобы купаться в Медовых реках. Да он и не сильно верил в их существование.

— Последний вопрос, прежде чем я уйду.

— Задавайте, — отчеканил Марк.

— Когда был последний приток беженцев?

Капитан задумался. Он помнил день, когда в последний раз на мосту появились люди, помнил, как стоял на стене и обстреливал с другими лучниками безоружных крестьян, опасаясь, что они принесут новый поток чумы. Он помнил этот день, но никак не мог посчитать, сколько времени прошло с тех пор.

— Давно, точнее не скажу.

— Как часто приходили беженцы до последнего раза?

— Чаще, — понимая, к чему клонит целитель, быстро ответил Марк. — Думаешь, готовится большая волна?

— Или штурм, — подтвердил догадки капитана Аарон. — Не хотел этого говорить, но у меня странное предчувствие, будто сюда идет сама смерть. Я не пророк, и видений у меня не бывает. Я могу ошибаться, но сердце мне подсказывает, что вскоре произойдет нечто непоправимое.

— Будем ожидать худшего, но уповать на лучшее. Если считаешь, что здесь опасно, можешь уйти.

— Здесь опасно, — криво улыбнулся Аарон, — но меня всегда притягивала опасность. Я останусь до конца.

Глава 1. Пробуждение

Зомби сохранит свои черты такими, какими они были при жизни, за исключением физической силы, которая удвоится. Он беспрекословно выполнит любые указания колдуна и будет функционировать, пока его не расчленият или повредят.

Колдун может уничтожить раба, бросив на него горстку костяной пыли и выкрикнув имена Guede и Baron Samedi наоборот (edeuG и idemaS poraB). Если же некромант, повелевающий мертвым, умирает, зомби станет свободным и останется на земле, причиняя людям зло.

Дарион Горгоротский «Существа мифические и божественные. Черные колдуны и некроманты»

«Будь что будет...» — думал Сандро, обрушиваясь в сплетение вековых крон, насаживаясь на пики дубовых ветвей.

За миг, разделяющий его со смертью, перед глазами пронеслась вся жизнь. Не задерживаясь на муках и страданиях, которыми переполнилось детство, внутренний взор скользнул дальше. Стремглав пролетел мимо отчаяния и злобы, изуродовавших отрочество, и резко остановился, замер перед ярким, слепящим образом, который некогда высек искру для заплутавшего в потемках сердца и подарил черному миру свет. Это была Энин. На ней жизнь оборвалась и началась вновь.

Он вспомнил теплоту незабываемых встреч. Мгновения, проведенные вместе. Разве можно было вычеркнуть их из жизни? Не продлить? Не вернуть утраченное? Разве можно было уйти из мира и оставить ее одну? На растерзание страшной судьбы, которую уготовил ей эликсир бессмертия? Сандро не был способен на такое. Не мог предать свою чистую, пусть и безответную любовь.

В отчаянной попытке спастись он отпустил наваянное разумом Трисмегиста заклинание — стал невесомым. Но скорость, с которой летел на пики ветвей, уже не успел замедлить. Удар разрушил надежду. Тело содрогнулось от боли, душу разорвало на части отчаяние, грубая тьма выбросила из сознания огненные краски воспоминаний — заменила их черным мраком забвения.

Все было кончено.

Но любой конец — это лишь начало чего-то нового.

Золотая осень в лесу Мертвеца не отличалась особыми красотами, наоборот, представляла собой весьма удручающее зрелище. Нагие ветви дубов и грабов переплелись между собой, будто исполины сцепились в драке. Грубые стволы, окаймленные бледно-зеленым мхом, утонули в густом белокуром тумане. У корней, вздыбивших почву, гниющей грудой скопились прелые листья. Уныло выглядел лес Мертвеца. Зловеще. Но этого, как выяснилось, природе показалось мало — она решила оправдать название, которое люди дали этому гиблому месту...

Сквозь плотно тумана, изредка разъедавая его, находя брешь, на землю опускался призрачный лунный свет. Временами ему удавалось осветить безжизненное тело, валявшееся посреди гнилой листвы. Этот покойник неведомым образом сгнил лишь наполовину: одна часть его лица, укрытая свежими палыми листьями, представляла собой личину скелета, другая — молодого парня.

Когда тусклое ночное светило в очередной раз прорвалось сквозь туман, покойник открыл глаза и судорожно вздохнул. Грудь его — точнее, лишь левая ее половина — с противным свистом наполнилась воздухом. Мертвец с шумом выдохнул и закрыл глаза.

Окружающий мир погрузился в привычную для себя тишину: не слышалось пения птиц, забыли о полной луне и заунывных зовах волки, молчали пробудившиеся для охоты филины, притаились в норах вездесущие мыши. И покойник, как и положено мертвым, больше не издал ни звука. Но, присмотревшись, можно было заметить, как медленно поднимается и опускается его грудь.

— Слава богам, ты жив, — с облегчением сказал Трисмегист, нащупав истонченную, едва не оборвавшуюся нить жизни своего ученика. — Зачем прыгал? Желал глупой, бесславной смерти?

— Желал... не то слово... — откашлявшись, просипел некромант, и его уродливые губы изогнулись в страдальческой улыбке.

— Нельзя быть столь легкомысленным. Ты понимаешь, что смерть для тебя — не значит конец. Умерев, ты станешь личем! Или у тебя изменились планы? Уже не хочешь возвращать себе человеческий облик?

— Надо было действовать — и я действовал, — прохрипел в ответ некромант и, больше не желая тратить силы на бесцельные беседы, при помощи последней сохранившейся энергии принялся изучать собственное тело. Изъянов там нашлось немало, но со многими из них Сандро уже научился жить и понимал, что даже при великом желании не смог бы переиначить черную магию, которая скрепила кости скелета и заживила смертельные раны, полученные в далеком детстве.

Результат изучения не порадовал: ссадины, ушибы, царапины, синяки — на них некромант не обращал внимания — сойдут и сами. Но были и более серьезные проблемы: защемление одиннадцатого и десятого позвонков, из-за которого полностью отказали ноги. С такой травмой не смогли бы справиться даже горгоротские костоправы с их медитацией и иглоукалываниями — она была неизлечима. Но Сандро имел на этот счет свое мнение. Он крепче сжал мертвой рукой змеиный крест и, вспомнив необходимый гримуар, принялся ворожить. Созидающая магия давалась с трудом — силы были на исходе. И все же, спустя бесконечно долгие десять минут, некромант исцелил свое тело. Горгоротские костоправы были бы на седьмом небе от счастья, узнав, что есть нечто более действенное, чем иглы и духовное познание.

Покончив с лечением, Сандро ощутил также явственно, будто откат от заклинания, как на него накатывается волна слабости и отрешенности. Мысли закружились в голове, сменяясь с калейдоскопической частотой. И словно отвечая на крики совести, остановились на погибших спутниках, с которыми не так давно он бежал из Бленхайма. По его вине они мертвы. По его вине — ничьей больше! Если бы он отсиделся в храме Сераписа, а не мчал без оглядки вперед, ничего подобного не произошло б...

Некромант безвольно выпустил из рук змеиный крест, присел, поднял с земли охапку

мокрых листьев, вытер ими выступившие на лбу бисеринки пота, обхватил колени руками и с тоской сказал:

— Я убил всех, а сам остался жив.

Никто не ответил на его слова. Лишь туман лизнул холодом мокрое от росы чумазое лицо юноши и подобрался ближе, становясь одновременно плотнее и гуще. Сквозь туман уже нельзя было разглядеть временами выползающий лунный диск. Даже с помощью обостренного зрения, некроманту не удалось увидеть ничего дальше кончика собственного носа.

— Альберт, — после долгой паузы вновь заговорил Сандро. — Ответь мне: почему я всегда одинок? всю свою сознательную жизнь, я провел в одиночестве: без дружеской поддержки, ласк любимой... У меня ведь до сих пор не было женщины! Но теперь, когда Энин потеряна или... мертва, я не смогу полюбить другую. Да и не захочу...

— Перестань плакаться, — проворчал Трисмегист, не понимая, с чем связаны столь печальные мысли его воспитанника. — Энин, бесспорно, уцелела. В том, что живы Анэт и Батури, я тоже не сомневаюсь.

— А я сомневаюсь, — отозвался некромант, не в силах сопротивляться унынию. — Анэт разбилась — ни один человек не выдержит такого падения. Из-за ее смерти Батури не выполнил клятву, данную на клейме Эльтона, и теперь не жилец. А я даже не знаю, куда он отволоч Энин... Она тоже умрет.

— Да что с тобой такое? — не выдержал Трисмегист и его голос заставил Сандро встрепенуться:

— Мы здесь не одни. Слишком уж странные мысли лезут ко мне в голову.

— Не будь глупцом!

— Ты не чувствуешь? — Сандро резко схватил посох, вскочил на ноги и замер в замешательстве: никаких магических резервов для борьбы у него не осталось. А враг, грубо вторгшийся в сознание, все крепче сжимал тиски ментальной магии.

— Пикси, — догадался Трисмегист. — Во времена альвов и фейри они были совершенно безобидны, но переняли гнусные законы нынешнего обиталища и теперь представляют серьезную...

— К бесам! — не дослушав, выкрикнул некромант и ударил змеиным крестом о землю. Глаза кобры в изголовье посоха полыхнули аметистовым сиянием, которое ярким, слепящим светом пронзило небольшую поляну и на краткую долю секунды разметало туман. Ментальные оковы разрушились. Мысли прояснились.

— Их тут сотни, — прошептал друид.

— Не трудно догадаться. Иначе они не напали бы на повелителя мертвых.

— Сандро, ты себе льстишь. Как личу неполноценному тебе будет нелегко...

— Поговорим о моем тщеславии позже, — перебил некромант. — Скажи лучше: что делать? Как с ними бороться?

— А стоит ли? Судя по всему, они больше не проявляют агрессии...

Будто услышав слова друида, призрачные силуэты, почти неразличимые в тумане, засуетились, закружились вокруг некроманта хороводом теней.

— Помяни волка... — процедил полумертвый и от обрушившейся на него волны уныния и страха с трудом устоял на ногах.

Он встряхнул головой, пытаясь выгнать из сознания чужую волю, взбодриться. Но это не дало результата — врагов было слишком много. «Бежать! Бежать без оглядки!» — вторглась в голову шальная мысль, но некромант подавил в себе паническое желание броситься наутек — во владениях пикси, ему от них не уйти.

— Чего ты медлишь! — воскликнул Трисмегист. — Ставь ментальные барьеры!

Сандро последовал совету наставника, заранее понимая всю тщетность этих попыток, ведь пикси берут не качеством, а числом. И численное превосходство делает их гораздо сильнее чародея.

— Ничего не выйдет! — отчаялся Сандро, когда с тонким хрустом сломался очередной

магический щит. — Мне конец...

Он уже не мог понять, где его мысли, а где — чужие? Глубокое чувство безысходности захлестнуло его с головой и с каждым мигom желание опустить руки и отдаться на милость победителю становилось все сильнее.

— Им нет числа, а я их даже не вижу!

И тут Сандро осознал: сила пикси в тумане. Некромант резко взмахнул посохом, вырисовывая Кеназ,¹ прибегая к рунической магии — собственных сил для действенного колдовства не осталось. Вокруг него взъярилось бешеное пламя и кольцом прожгло все окрест на несколько метров. Туман, прятавший и подпитывающий бестелесных духов, истаял. Сандро твердо знал, что в нем погибли и пикси. Не все, конечно, но те, которые оказались достаточно близко.

И опять мысли прояснились, на смену унынию пришла вера в свои силы и желание продолжать начатое. Но туман вновь стелился у ног и с каждым мигom подбирался к некроманту все ближе. Сандро начертал в воздухе руны огня, повторяя удачный опыт, но на этот раз эффект от магии был намного скуднее — сил не хватало.

— Бесовское истощение, — прорычал некромант, потративший почти всю свою энергию на излечение ран, а позже — на ментальные барьеры. — Что прикажешь делать? — спросил он у Трисмегиста, выискивая в нем последнюю надежду.

— Ведунское кольцо, — подсказал друид. — Оно не потребует крупных магических затрат.

— Чем чертить?

— Кровью...

Сандро, не раздумывая, взглядом и магией, ибо не имел под рукой ножа, разорвал себе кожу на запястье. Хлынула кровь. Некромант еще раз вывел Кеназ, уже не надеясь на большой эффект, но желая выкроить крупицу времени для начертания круга.

Из пореза обильно текла кровь. Сандро провел рукой вокруг себя, тихо нашептывая древнее друидское заклинание. Когда красные бисеринки замкнули неправильной формы круг, он притронулся к ране, заживляя лопнувшую кожу. Теперь оставалось ждать и гадать: подействует ли ведунская магия на низших фейри?

Туман подобрался ближе. Не обращая внимания на кровавое кольцо, двинулся дальше, быстро поглотил некроманта, окутывая его до самой макушки. Мысли в голове перемешались, а в сердце затаился трепетный страх, но на этот раз Сандро твердо знал, что к этому страху пикси не имеют никакого отношения.

Кольцо надежно защитило от ментальных атак. Сандро долго стоял в круге, боясь даже пошелохнуться. Туман холодными прикосновениями щекотал ему лицо, с каждым вздохом оседал опасностью внутри. Ничего не происходило. Пикси молча, ничего не предпринимая, кружили вокруг. Их хрупкие силуэты терялись в сизом облаке тумана. Сандро казалось, что низшим фейри нет до него никакого дела. Но он стоял без движения, пока на небе не погасли звезды, дикая луна не опустилась за горизонт, а слабое утреннее солнце не осветило призрачный лес.

— Слава богам — рассвет... — выдохнул Сандро и бухнулся прямыми в прелые листья — ноги не держали.

Туман быстро редел и пикси уже не выказывали никакого интереса к продолжению охоты. На этот день им хватит эмоций и сил, которые они украли у некроманта, а завтра, если улыбнется удача, они разыщут новую жертву.

— Интересно, они хоть понимают, что губят других? — полубопытался вдруг Трисмегист.

— Плевать. — Некромант устало зевнул и плотнее укутался в дорожный плащ. — Плевать мне и на пикси, и на их бездумные головы, — добавил он, закрыл глаза и,

¹ Кеназ — руна огня

уморенный усталостью, провалился в сновидения.

— Хоть бы защитный круг начертал, — проворчал друид и скрылся в книге, где набирался сил и откуда без труда следил за спокойным сном своего воспитанника.

* * *

— Проснись. Сандро, проснись...

Ему казалось: он только-только прикрыл глаза, а друид уже зовет его. Недовольно потянувшись и раскрыв глаза, некромант увидел стоявшее в зените солнце, вынырывающее из-за оголенных ветвей — близился полдень.

— Сандро, будь ты неладен! Осмотрись!

Некромант схватился за посох и вскочил на ноги. Вокруг бесцельно бродили люди с масками безразличия на бледных, безмятежных лицах. В пустых, мутных глазах не отражалось ни единой мысли. Казалось: они не живые — мертвые. Но это были не зомби, а люди, которых никто не убивал, никто не воскрешал — лишь выпил их сознания, сделав бездумными заводными куклами.

— Рабы убитого некроманта? — понимая всю абсурдность своего предположения, произнес Сандро.

— Не будь глупцом! — проворчал Трисмегист. — Ты же знаешь, что зомби, лишившись хозяина, несут зло. Какое зло творят эти люди, если за час, пока я тебя бужу, даже не попытались напасть?

— Всякое бывает, — пожал плечами Сандро.

— Пора начать думать! — негодовал Трисмегист. — Это работа пикси. Может, ты чувствуешь черную магию, которая подчинила тела? Или забыл, что некромантия...

— Бес с ними, — отмахнулся некромант. — Они неопасны, и для меня этого достаточно. Лучше скажи, как найти Энин?

— Хорошо, — успокаиваясь, протянул друид. — У меня есть одна идея...

После того как рассвет рассеял туман, дух был неплохо видим. Сейчас, впрочем, воплощение тоже давалось ему с трудом, да и сама фигура Трисмегиста оставалась несколько размытой. Хотя, будь у Сандро силы, все могло выглядеть иначе, ведь некромант был по-прежнему связан магией филакретией с вернувшимся в реальный мир друидом. И если ученик слаб, то слаб и его наставник.

— Выкладывай.

— Ты совсем забыл о симпатической магии, — напомнил Трисмегист. — В «Золотой ветви» Фрайзера говорится: «Вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта».

— Спасибо за великолепную цитату Фрайзера, — язвительно поблагодарил некромант, — но каким образом Энин связана с симпатической магией? У меня нет при себе ее вещей.

— Любовь — одно из высших проявлений симпатической магии. Человек, одурманенный любовью, чувствует, когда его вторая половина в опасности, ей нездоровится или она нуждается в помощи. Теперь ты вызовешь подобные эмоции при помощи магии. Такое возможно.

— Хорошо. Что делать?

— Как и обычно: сконцентрируйся на «вещи», представь ее перед внутренним взором и, разыскав связующую нить, иди по ней.

Сандро глубоко вздохнул и попытался сосредоточиться. Но шныряющие вокруг «неправильные зомби» по непонятным причинам притягивали взгляд и не позволяли отрешиться от окружающего мира. Это было странно, ведь чародей уже давным-давно научился абстрагировать свое сознание от внешних возбудителей. Но какое-то глубокое, давнее, тянущее чувство не давало покоя. А уже спустя минуту память услужливо натолкнула некроманта на причину.

— Альберт, эти люди... я знаю их. Знаю каждого из них в лицо.

— Что? — не понял друид.

— Я жил с ними бок обок. Это люди из Слободы, селения, откуда я родом, — Сандро стал внимательно всматриваться в проплывающие мимо лица. Кузнец Неромо, никогда не снимавший жесткий фартук из дубленой кожи. Его толстушка-дочка, которая в детстве была излишне груба на вид, а теперь расцвела великолепной розой и стала весьма привлекательной барышней с идеальной фигурой. Ремесленник Алавио и его семья: три дочери и сын.

— Что привело их сюда? — задумался Сандро. — Слобода далеко. Граница в другой стороне. От чего они бежали? Почему скрывались в лесу, а не отправились в Вестфален?

— Быть может, в столице опасно, — предположил друид.

— Что ж, без знаний нам не разгадать эту загадку, — холодно сказал некромант и сам удивился тому, насколько ему безразличны все эти люди, с которыми он прожил без малого десять лет. Сандро чувствовал к ним лишь отстраненную злобу. Слободчане, даже не дождавшись его гибели, не показав лекарю или целителю, не отстояв чужую жизнь, вручили недобитка некроманту и, расставшись с умирающим, облегченно вздохнули. А потом, уже после обращения в лича, когда Сандро изредка сбегал из замка и возвращался в родное селение, люди сполна одаривали его презирающими взглядами и вполголоса молили Симиону, чтобы она избавила их от зверя, который повадился ходить на пепелище и рыдать у почерневшего остова. Сандро искренне, истово старался любить людей, но для односельчан в его сердце не нашлось места.

— Для поиска Энин тебе не хватает сил, — заметил друид. — Нужен источник энергии. Сандро молчал, понимая, к чему клонит друид.

— Ты можешь освободить души этих несчастных... — осторожно предложил Трисмегист, обводя людей взглядом. — Возьми энергию их жизней.

— Хочешь, чтобы они стали мне кормом?

— Нет, не хочу. Но если рассуждать рационально, то ты не убиваешь их, а освобождаешь...

— Рассуждать рационально. — Некромант усмехнулся уголками губ. Он не питал к слободчанам никаких чувств, кроме молчаливой ненависти, но это не было достаточным поводом, чтобы начать убивать. — Рациональности меня учил Арганус. От тебя, Альберт, я ожидал других уроков.

— Да пойми же ты! Они не живы и не мертвы. Убив тела, ты подаришь покой душам. Если же не сделаешь этого, они станут кормом не для тебя, а для некроманта, который со дня на день пройдет этой дорогой.

— Если же убью их, то сам стану не лучше этого некроманта.

— Поступай как знаешь! — сдался Трисмегист. — Спасай неживых и убивай тем самым свою возлюбленную.

— Такое ощущение, что ты не оставляешь мне выбора.

— Не я, а сложившаяся ситуация.

— Я не стану убивать...

— Для поиска Энин тебе понадобится сила. Много силы. Если выпьешь их жизни, то аккумулируешь достаточно энергии, чтобы замкнуть симпатическое заклинание. Решайся, Сандро. И подумай над судьбой своей возлюбленной. Готов ли ты пожертвовать ею, ради тех, кто тебя презирал, а теперь не может ощутить даже этого презрения — не может ощутить ничего.

Чародей посмотрел в глаза Лидии, дочери кузнеца, подошел к ней ближе и потрепал за плечи.

— Лидия? Лидия, ты меня слышишь?

Реакции не последовало. Сандро гипнотически проник в ее сознание, но нашел там лишь пустоту. Живая кукла, лишенная разума и всяческого проявления мысли. Тот же зомби, который никогда не станет полноценным человеком. Казалось бы, Альберт прав. Этих людей

не спасти. Они уже мертвы. Их ждет не жизнь, а существование, которое закончится мучительной голодной смертью. Можно выпить их силу сейчас, отпустить их души для будущих перерождений, безболезненно разорвать связь духа и тела. Но как тонка грань между освободителем и убийцей, как легко потерять в чужих жизнях — свою.

Некромант со злобой сжал руку в кулак, проклиная темный дар, который он получил с превращением в лича, и сквозь стиснутые зубы процедил:

— Ради Энин, я сделаю это...

Он поочередно подходил к каждому из своих односельчан. Кого-то Сандро помнил так, будто видел еще вчера, о ком-то время стерло малейшие воспоминания, но то, что он делал сейчас со своими жертвами, кроило сердце, заставляло его биться учащенно. Некромант проводил змеиным крестом перед лицом человека, дрожащим голосом произносил заклинание и, будто вампир, пьющий кровь, питался энергией чужой жизни, наполнял себя силой, а людей превращал в холодные трупы. Магией он поджигал тела, оставляя от них лишь рдеющие уголья, из которых уже никогда не сделать ходячего мертвеца. Он убивал расчетливо, медленно, методично и не останавливался до тех пор, пока не выпил без остатка последнюю жизнь.

— Ты спас их души, — ободряюще сказал друид. — Можешь мне поверить: они тебе благодарны.

— Надеюсь, ты прав...

Не желая задерживаться там, где все насквозь пропитано черной магией и убийством, Сандро поспешил покинуть треклятое место. Отойдя на приличное расстояние, он решил вернуться к своим изысканиям по поиску Энин. Сейчас сил хватало с избытком: жизненная энергия, украденная у людей, едва ли не выплескивалась из некроманта — ему не составило труда проникнуть в самые глубокие сферы магии. Вместе с тем, Сандро представлял тот миг, когда убегал из Хельхейма и нес Энин на руках, а ее огненные волосы приятно щекотали ему лицо; вспоминал день, когда вместе с возлюбленной смотрел на каменного дракона и, будучи рядом с ней, ощущал истинное, неповторимое счастье. В сознании крутился и вертелся, затмевая всё, кроме себя, обворожительный образ Энин. Сандро достоин того, чтобы быть с ней! Он должен быть с ней!

Магия выгнала чародея из своих глубин и услужливо указала на «вещь». Сандро чувствовал Энин — медленное, временами замирающее биение ее сердце. Обрадоваться тому, что девушка жива некромант не успел, ноги сами понесли его туда, куда направляла магия.

Сандро мчал вперед, не обращая ни на что внимания, стрелой летел по магическому следу, который привел его к широкой пещере, открывающей вход в лоно скалы, с которой не так давно он спрыгнул и чудом остался жив. В провале властвовала тьма, такая же живая, как в винтовой лестнице, ведущей в лабораторию Бленхайма.

Недолго думая, Сандро шагнул в эту тьму, и она покорно сдвинулась в сторону, отступила перед некромантом. Сперва он думал, что ему придется долго блуждать по витиеватым лабиринтам пещеры, но магия указывала путь безошибочно, и вскоре Сандро оказался в огромной зале, освещенной тысячей свечей, бледно горевших в настенных нишах. В центре комнаты стоял внушительных размеров жертвенник, с толстым желобом для слива крови. Над алтарем, мерно покачиваясь на легком, незаметном сквозняке, позвякивали цепи, заканчивающиеся блестящими, начищенными крюками для подвешивания жертв.

Сердце некроманта неожиданно кольнуло пронзительной болью, и магия, связавшая его с Энин, развеялась. Больше он не чувствовал возлюбленной, не ощущал тока ее жизни. А в следующий миг перевел взгляд в угол комнаты и оторопел от увиденного: в широкой стеклянной колбе, доверху наполненной водой, покоилась Анэт, а рядом с ней в такой же колбе — утонула Энин.

Он не успел. Оpozдал. Оpozдал на жалкие мгновения, но теперь не в силах ничего изменить...

— Всемогущие боги! Почему?! — диким зверем взревел Сандро и в два прыжка подскочил к прозрачным цилиндрам. Притронулся к тонкому стеклу, провел у губ возлюбленной, посмотрел в ее открытые, не моргающие глаза и, не выдержав, упал на колени. — Этого не может быть! Не должно быть! Почему, Энин? Почему? — спрашивал он у неподвижного тела, будто девушка могла ответить.

Сандро, тяжело дыша, задыхаясь от нахлынувшего отчаяния, в последний раз наслаждался красотой возлюбленной. О боги, как она прекрасна! Точеные черты лица, приковывающие взор, полные губы, к которым Сандро так и не посмел прикоснуться в поцелуе, капризно вздернутый носик, огненные волосы, ниспадающие на плечи и прикрывающие девичью, еще не окрепшую грудь, темно-карие глаза с помутневшими, невидящими, мертвыми зрачками. Она умерла. Но такая красота не могла погибнуть! Сандро отказывался в это верить!

Проклиная весь мир, он вытер слезы, встал на ноги и широко размахнулся змеиным крестом, сию же минуту разрушить стеклянную преграду. Но за душевными излияниями он не расслышал шагов за своей спиной и не сразу сообразил, что именно помешало ему опустить посох.

— Не стоит, — сказал незнакомец, вырывая из рук некроманта змеиный крест.

Сандро обернулся и увидел самого себя — человека в черных кожаных штанах и плаще с капюшоном, скрывшем лицо. Некромант на миг опешил, но быстро сообразил, что неизвестный просто-напросто носит такие же одеяния. Но вновь застыл истуканом, когда Хозяин горы открыл искаженное темной магией наполовину мертвое, наполовину живое лицо.

— Удивлен? — спросил тот, удобнее перехватывая змеиный крест.

— Что ты с ней сделал? — выкрикнул Сандро, с трудом сдерживая себя, чтобы одним заклинанием не превратить убийцу Энин в пепел.

— Ничего страшного, — заверил двойник. — Она просто спит вечным сном.

— Ты покойник! — прорычал некромант и соткал огненное заклинание. Пламя поглотило убийцу и прошло сквозь него, никак не навредив. Сандро подряд выкрикнул несколько атакующих заклинаний, но ни одно из них не подействовало на противника — тот был невосприимчив к колдовству.

— Ты не понимаешь...

— Убью! — не слушая убийцу, коброй прошипел чародей и бросился на врага с голыми руками.

Чужак наотмашь рубанул посохом, но его движение оказалось слишком медленным. Сандро без особых усилий схватил змеиный крест, рванул на себя и изо всех сил ударил двойника в корпус. Тот схватил за грудь, выпуская из рук змеиный крест, сполз на пол и скрючился от боли. Некромант сильнее размахнулся, чтобы одним ударом выбить из противника сознание. Но его остановил до боли в ушах знакомый голос:

— Нет!

Сандро посмотрел в сторону и увидел женщину, стоявшую в тени пещерного входа. Несмотря на тьму, он узнал в ней свою мать. Черноволосая, зеленоглазая, с доброй — самой доброй во всем мире! — улыбкой она смотрела на него, и ее взгляд заставил некроманта замереть от трепета и давно минувшей душевной боли.

— Мама, — выдавил он не своим голосом и мельком взглянул на переломанные пальцы материнских рук, заметил на платье, в котором видел ее в последний день перед пожаром, кровавые следы. И вдруг понял, что неведомые существа, умеющие принимать чужой облик, дурачат его, пытаются играть с ним в опасные игры. — Ты выбрал не тот облик, монстр, моя мать давно мертва. И твоему детенышу жить осталось не долго, — стальным тоном сказал некромант, а женщина, услышав его, со скоростью стрелы рванулась вперед, и кинжалом, неведомо как появившийся в ее покалеченных руках, ударила Сандро в грудь. Клинок угодил в правую, мертвую сторону, которая была невосприимчива к боли. Некромант костяной рукой, обладающей силой, в несколько раз превышающей

человеческую, ударил женщину в висок. Ее хрупкое тело мигом обмякло и сползло на пол.

Тем временем двойник некроманта встал на четвереньки и, смахнув с себя иллюзию, превратился в то, чем являлся на самом деле: в крупного монстра похожего на волка, только с более массивными задними ногами и коленями выгнутыми назад.

Некромант попятился, а волк напряг мышцы и прижался к полу — приготовился к прыжку. Понимая, что шансы на спасение ничтожно малы, Сандро выставил перед собой посох и прыгнул вперед за миг до того, как враг оттолкнулся от пола. Разъяренная кобра, повстречав бешеного монстра, выиграла противоборство. Черный исполин, заскулив, как дворняга, кубарем покатился по полу, но, перетерпев боль, быстро встал на ноги и, оттолкнувшись от мозаичного покрытия, вновь бросился на некроманта. Сандро ударил змеиным крестом в тот самый момент, когда монстр уже опускался. Отпрыгнул в сторону и, вывернув посох, ударил поднимающуюся с колен женщину прямым в макушку. Она упала лицом в мозаику. Волк скулил, кружился на месте, прыгал, пытаясь стряхнуть с себя боль. Сандро твердой походкой подошел к извивающемуся и скулящему волку, широко размахнулся и застыл, выбирая момент для сокрушительного удара.

— Стой! — потребовал некто.

Сандро резко перевел взгляд и увидел приближающегося Батури.

— Подойдешь ближе, и он умрет, — некромант кивнул в сторону скулящего волка-перевертыша.

— Я — это я, — заверил вампир.

— Докажи.

— Я зарекался защищать двух живых — и здесь занимаюсь этим.

— Этого мало.

— Ты, как и я, клялся на клейме Эльтона, — пожав плечами, продолжил вампир. — Вместе мы бежали из Бленхайма...

— Твои слова ничего не значат. Мне нужны доказательства!

— Это подойдет? — Батури вытянул руку. На ладони лежал кинжал с волнообразным лезвием. Приглядевшись, Сандро опустил посох. Теперь он верил.

Глава 2. Боль воспоминаний

Кое-кто считает время стрелой, говоря о тяжелом колчане, висящем за спиной Двубога. Наивно полагает, что Он, посылая стрелы в темень небытия и освещая мрак рождением души, раздает судьбы.

Абсурд!

Я был в сердце Времени, во тьме, в толще земных недр, и видел отражение небес в зеркалах озер. Не многим даровано это. И созерцав Чудо, с чистой душой могу сказать, что время движется по кругу: из прошлого перетекает в настоящее, определяет будущее и возвращается к истокам — к прошлому.

Еще я видел того, кто устремился против этого потока, обогнул Время и убежал из будущего в прошлое. Он знал завтрашний день и не помнил вчерашний. Этим кем-то был мой отец. Этим кем-то мог быть и я — при желании, конечно. Такова природа Нашего времени.

Ферр ле Рой «Колесо Времени»

В комнате было темно и тесно. В центре, заняв почти все пространство, расположился небольшой стол. Рядом с ним — восемь кресел, шесть из которых пустовали, и лишь на двух восседали: полумертвый и вампир. Вместо привычных четырех стен здесь было восемь. По углам стояли развернутые в профиль статуи, у каждой из которых было по два лица: одно — молодое, другое — старое. Каким божествам и героям эти изваяния посвящались, Сандро не знал, но сейчас его мысли занимали другие вопросы:

— Те существа, с которыми я встретился в зале, кто они? И почему нападали?

— Ха! — усмехнулся вампир и беззаботно закинул ногу на поручень кресла. — Если ко мне в дом вламывается монстр и пытается разрушить ценные для меня вещи, такие, например, как цилиндры Двубога, я к нему не слишком снисходителен. Или ты ждал другого, более теплого, приема?

— Не я виноват в драке...

— Не виноват? — Клавдий удивленно поднял брови и скривил в наигранном изумлении лицо. — Хм, мне показалось иначе. Ну что ж, хорошо. Я сделаю вид, что поверил. Только давай не будем выяснять, кто прав, а кто виноват. Все равно я останусь при своем мнении... — осклабился вампир и, пошарив во внутреннем кармане, достал огниво. Не прибегая к помощи магии, высек искру и поджег свечу, одиноко застывшую на пустой столешнице.

Огонек свечи заплясал, озаряя комнату призрачным светом, бликами отразился от круга солнца из чистого золота, висевшего на стене. Сандро невольно пробежал взглядом и по другим предметам, которые расположились над головами статуй: змей Уроборос, пожирающий свой хвост, символизирующий начало, конец и бесконечность; два круглых подноса, на одном из которых изображались двери в храм, а на другом — руки с высеченными на пальцах цифрами — CCC и LXV; дальше — виноградная лоза из бронзы, белый бык из слоновой кости, стрела с надписями contra и motio и, наконец, — прекрасный корабль с бело-голубыми парусами.

— Хватит об имитаторах, — продолжал тем временем вампир. — У нас с тобой есть более важные темы для обсуждения...

— Например, что с девушками? — подхватил Сандро, отрываясь от созерцания предметов-символов. — Что это за колбы, в которые ты и твои знакомцы их запрятали?

— Они в водах контрамоции, — ответил вампир и, заметив на себе цепкий взгляд некроманта, закатил глаза. — И не смотри на меня так, полумертвый! Я дал клятву защищать этих живых. И можешь мне поверить: из-за них я не собираюсь раньше времени подышать.

— Что с ними? — повысил голос Сандро. — Может, ты, наконец, ответишь?

— Я же говорю: они в водах контрамоции. Но, так уж и быть, для тебя как для самого неосведомленного могу объяснить популярно: все мы живем из прошлого в будущее, кто-то существует вечно, но остальные стареют и умирают. А вот нашим сестричкам повезло, даже очень повезло — они молодеют. Годы для них идут вспять, а смертоносные раны заживают сами собой.

— То есть Энин излечится от чумы? — Сандро корпусом подался вперед и в упор взглянул в глаза вампира.

— Спроси чего полегче! — усмехнулся Батури. — Чума, вызванная магией, вещь весьма непростая. Узнаем постфактум.

— Хорошо. — Сандро нервно откинулся на спинку кресла. — А что скажешь об Анэт?

— Что-что? Ничего. Отлежится в водах, наберется сил и будет, как новенькая. Она-то эликсиров не пила и колдовской чумой ее никто не заражал.

— Ладно, — отмахнулся некромант, понимая, что чуда, на которое он уповал всем сердцем, не случится. — Тогда у меня остался всего один вопрос.

— Спрашивай, — себе под нос пробурчал Клавдий, пододвинул подсвечник и медленно провел рукой над огнем. На ладони не осталась ожога: Высшие не боялись обычного огня и раскаленных предметов, хотя магическое пламя было для них столь же опасно, как и для других существ. Батури, будто оставшись недовольным результатом, надолго задержал раскрытую ладонь над свечой, но эффект не изменился.

— Прекрати, — потребовал Сандро. — Ты сбиваешь меня с мысли.

— Как прискорбно... — улыбнулся Батури. — Видишь ли, меня такие фокусы забавляют.

— Ты невыносим, но это не имеет отношения к делу. Так вот, мой вопрос: когда сестры будут достаточно сильны, чтобы оправиться в путь?

— Хм... — Батури задумчиво погладил подбородок и ответил: — Жаль, что я не пророк. Тогда мне было бы проще справиться с таким прогнозом. Думаю, через пару дней девушки придут в норму. Хотя Энин...

— Что Энин? — взволновался Сандро.

— Я бы предпочел, чтобы моя жизнь не была связана с умирающей. Видишь ли, если она скончается от чумы, я последую в мир вечных снов следом за ней. А это, мягко говоря, плохой стимул.

— Это отличный стимул, чтобы поспешить. Чем быстрее мы с живыми покинем Хельхейм, тем быстрее ты получишь полную, не ограниченную обетами и клятвами свободу.

— Говоря же о чумной: переживать за ее жизнь не стоит, — подал голос Трисмегист и принял видимый облик на соседнем от Сандро кресле.

— Ах, совсем забыл о твоём ручном духе. — Батури с наигранным недовольством взглянул на призрачный силуэт друида. — Трисмегист, тебе уже сотни лет, а ты так и не научился хорошим манерам. Или забыл, что подслушивать неприлично? Ну да ладно, рассказывай: в чём твой секрет?

— Эликсира, изготовленного Сандро в храме Сераписа, хватит для Энин на несколько месяцев. К тому времени, когда он подойдет к концу, организм девушки выработает иммунные клетки, которые победят чуму.

— Не все так просто, Альберт, — не согласился с наставником Сандро. — Эликсир недоросли затормозит весь метаболизм. Когда Энин нечего будет принимать, опасность вернется. Хотя, конечно, ее иммунитет станет сильнее, а случаи, когда крепкий организм перебарывает чуму, не редкость. Хотя на такую удачу мало надежды.

— Огромнейшее спасибо за просветительскую работу, — язвительно поблагодарил вампир. — Но дальнейшая судьба Рыжей меня не интересует. Распрощаюсь на границе с живым балластом — и дело с концом.

— Ты прав, — кивнул Сандро, пропуская мимо ушей неприятные для себя слова о принадлежности Энин к балласту. — Тебе важно сделать свое дело, а остальное — моя работа.

— Тогда нам остается ждать, — пожал плечами вампир. — Ждать, когда наши сестрички откиснут в водах контрамоции.

— И еще, — вспомнил Сандро. — Ты не ответил на мой первый вопрос, насчет того, что за существ я встретил в храме для гекатомб?

— Ах, да! — спохватился вампир. — С Ди-Дио ты не знаком. Что ж, я тебе о них расскажу. Посмотри на статуи. — Батури взмахом руки указал на двуликие бюсты. — Перед тобой типичный Ди-Дио, он же имитатор, иллюзионист, морок, призрак, Тень — называй, как душе угодно.

— Значит волк — всего лишь имитация?

— Так и есть, — Трисмегист сложил руки в замок и на его полупрозрачном, окаймленной серой дымкой лице застыло выражение благородного спокойствия. Сандро, припоминая уроки друидизма, понял, что Альберт собирается поделиться знаниями, и приготовился слушать. — Говоря по правде, — продолжал дух, — Ди-Дио весьма интересные существа. О них мало упоминается в источниках знаний — слишком уж они скрытны и редко подпускают кого бы то ни было к своим тайнам. Но достоверно известно, что они могут жить сразу в трех временных потоках: прошлом, будущем и настоящим.

— Как такое возможно? — удивился Сандро.

— У Ди-Дио неспроста двуликое божество, которое повелевает временем. Видишь эти символы? — дух провел рукой, указывая на предметы, висящие над статуями. — У каждого из них есть свое значение. Вот, например, цифры ССС и LXV, высеченные на пальцах, в сумме дают дни года. Таким образом, время оказывается в руках Двубога.

— Порази меня молния! — потребовал Батури. — Трисмегист, ты бездарный наставник. Переливаешь из пустого в порожнее, но не даешь ответа.

— Не перебивай! Уж поверь мне, я знаю, как донести до сознания слушателей

квинтэссенцию мудрости. А теперь перейдем к сути: обращаясь к Двубогу, Ди-Дио способны менять течение своих жизней — тогда одно из их лиц засыпает и просыпается другое, живущее в ином направлении.

— То есть Ди-Дио знают будущее лучше любых Видящих? — любопытствовал некромант.

— Увы, нет. Раздвоить сознание они не способны — память двух лиц обособлена.

— Много слов — мало смысла. — Вампир искривил губы в презрительной улыбке.

— Объясни лучше!

— У меня есть более увлекательные занятия, чем распинаться перед вами.

— Хватит перебранок! — гаркнул Сандро, пытаясь утихомирить вампира и друида. — Рассуждая о Ди-Дио, мы зря тратим время. Все равно их дар — ничто. И не дает им ровно никаких привилегий над остальными.

— Трисмегист, упустил самое интересное: имитаторы невосприимчивы к магии.

— А вот это уже интересно. — Сандро взглянул на вольготную позу вампира, который, будь кресло чуть больше, и вовсе в нем улегся, и тогда сам расслабил плечи и облокотился на спинку сидения. — Было бы неплохо заполучить в компаньоны воина, который плевать хотел на чужое колдовство.

— Эх, — с ехидной улыбкой на лице вздохнул вампир, — спешу тебя огорчить, полумертвый: Диомед по своей воле никогда не покинет храм, а из его сына Дайреса такой же воин, как из навоза — стрелы.

— Формулировка оставляет желать лучшего...

— Всему и каждого можно обучить, — заметил Сандро. — Батури, ты достаточно хороший фехтовальщик, скажи: сколько времени понадобится, чтобы обучить воина?

— Мда, ты меня удивляешь, полумертвый, — закатил глаза вампир. — Ну, вот к примеру, сколько лет ты занимаешься магией?

— Восемь, — коротко ответил Сандро.

— И что, ты достиг предела своих возможностей?

— Нет.

— Ага, тогда реши задачу: сколько времени другому магу понадобится, чтобы дойти до твоего уровня, а тебе — до уровня Аргануса? Если решение окажется верным, ты найдешь ответ на свой вопрос.

Некромант со злобой посмотрел на вампира, но смолчал — слова были лишними и неуместными. Зато Батури неожиданно всплеснул руками:

— Чуть не забыл: ты давал мне его во временное пользование. Пришло время возвращать долги. — Вампир неразличимым для глаза движением вытащил из-за пояса «смерть Каэля» и бросил кинжал на столешницу. Именно эта вещица несколькими часами ранее доказала Сандро, что перед ним настоящий Батури, а не его имитация. Если скопировать вампира для Ди-Дио не составило б труда, то подделать столь могущественный артефакт, наделить его первозданной мощью, не смог бы никто.

— Позже. — Сандро даже не притронулся к оружию. — Вернешь мне его у границы, а до этого времени, пусть будет у тебя.

— Не стану спорить, — пожал плечами вампир и ловко вернул кинжал на исконное место.

В тяжелую дверь постучали и через мгновение, не дожидаясь приглашения, туда заглянул имитатор, выглядевший почему-то, как обычный человек: без тех двух лиц, о которых настойчиво твердили Клавдий и Альберт. На вид вошедшему было лет шестнадцать-семнадцать, крепкий, смуглолицый, с чернильно-черными глазами. Одет в простую льняную рубаху, которая вряд ли хорошо защищала от холода, живущего в этих сырых пещерах.

— Отец ждет. Я вас к нему провожу, — приглушенно сказал Ди-Дио.

Без слов вампир поднялся и, не заставляя ждать, вышел из комнаты-коробки. Сандро, задержавшись лишь на мгновение, проследовал за ним.

Потянулись темные переходы и туннели. Ди-Дио шел впереди, держа факел. Слабый свет тонул во тьме пещерных лабиринтов. Грубый, необработанный базальт стен словно высасывал его, пожирал, стоило лишь бледным лучам притронуться к холодной поверхности. Сандро, шедший последним, уже не видел света, исходящего от факела, но, как и каждый некромант, в нем не особо нуждался. И с любопытством осматривался и прислушивался. Во вздыбленных, растрескавшихся стенах журчала и бурлила вода, слышались далекие перекачивания камней, и с каждым шагом этот глухой шум звучал все ближе, будто нарастающий бой тамтамов. В такт этому бою, пульсировало восхищенное сердце юного алхимика, когда он проходил мимо замшелых валунов, поросших шерстью плесневелого мха хабетсума, из которого при смешивании со стеблями могоены получался великолепный смертельный яд. Из стен, ловко и непринужденно разъедавая мощный базальт, вырывались чешуйчатые стебли роговита, пучками росли лечебные гарции, соседствуя с непривередливыми к свету цветками олхара, у которого бутон распускался лишь раз в восемнадцать лет, а мясистые, с толстыми прожилками листья издавна пользовались популярностью у несчастных, решивших прервать беременность. Горная порода сыпалась под натиском разросшейся флоры. Под ногами хрустел песок и мелкий гравий, из которого, паутиной оплетая редкие валуны и стелясь по земле, росли вьюнки.

Сандро был знаком со всеми этими растениями, нередко использовал их в работе, создавая для Аргануса разноразличные зелья и эликсиры. Глядя на них, Сандро с некоторой тоской вспоминали дни, проведенные в лаборатории лича. Несмотря на все невзгоды, нечто неуловимо доброе, трепетное было в тех днях. Казалось: это было так давно, будто с прошлым разделяла целая вечность. Но и впрямь многое изменилось с тех пор.

За этими думами, Сандро и не заметил, как Дайрес привел его и вампира к покосившейся двери, едва державшейся на проржавевших петлях. С противным скрипом двери отворились. На пороге спутников встретил имитатор, не скрывавший свою внешность за человеческим обликом. Оба его лица были уже немолоды, чем разительно отличались от тех, которые некромант видел на статуях в восьмигранной комнате. Черные угольки глаз, весьма похожие на глаза мальчишки-проводника, смотрели на Сандро озадачено, с удивлением. На его лице сменилось много эмоций и масок, прежде чем он нашел в себе силы и, припадая на одно колено, воодушевленным голосом выговорил:

— Приветствую тебя, Двудикий...

— Приветствую, — чудом сохраняя хладнокровие, кивнул Сандро. — Встань. Здесь мы гости и первыми должны оказывать уважение.

— Молил я Двубога, дабы он ниспослал Пророка, — выпрямившись, заговорил Диомед. — Теперь вижу, что зря уповал на доброту Могущественного — им указано темное будущее.

— И что ты видишь? — спросил Сандро.

— Смерть... Обличье Пророка безо всяких слов толкует об участи, что ждет живущих в этом мире: им предначинана смерть.

— Ты что-то упустил, Диомед! — усмехнулся Батури. — В этом мире уже все давно мертвы. Так что это не будущее, а настоящее.

Сандро сглотнул. Ему хотелось открыть имитатору глаза, рассказать о том, что он стал полумертвым не по умыслу Двубога, а по желанию Аргануса. Но, решив раньше времени не раскрывать карт, подыграл доверчивому Ди-Дио:

— Да, Двубог, живущий во мне, показал тебе смерть, но смерть бывает разной. Иногда умирает союзник, иногда — враг. Как ты распорядишься судьбой своего рода, зависит от тебя. Я же сделаю все от меня зависящее, чтобы исход был таким, каким его задумал Двубог. — Диомед набрал в грудь воздуха, пытаясь что-то сказать, но был остановлен некромантом: — Молчи! Все, что тебе надо знать, ты узнаешь со временем. А сейчас задавать вопросы буду я...

— Эх, ну и горазд же ты, полумертвый, речи толкать, — расхохотался Батури, своим смехом разрушая весь тот пафос, с которым были сказаны слова Сандро. — А ты, Диомед, не

радушно встречаешь гостей. Сколько можно стоять в дверном проеме? Да еще и таком прогнившем...

— Прошу простить! — опомнившись, Диомед чуть снова не упал на колени, но Сандро предупредил этот маневр, взяв Ди-Дио под руку. — И не мечтал, что застану явление Пророка. Вот и позабыл разом о всех приличиях. Но не будем медлить. Ступайте за мной, я открою путь в священные озера Двубога. До сего дня, кроме меня, его не созерцала ни одна душа.

И вновь потянулись длинные коридоры, окутанные холодом и сыростью. Воздух был настолько влажным, что в тусклом свете горящих в настенных нишах лампад виднелись мельчайшие капли воды. В этой части пещер флора погибла, отовсюду был лишь голый камень. Даже вездесущего мха и плесени не нашлось ни на стенах, ни на ровном, словно озерная гладь, полу. Сандро скучал, ему было куда приятнее прогуливаться не по обжитым, ухоженным туннелям, смотреть не на отполировано-гладкий камень, а на жизнь, которую излучали растения, облюбовавшие ослабшие базальтовые стены.

Вскоре дорога пошла вниз. Чем дальше, тем круче становился спуск. Сандро уже не любопытствовал и смотрел лишь под ноги, зато Батури, с интересом осматриваясь, ловил некие знаки, говорившие о скором окончании пути.

— Мы вблизи храма Дай-дуа. Сюда еще не ступала нога человека...

— Ступала, — буркнул, останавливаясь, Сандро и указал в сторону, где в очередном ответвлении от основного туннеля разместилась ниша. — Посмотри, здесь человеческий скелет.

Сандро тенью скользнул в комнату.

Куполообразные стены образовали полусферу. В высочайшей точке неведомый заклинатель начертал рунические знаки, на языке, которого Сандро не знал. На полу, прямо под письменами, была выведена точная, построенная с использованием специальных приборов, вписанная в кольцо гексаграмма. Внутри нее поселился тонкий слой инея, едва-едва выползший за пределы сигила. По комнате разлилась такая колоссальная магическая сила, что даже дышать от непередаваемой энергетической тяжести удавалось с трудом.

— Хм, здесь творилось весьма сильное колдовство, — заметил зашедший следом за Сандро вампир.

— Это место мне чем-то знакомо... — прошептал Сандро, осматривая скелет в прогнивших женских одеждах. — У меня такое ощущение, что я был здесь раньше. Или знал того, кто тут умер. Не пойму... странное чувство.

— Я... — Батури прикусил себе язык, чтобы не сболтнуть лишнего.

Восьмью годами ранее по поручению Аргануса он в облике кожана посетил одно селение, название которого не знал. Все, что он должен был сделать там — это выкрасть одну-единственную женщину и в целости и сохранности доставить ее в пещеру Ди-Дио. Батури выполнил поручение, но не совсем так, как требовал Арганус. Узнав, что женщина Видящая, вампир по ее же просьбе отрезал жертве язык и переломал пальцы, чтобы она не смогла ни говорить, ни писать. И только после этого доставил несчастную к своему Хозяину, соврав о том, что во всех этих бедах виноваты послушницы храма Симионы. Спустя два часа, все так же под покровом ночи, Батури доставил лича в то самое селение, из которого выкрал Видящую. О том, что случилось с женщиной потом, вампир так и не узнал. Больше Арганус никогда не говорил об этом случае. Но теперь Клавдий понял: его поступок стал причиной того, что Сандро лишился не только семьи, но и человеческой сущности.

— Что — «я»? — после долгой паузы спросил некромант.

— Я даже не знаю, что думать, — пожал плечами вампир и скривил гримасу. — Но скажу одно: хватит любоваться на древних скелетов. Или тебе хочется получить в распоряжение бродячего мертвеца?

— В том-то и дело, что поднять его мне не удастся. Какая-то странная аура у этого трупа. Она не развеялась даже несмотря на то, что с момента смерти прошло уже несколько лет.

— Тут вызывали Черную Вдову, — подал голос Трисмегист. — Магия немертвия уже высосала жизнь из этой женщины и ни один некромант не сможет тут поработать. Но до тех пор, пока живо поднятое здесь немертвие, душа умершей не найдет покоя.

— Идемте уже, — закатил глаза вампир. — Сколько можно стоять и пялиться на древние кости?

Без слов Сандро вышел из комнаты. Его не покидало странное ощущение, будто здесь не все так просто. Сперва он и не заметил сходства своей ауры с той, которую видел у скелета. И догадался уже позже, когда под конвоем имитаторов почти дошел до Сердца гор.

— Дайрес, — обратился Сандро, — ответь мне, ваша раса и вправду может копировать только тех, кого видела?

— Да, — коротко ответил Ди-Дио. — Но рисунки и память тоже подходят...

— Ясно, — недослушав, обронил некромант.

Теперь он понял все. Всю жизнь Сандро считал, что мать погибла при пожаре, но Элен умерла здесь, в пещере Ди-Дио. И имитаторы, с виду добрые и отзывчивые, хранили не самые безобидные тайны. Не давало покоя другое: слишком плотной вуалью была закрыта гибель его семьи. Но Сандро разберется в этой истории, поймет, наконец, почему на пепелище отчего дома не нашлось никаких останков, которых некроманты даже после пожарищ умудрялись превращать в скелетов.

Тем временем дорога неожиданно вильнула и вывела спутников к великолепному, сапфирно-голубому горному озеру. Из прозрачной воды повылезали скалистые шипы, которые, устремляясь ввысь, соединялись с потолком, чем уподоблялись своеобразным колоннам. Эти шипы, расширяясь у основания, делили водоем на сотни мелких озер-зеркал, а скопившийся вверху бледно-голубой туман, казался то ли отражением самого озера, то ли небесным облаком. Внутренние стены каверна сходились в форме огромной, необъятной для взгляда, пирамиды, и... они сияли, словно божественная воля влила в камень умение дарить свет.

— Душа Гор, — благоговейно протянул Диомед. В этот миг одно из его лиц уснуло, а другое открыло глаза и посмотрело на Сандро: — Ступай в святые воды, Двуликий.

— Благодарю, но я воздержусь от купания.

— Иди. Ты должен. Так требует божественное явление.

Сандро не шелохнулся.

— Иди, — подтолкнул в спину вампир. — Чего боишься? Это вода, а не кислота — не раскиснешь...

И Сандро шагнул... не снимая одежд, не отпуская из рук змеиный крест, не думая ни о чем и не слыша чужих слов. Стоило ему коснуться края озера, как он ощутил невыносимый холод, который пробежал по всему телу, сковывая его, парализуя. Пересиливая оцепенение, Сандро шагнул вперед и, сделав этот шаг, уже не смог остановиться. Он шел вперед, а перед его внутренним взором встала картина из далекого детства.

Навечно любимая, но ныне покойная мать сидела над его постелью и рассказывала сказки. Сандро просил рассказать еще. И любящая Элен с доброй улыбкой на лице выполняла его просьбу: ласково поглаживая каштановые волосы сына, выдумывала для него небылицы. Мальчик лежал, затаив дыхание, и поглощал интересные истории. Проникал в страны, которые обрисовывала мать, и жил в теле вымышленного героя, сам становясь им.

Тихо скрипнула дверь, и в спальню заглянул отец. Он был каменщиком, одним из немногих, кто не боялся работать в замке некроманта, и получал за это неплохой заработок. Правда, уходя с рассветом, домой возвращался затемно и всегда валился с ног от усталости. Вот и сейчас, тихо раздевшись, он лег рядом с сыном и, обняв отпрыска, стал вместе с ним вслушиваться в истории жены.

Элен не умолкала.

Выдуманные ею сказки никогда не повторялись, и каждая новая была интереснее и увлекательнее предыдущей. Ее убаюкивающий голос ласкал слух и медленно погружал в сонную дымку. Отец уснул почти сразу. Немногим позже и Сандро провалился в страну

сновидений, где его воображению открылись картинки из маминых сказок.

Он уснул, а проснувшись среди ночи, увидел пламя, которое окутало весь дом. Двери полыхали жарким огнем. Выбраться из спальни-клетки было невозможно. У потолка стелился угарный дым, а сухое дерево стен накалилось до предела и начало тлеть, даже не дожидаясь прихода пламени. Огонь стремительно распространялся, сковывая небольшую комнату пылающими цепями.

Сандро задыхался от жара и духоты. В страхе он соскочил с кровати и, словно мышонок, забился в угол комнаты. Отец неистово боролся с огнем, но все его усилия были тщетны. Сухое дерево с радостью принимало пламя. Потолок начал обваливаться, первые балки с грохотом свалились на пол.

— Мальчик мой, не бойся... — сбивчиво просил отец.

Дыма становилось все больше, а огонь быстро выжигал воздух. Сандро стало еще труднее дышать.

— Па, а где мама? — пропищал мальчишка.

— Все хорошо, сынок, она в безопасности, — убеждал отец, заворачивая сына в одеяло. — Все хорошо, мой милый, — шептал он, и голос дрожал так же, как и крепкие руки, обнимающие всхлипывающий комок по имени Сандро.

Сперва отец осторожно пробирался через полыхающие завалы, затем резко рванулся вперед, прыгая напрямик в пламя. Первыми сгорели его волосы, и казалось, он сойдет с ума от боли. Он выл, как волк, проклиная луну, но мчал вперед. Кожа обуглилась, словно тонкий лист бумаги на рдеющих угольях, а огонь, получив в распоряжение живую плоть, как кислота проедал мышцы и мясо.

Отец так и не добежал до выхода из дома. Упал, не вытерпев мук, и выпустил из рук единственного наследника, свою гордость, свою великую любовь. Он не успел осознать, что теряет сына — смерть пришла к нему раньше.

Сандро покатился по горящему, прожженному полу. Правый бок обожгло смертельной болью. Больше благодаря страху, чем собственным силам, мальчик выбрался из одеяла, вскочил на ноги и рванулся бежать неведомо куда, лишь бы подальше от огня и жара. Ударившись плечом о дверной косяк, он вывалился из дома, но тлеющее бревно проломилось и упало на мальчика, прижав к земле. От навалившегося груза и боли стало до невыносимости тяжело дышать. Прежде чем впасть в беспамятство, Сандро увидел человека в черной мантии с красными светлячками вместо глаз.

* * *

— Очнись! Очнись! — кричал над ним чей-то голос.

— Выживет?

— Куда денется! Просыпайся, хватит валяться пластом.

Сандро с трудом открыл глаза и увидел перед собой разъяренное, но в то же время взволнованное лицо вампира.

— Я видел смерть родителей... — невпопад сказал Сандро.

— Я тоже! Нашел, чем похвастаться, — сказал Батури и смачно выругался.

— Он созерцал виденье, пришедшее из прошлого, — подал голос Диомед.

— Лучше бы заглянул в будущее, — проворчал Батури — Что толку от старых воспоминаний?

— Толк есть, — не согласился Сандро, уже успев прийти в себя — мертвая часть его сущности гораздо быстрее перебарывала слабость. — Порой прошлое открывает нам глаза гораздо лучше, чем грядущее. Теперь я знаю, кто убил мою семью — Арганус. И именно ему я обязан... — некромант не договорил, вспомнив о присутствии Диомеда, которому еще рано знать о том, что Пророк — всего лишь неудачный опыт древнего лича.

— Бредит, — умозаключил вампир.

— Теперь я знаю, что буду делать, — с трудом встав, заверил Сандро.

— И что же?

— Я помогу Фомору в его войне.

Вначале Батури поверил в его слова, уж настолько серьезно они были сказаны. Но здравый рассудок быстро переборол нелепую доверчивость:

— Да он обезумел! Полумертвый, ты случайно не хочешь завоевать мир и стать Черным властелином? Нет? Только победить Аргануса? Ты хоть понимаешь, в какие игры решил ввязаться?

— Понимаю, — хладнокровно сказал Сандро и в его изумрудно-зеленых глазах, как прежние времена, заплесало неистовое пламя. — Да, мой план безумен, но скоро ты узнаешь, что безумие порой дает больший результат, чем твердый расчет. — После этих слов некроманта обратился к старшему Ди-Дио: — Диомед, ваш род ведет отшельнический образ жизни. Не припомнишь, как давно ты в последний раз видел человека?

— Восемью годами ранее была здесь одна вещунья...

Сандро углубился в размышления и больше не слушал — его уже не интересовал дальнейший рассказ Диомеда. Теперь он точно знал, что не позволит Арганусу и дальше жить в этом мире, уничтожит его так же, как тот убил его родных.

Глава 3. Лживая правда

Этот день стал для меня переломным. Казалось: восемь долгих лет, проведенных в рабстве у некроманта, я был слеп. И прозрел, только войдя в воды контрамоции, окунувшись в забытое прошлое и тем самым осознав свое будущее. В этот день я получил то, о чем мечтал долгие годы: знание о том, кто виновен в смерти моей семьи. А как оказалось позже — и в моем перевоплощении в нежить.

И тогда я решил действовать...

Сандро Гайер «Мемуары некроманта»

Эхо смерти носилось от стены к стене, кружилось в сумасшедшем танце, взметалось к потолку, давящим, душным ветром пробегало по язычкам свечей и рвущимся потоком низвергалось со свода, своей тяжестью прибивая Сандро к полу. Он стоял, вжимая голову в плечи, сворачиваясь в нервный комок, и всем телом чувствовал невидимый груз, который с ожесточением, как каблук чьего-то безжалостного сапога, растирал его меж бороздками битого мозаичного камня. Груз страха и боли. Смерти. Когда-то в этом храме творились ужасные вещи: кровавые гекатомбы приносились во славу двуликого бога — десятки и сотни жертв видел на своем веку алтарь, стоявший в центре залы. Теперь это в прошлом. Но и сейчас, временами пробуждаясь, души стонут пугающим эхом и мечутся, завывая, как волки, в замкнутом пространстве своего посмертного узилища.

Темно-багровой струей по жертвеннику бежала свежая, теплая кровь. Батури закусывал губы и хищно улыбался, будто охотник, выследивший добычу. Диомед нарочито громко декламировал слова неведомого заклинания и всем телом льнул к цилиндру Двубога, словно готовясь слиться со стеклом воедино. Анэт спала с открытыми глазами, ни на кого не обращая затуманенного, подернутого сном внимания, и даже не догадывалась, что именно в ее честь проводят древний ритуал. Сандро, изредка с тяжким трудом расправляя затекшие плечи, выпячивая грудь, переминался с ноги на ногу, желая сорваться с места и ускорить действие. И не находил в себе сил, чтобы сделать хоть шаг — груз смерти крепко придавил его к полу и не давал даже пошевелиться. А кровь все бежала по желобам алтаря, чернела от пыли и грязи, живущей на старом камне, густела и на вид уже ничем не отличалась от смолы.

Первая капля упала на пол.

Неожиданно шаман умолк, отпрянул от колбы и в молитвенном жесте воздел руки, обращая их ладонями к черному от копоти своду.

— Бери! — выкрикнул он и упал на колени.

Прозрачные стенки узилища Анэт растаяли, исчезли, вода вытекла на пол, заливая магические символы, омывая ноги шамана, стирая кровь, и быстро спряталась в узких бороздках напольной мозаики. Сандро, оправившись от удивления, рванул вперед, но более ловкий вампир опередил его: поймал безвольное тело девушки и вытащил за границы того, что недавно было колбой.

— Как она? — Сандро подскочил к вампиру и взглянул на спящую в его руках Анэт.

Она выглядела как сломанная кукла: голова запрокинута, тонкое, истощенное тело, болезненно-бледная просвечивающаяся кожа, отдающая заметной синевой. Казалось: девушка мертва. Но некромант без труда чувствовал слабый, зато ровный пульс и уже не нуждался в ответе на свой вопрос, знал: ее жизни ничего не угрожает.

Тем временем шаман пришел в себя после магического удара, который получил в награду за обращение к неведомым божествам. Поднялся с колен и подошел к вампиру.

— Раны зажили, но девица покамест слаба, — сказал он устало, глухо. — Пусть отдохнет, окрепнет. Прежние силы вскоре воротятся. Ежели Рыжая так же удачлива и не уступает по крепости сестре, то моровая зараза из ее тела выйдет — выздоровеет девка. На памяти моей такое случалось.

— Бросим пустые разговоры, — отдернул сам себя Диомед и обратился к Батури: — Неси девицу в спальню. Огонь разведи, согрей. Всего важнее для нее покой и тепло.

— Молодых и красивых я согреваю безупречно, — осклабился Батури и похотливо взглянул на свою ношу.

— Только посмей! — зверем прорычал Сандро.

— Успокойся, полумертвый. Сейчас она не в том состоянии, чтобы доставить мне удовольствие. А дальше... что будет дальше — не твое дело.

— Не запамятовал, где спальни-то?

— У меня нет проблем с памятью, — отозвался Батури и направился к одному из выходов из жертвенной залы. Сандро пошел следом, но имитатор остановил его окликом:

— Постой, Двуликий! Пьющий кровь управится сам. А для тебя же уготовлено иное дело.

— У меня нет никаких дел, кроме разговора с Анэт...

— Она слаба. Обождать надобно. Как в чувства придет, так побеседуете. Но это будет не скоро. А сейчас мы займемся полезным делом, — с этими словами уголки губ имитатора изогнулись в какой-то тоскливой улыбке, хотя глаза остались бесстрастными. Диомед продолжил: — Мне ведомо, что ты нас вскоре покинешь. Но перед уходом, тебе надо закончить ритуал божественного явления. Ступай за мной...

Под бдительным конвоем Диомеда некромант прошел сетью витиеватых лабиринтов, в которых впору было потеряться, и остановился у тяжелой двери с засовом наружу. Имитатор открыл засов и впустил полумертвого в комнату. Сандро доверчиво вошел и оказался в удивительном мире.

Извечно серые и удручающие пещеры здесь преобразались. Стены покрывали разноцветные, с множеством кружев, ткани. С потолка, украшенного пестрой мозаикой, свисали ленточки и весело звенящие на сквозняке колокольчики. В дальнем углу стояла огромная массивная кровать, утопающая в изобилии ярких многоцветных полотен. Недалеко от нее располагалась высокое, в человеческий рост, зеркало и большая бадья, доверху наполненная горячей, испускающей пар, водой.

— Я вернусь позже. Приятного купания, — с этими словами имитатор вышел и захлопнул за собой дверь.

Сандро прошелся по комнате. Покончив с осмотром, налюбовавшись игрой теплых цветов и красок, остановился напротив зеркала и стал медленно, аккуратно расшнуровывать завязки плаща, педантично расстегивать кафтан, все это время внимательно осматривая в отражении каждый участок своего тела. Молодое лицо с изуродованной челюстью. Безгубая половина рта оскалилась в едкой ухмылке, будто немертвая часть некроманта насмеялась над человеческой. Тонкие пряди хрупких, поседевших от пережитого ужаса, волос прикрыли

глазницу, лишенную глазного яблока. Взгляд, исполненный презрения, скользнул ниже, к ополовиненной шее, к правому плечу, руке, представляющую собой оголенную кость, переместился к правой стороне груди, в которой не доставало легкого, а из изъеденной черной магией плоти устрасюще торчали белые ребра. Только поясница уцелела в пожаре. Станным образом не повредились ни селезенка, ни печень, будто сам рок вlepил Сандро пощечину и злорадно пошутил, заставив существовать с безобразным обликом и дальше.

Некромант уже разделся, но все еще смотрел в зеркало и видел в отражении монстра, которого презирал не меньше, чем колдуна, сделавшего его таким, изуродовавшего его внешность, искалечившего жизнь. Сандро вдруг вздрогнул, будто пробуждаясь ото сна. Резко отвернулся, нашел на полу плащ, поднял его и набросил на зеркало.

— Так лучше, — заметил юноша и, отринув гнетущие мысли, залез в бадью.

Горячая вода обожгла израненную плоть, противно обволокла оголенные кости. Но Сандро быстро привык, расслабился, широко раскинул руки по краям купальни и пролежал так не меньше часа.

Напарившись, накупавшись, полумертвый вылез из бадьи. Чтобы проветрить комнату, попробовал открыть дверь, но она не поддавалась. Вдруг юноша сообразил: засов находится снаружи. Выходит, купание было лишь отводом для глаз, а яркая табакерка оказалась обычной тюрьмой. Подумав так, некромант попытался воспользоваться колдовством, но неведомые артефакты, спрятанные в стенах, заглушили, отрубили, как топор палача, любое проявление магии.

— Открой! — выкрикнул Сандро и от безысходности начал изо всех сил бить по двери. — Открой!

— Тише, мой мальчик, — нежный женский голос заставил юношу замолчать.

Обернувшись, Сандро замер от удивления. Перед ним стояла очаровательная женщина со смуглой, гладкой, глянцевой кожей. Легкая просвечивающаяся ткань мягко щекотала ее манящую фигуру: двумя холмами вздымалась на крупной, высокой груди, бежала ниже, огибая идеальную талию, и обрывалась на крепких, вызывающих влечение бедрах. Иссиня-черные волосы завитками падали на хрупкие плечи. Большие миндалевидные глаза смотрели на Сандро с нежностью и страстью. Сердце некроманта билось в груди канарейкой, жаждущей свободы. Он не привык, чтобы на него так смотрели. Этот взгляд смущал, проникал в самую душу и заставлял чувствовать детский, наивный стыд.

— Я Дайра.

Ее лицо осветила мягкая, добрая улыбка.

— Простите...

Он вжался в запертую дверь и судорожно подумал о том, что стоило бы отвернуться, чтобы не смущать полуобнаженную женщину, не пугать ее своим уродством. Но по грации, с которой она мягко переступала с ноги на ногу, по теплой, ласкающей улыбке на ее лице понял: она жаждала восхищения, желала получить награду за свою красоту в виде застенчивых, неловких взглядов. Сандро не отвернулся, а спустя секунду даже при желании уже не смог бы оторваться от созерцания столь прелестного создания.

— Ты смущен?

Женщина сделала шаг вперед. Сандро вздрогнул и, сам того не желая, шарахнулся в сторону. Она кокетливо, на носочках, подбежала к некроманту, но он вновь отпрыгнул от нее, как от прокаженной.

— Ты меня боишься? — засмеялась она.

Сандро не ответил — не смог подобрать слов. Нет! Ничего страшного в этой зрелой, дышащей красотой и здоровьем женщине не было. Да! Сам не зная, чего именно, он боялся: быть может, неопытности в любовных играх, быть может, своей уродливой внешности.

А женщина, будто и не заметив изъянов на теле некроманта, подошла к нему вплотную, и на этот раз Сандро не нашел в себе сил отстраниться от божественной красоты. Дайра ласково провела по его лицу, с нескрываемым желанием посмотрела в его глаза и с тихим, возбуждающим вздохом произнесла:

— Я хочу: будь моим...

Сандро сглотнул.

— Я не могу. Не могу... так, — с трудом выдавил он и неопределенно развел руками.

— Может, тебе хочется видеть другую женщину? — догадалась она. — Я могу принять тот облик, который ты выберешь сам. Мне достаточно проникнуть в твои воспоминания.

— Нет, — мотнул головой Сандро. — Ты никогда ей не станешь...

— Я могу быть кем угодно, — мягко произнесла женщина и ласково притронулась к вискам некроманта.

Как Дайра вытащила из его памяти образ Энин, Сандро даже не заметил, но стоило ему лишь моргнуть, как перед ним вместо Дайры оказалась обнаженная девушка с капризно вздернутым носиком и огненно-рыжими волосами.

— Энин, — вздрогнул юноша и захотел отстраниться, понимая, что перед ним обман. Но этот обман был так реален, что полумертвый не смог противостоять лживым чарам и даже не шелохнулся.

Дайра взяла его руки и заставила прикоснуться к своей обнаженной груди. Сандро нервно сглотнул, чувствуя, как задрожали ноги и сжалось в комок сердце. Не об этом ли он мечтал уже три года? Не эти ли сны приходили долгими ночами? Вот она, Энин. Вот она, рядом, столь очаровательная, столь любимая. Разве можно сопротивляться ее словам? Ее просьбам? О, всемогущие боги! Мечта перед ним. Только прими обман, и заветное желание осуществится.

И все же Сандро рефлекторно попытался убрать свою ладонь с упругой девичьей груди, воззвал к холодному рассудку, попробовал убедить себя, что ложь никогда не станет правдой. Тщетно. Влечение было столь велико, что он не смог противостоять ему и прижал к себе обнаженную девушку.

— Возьми меня, — взмолилась Дайра голосом Энин. — Я хочу ощутить тебя в себе. Осчастливь меня.

— Нет, нет, это не правильно, — простонал он и закрыл глаза, чтобы не видеть перед собой ту, которая была дороже всех богатств мира, дороже всего мира в целом. Но даже после этого образ Энин не покинул его, ожил в воображении и от этого стал лишь более явным. Не выдержав сердечных мук, Сандро тихо, дрожащим голосом проговорил: — Энин, моя милая Энин... я любил всегда лишь тебя. Тебя и только тебя! Почему боги так несправедливы и не подарили мне твоей любви?

— Я люблю тебя, мой мальчик, — тяжело дыша, прошептала ему на ухо Дайра голосом той, чей облик приняла, и сердце юноши упало в пятки.

— Я с упоением ждал этого момента... и не верил, что такое возможно... — с трудом глотая воздух, бормотал он, не выпуская обнаженную Энин из своих рук, боясь, что сладкий сон растает.

— Все возможно, мой мальчик. — Она во всем была похожа на Энин, лишь глаза ее были не темно-карими, а черными, как безлунная ночь. Но взгляд Сандро был слишком затуманен, чтобы заметить это различие. — Я вся твоя... — с легким стоном прошептала она, отстранилась, призывно поманила некроманта рукой и закачалась в медленном, завораживающем танце.

Сандро смотрел на нее и не мог оторвать взгляда. Его сердце бешено колотилось, ноги дрожали, с трудом выдерживая вес собственного тела, а голова кружилась, как от вина.

— Я люблю тебя, Энин, — как замороженный твердил некромант. — Люблю...

Дайра подошла к нему вплотную, опустилась на колени и принялась одаривать его чресла поцелуями. Перед глазами Сандро все поплыло, он попал в столь блаженную страну, что готов был жить в ней вечно, ни на секунду не возвращаясь назад. А Дайра в образе Энин с каждым мигмом становилась все более страстной, ее нежные поцелуи и движения вызывали в юноше все большую бурю эмоций и неведомых ранее ощущений.

Его тело напряглось. Руки задрожали и с ласковой силой схватили ее за волосы, заставляя двигаться все быстрее. А позже, когда вожделение захлестнуло его с головой, ноги

не выдержали и Сандро рухнул на кровать. Дайра ловко запрыгнула сверху и, почувствовав юношу внутри себя, тихо застонала. Окунувшись в страстное наслаждение, она впиалась длинными ногтями в его грудь: где лишь заскрежетава о кости скелета, а где — расцарапав плоть до крови. Сандро не ощутил боли. В нем жило всего одно чувство — наслаждение, и одна мысль: сладкая мечта — чтобы это чувство никогда, ни при каких условиях не покидало его.

И оно не покидало. Долго. Очень долго. Но все хорошее, к великому сожалению, заканчивается. И спустя время, отведенное богами, бушующее пламя утихло, а наслаждение истаяло, оставив после себя терпкий, кисло-сладкий привкус чужого тела на языке и покалывание на кончиках пальцев.

Дайра, бережно храня образ Энин, спокойно со счастливой улыбкой на лице засыпала. Она знала: в ее чреве — ребенок Пророка. А Сандро все не мог уснуть, хоть ему и хотелось разделить сновидения с любимой. Он лежал на мягкой постели, гладил огненные волосы девушки, которая льнула к его груди, и с невыносимым сожалением думал о том, что все случившееся — лишь иллюзия. А настоящая Энин, та, ради которой он готов жертвовать всем, спала в цилиндре Двубога и из последних сил боролась за свою ускользающую жизнь.

— Я люблю тебя, Энин, — говорил некромант своим мыслям, а не той, что лежала у него на груди и была лишь имитацией правды, но не правдой.

Будто в ответ на признания некроманта, тяжелый засов с шумом отодвинулся и дверь открылась. Сандро повернулся на звук. На пороге, в привычном для себя человеческом облике, будто изваяние, замер Дайрес — в глаза его встали слезы.

— Одевайся, — сказал он тихо, даже не взглянув на некроманта.

— Прости... — Сандро аккуратно, пытаясь не растревожить спящую Дайру, сполз с кровати и принялся поспешно одеваться.

— Отец сказал, что тебе необходимо отужинать. — Мутный взгляд имитатора остановился на матери, которая делила отцовское ложе с чужаком. Дайрес понимал, что так требует обычай, ритуал пришествия Двуликого, но не мог совладать с собой и чувствовал неведомую доселе горечь.

— Ты, наверное, не так понял... — напаяливая штаны, пытался оправдаться некромант, но отчаянно не находил слов в свою защиту. — Все не так, как ты думаешь...

— Все именно так, как я думаю. Но так должно быть, — отворачиваясь, уронил Дайрес. — Отец просил поторопить. Говорил: тебя ждет нелегкая беседа.

— С кем?

— С Пьющим кровь.

Сандро молча выругался.

— Веди, — кивнул он, накидывая на себя черный, как чернила, плащ.

* * *

— В пещерах есть внутренние реки, где водится рыба. Щедро родящие черноземы, пастбища мха, которым кормятся стада слепунов, — приговаривал Дайрес, расставляя тарелки с разнообразными яствами. Он наигранной улыбкой отгонял от себя невеселые мысли и говорил, рассказывал, пояснял, хотя его никто ни о чем не спрашивал. — Горы лишь с виду скупы и безобразны, на самом деле здесь немало красивых мест и живется не так плохо, как кажется...

Жалкие попытки отвлечься не увенчались успехом: грусть с тоской не истаяли. Замолчав, он уже не нашел сил, чтобы и дальше тараторить никого не интересующие подробности о своем существовании, которое отец почему-то называл жизнью.

— Это все, конечно, хорошо, — одобрительно кивнул вампир, — но нет ли чего-нибудь более свеженького? Мой род, видишь ли, не слишком жалуется готовую пищу, предпочитая сырую, а еще лучше — живую. — Батури демонстративно осклабилась, являя на свет нечеловеческий прикус и два длинных, будто у огромной кошки, клыка.

— Надеюсь, слепуны подойдут? — отстраненно, взглядом устремляясь сквозь вампира, проникая в неведомые дали и блуждая где-то там, где нет ни восьмигранной комнаты, ни пещер, ни бесчестных традиций, спросил Дайрес и так же, ни на чем не заостряя внимания, продолжил: — Они не люди, но по утверждению отца строением желудка не отличаются от человека...

— Проверим! Веди своих слепунов.

Безразлично кивнув, Дайрес удалился.

— Не хочу ходить вокруг да около, — воспользовавшись отсутствием имитатора, Сандро поспешил перейти к волновавшей его беседе. Проговорил с набитым ртом и поперхнулся. Откашлявшись, запил водой, тщательно пережевывая треклятое мясо, завернутое в листья салата, и продолжил: — В ближайшее время я покину пещеры Ди-Дио и пойду войной на Аргануса.

— Чем-чем ты займешься? — брови вампира удивленно изогнулись. Он с трудом подавил в себе желание расхохотаться, разумно предположив, что заявление полумертвого — шутка. — Объявишь Арганусу войну и в одиночку пойдешь против его армий? Ты смешон, полумертвый! Или тебя утомила жизнь с такой нелицеприятной внешностью? Так давай я помогу: без лишних ухищрений оборву твоё брэнное существование — моргнуть не успеешь.

— Спасибо за предложение, — поблагодарил Сандро, отламывая сочную, жирную ногу слепуна и жадно в нее вгрызаясь. — Спасибо, — прожевав, повторил он, — но у меня несколько иные планы. Можешь мне поверить: я не самоубийца и не сомневаюсь в своем успехе.

— Я очень рад твоей уверенности, полумертвый, но ты все равно пойдешь со мной. Видишь ли, я не собираюсь в одиночку тащиться с двумя живыми через весь Хельхейм и защищать их, рискуя собственной жизнью. Хочешь, чтобы с ними все было в порядке, тебе придется помочь мне на этом пути. Потом иди на все четыре стороны.

— Ты пойдешь без меня. Я решил.

— Ха! Он, видите ли, решил! — скривился вампир, но быстро принял серьезный вид, сложил руки в замок и устремил на собеседника испытующий взгляд. — Ты изменишь свое решение.

Сандро почувствовал легкое головокружение, по телу пробежала волна, расслабившая одеревенелые мышцы, принеся покой. Некромант с немалым трудом, но без видимых усилий вырвал себя из-под власти гипнотических оков и, скрестив на груди руки, брезгливо бросил:

— У тебя ничего не получится, Клавдий. Я обладаю теми же способностями, что и ты.

— Твои таланты может и велики, полумертвый, но умения — скудны. Учиться тебе еще и учиться, а ты все пытаешься прыгнуть выше головы. Спустишься на землю! Не витай в облаках. Если поступишь так, как «решил», то умрешь. Причем умрешь, ничего не добившись. Ну скажи, втолкуй мне, с чем связана такая глупая затея?

— Мечь.

— Мечь? — ухмыльнулся Батури. — Ты верно пошутил! Кому ты решил мстить? Молнии, которая ударила в отчий дом? Или злым богам воды, которые не послали дождь и не затушили пламя? Успокойся, говорю тебе. Успокойся и не ищи себе на голову приключений — они могут и найтись.

— Моих родителей убило не обычное пламя — их убил Арганус. Но ты не поймешь меня, Клавдий. Не поймешь, потому что своими руками задушил отца. Я же любил свою семью всем сердцем. И никогда! Слышишь? Никогда не позволю, чтобы их смерти остались безнаказанными.

— Заткнись, — зло процедил Клавдий и с такой силой сжал в руках железный кубок, что умудрился превратить его в бесформенный клочок металла. — Я убил отца из-за обманной любви. И знаешь, что после этого понял? Любви — нет! И ты это понял, поэтому и бежишь от своей рыжеволосой красавицы, как от огня. Но мечь и самоубийство — плохое

утешение для неудачной любви. То, зачем ты гонишься — иллюзия. Ложь.

Когда речь зашла об иллюзиях, у Сандро кольнуло в груди. И почему он пошел на поводу у Дайры, принял ее за Энин? Ведь разум осознал обман! А сердце не послушало голос рассудка...

— Пусть ложь, — после долгой паузы, стараясь быть предельно спокойным, заговорил Сандро. — Самообман, иллюзия, бред. Но это мой бред, мой обман и я отомщу за свою семью. Отомщу и не приму никаких возражений...

Батури не нашел, что ответить.

Молчание затянулось. Решив взять перерыв, Сандро методично набивал рот разными яствами, но аппетит был безнадежно испорчен, и изысканно приготовленная пища казалось безвкусной массой. Мысли донимали, еда не лезла в глотку, и несколько минут спустя некромант не выдержал и заговорил вновь:

— Хочешь знать, почему я ухожу? Не из-за Энин, нет. Хотя в твоих словах есть доля истины. Я ухожу потому, что все восемь лет жил памятью о прошлом, желанием вернуть утраченное и — мезтью. Я твердил себе, что найду виновника всех своих бед. Теперь нашел и не отступлюсь.

В комнату зашел Дайрес, введя на поводке откормленное гладкошерстное животное молочно-белого цвета. Кривые ноги существа заканчивались копытами на передних лапах и мягкими, как у кошки, подушечками на задних. Неравномерно патлатая шерсть на морде каскадом падала на глаза, закрывая слепуну обзор. Но зверь неплохо ориентировалась без помощи зрения, причем в темноте чувствовала себя еще и увереннее, чем при свете.

— Хорошо, — вздохнул вампир. — Я отведу твоих живых к границе. Но на большее не рассчитывай.

— Спасибо.

Сандро встал и, не прощаясь, ушел. Батури проводил взглядом некроманта и имитатора, тенью следовавшего за ним. Посмотрел на слепуна. Бездумное создание, почуяв неладное, затряслось. Вампир медленно подошел к нему, что-то тихо шепча. Своим тихим, гипнотическим шепотом успокоив животину, впился в шею жертвы, легко прокусывая тонкую и нежную кожу.

Кровь и впрямь напоминала человеческую, но сильно горчила и оседала на языке неприятным послевкусием. Батури недовольно сплюнул и к животному больше не притронулся. Позже, когда придет время, он утолит свою жажду человеческой, дурманящей, как вино, кровью. А сейчас... что ж, Высший вампир без труда переносит голод.

Тем временем Дайрес, вновь выполнявший роль проводника, повел некроманта запутанными ходами. Сандро отметил, что этой дорогой еще ни разу не ходил, и, глядя на выщербленные, потрескавшиеся стены, местами скрытые тугими кожаными полотнами, заменяющими ограждающие леса, спросил:

— Куда ведешь?

— Пока ты и... — имитатор недоговорил, глубоко вздохнул и ответил: — Рыжую вытащили из цилиндра.

От этих слов у Сандро перехватило дыхание, закружилась голова. От нахлынувшего адреналина сердце забилося учащенно, вокруг все поплыло.

— Как она? — с трудом выговорил он.

— Сейчас увидишь, — пообещал Дайрес, выводя некроманта к покоям девушки.

Сандро на цыпочках, тихо, незаметно проскользнул в комнату и застыл над кроватью, в которой, изредка коротко вздрагивая, спала Энин. Некромант даже не заметил, как ушел Дайрес, — все его внимание было отдано возлюбленной. Он остался у постели девушки и, насладившись ее сонной, молчаливой красотой, ощутил истинное, искреннее счастье.

И было так, пока не пришли мысли.

* * *

Сутки напролет, не отрываясь на сон и еду, наплевав на то, что время по цене приравнялось к жизни, а промедление было смерти подобно, он провел у ее кровати. Ждал пробуждения возлюбленной с нетерпением и страхом. Что будет, когда она проснется? Счастье? Благодарность? Упреки? Он не знал. Бесконечно думал об этом и боялся думать. Хотел, чтоб все было лучше, чем у всех. И понимал, что не дождется этого. Она стала другой. Изменилась до неузнаваемости. Эти глаза, сейчас закрытые, раньше их переполняло добро, позже — зло. Чего ждать теперь? Неизвестность.

Эта неизвестность заволокла Сандро, закружила в вихре неразрешимых вопросов, окутала его страхом и сомнениями. Теперь он не знал: хочет ли быть здесь в тот миг, когда Энин проснется? Что будет, если она изольет на него поток ненависти? Как жить дальше? На что надеяться? Не легче ли оставить все, как есть? Он все равно уйдет. Бросит ее на попечение Батури. Покинет, чтобы никогда не вернуться из своего безнадежного похода. Стоит ли перед дорогой выслушивать Энин? Или проще уйти, не прощаясь...

Он все думал и думал. Мысли менялись с невероятной частотой, одни исчезали — всплывали другие.

— Проклятье... — Сандро сжал виски, не выдержав потока разбушевавшегося сознания. Он бы встал. Ушел. И сделал бы правильно, но она открыла глаза.

— Энин? — не своим голосом выдавил Сандро, и сердце его остановилось.

— Уйди, — прошептала она в ответ. — Не хочу тебя видеть...

— Я уйду. Уйду навсегда из твоей жизни. Только выслушай прежде, чем прогонять.

— Говори, что хотел. И уходи.

— Пять лет я жил в ненависти. В борьбе за жизнь, за свободу, за что-то, чего у меня не было. Все это время бежал в никуда. Все делал напрасно, пока не появилась ты, — на одном дыхании прошептал Сандро и задохнулся от нахлынувших чувств. Судорожно глотнул воздуха и заговорил вновь: — Если я сделал что-то не так, чем-то обидел тебя — прости. Прости меня и знай... — я никогда не говорил тебе этого, не находил в себе сил. Я люблю тебя! Люблю так, как никого никогда не любил...

Губы Энин изогнулись в издевательской улыбке. Она была слаба. Силы еще не вернулись к ней. Слова давались с трудом. Но, улыбаясь, она ответила тихим, придушенным шепотом:

— Ненавижу... ненавижу за то, что научил меня любить, а потом раздавил во мне это чувство.

Энин хотела добавить многое. Сказать, что вся ее жизнь, каждый день ее существования до появления Сандро, были пропитаны мерзостью, болью, предательством. Жизнь для нее была сном, кошмарным сном. И каждое утро, открывая глаза, она надеялась, что кошмар закончится. Но он не кончался. Пока не появился уродливый лицом и чистый душой мальчишка. Сандро перевернул мир с ног на голову, заставил поверить в то, что даже в монстре есть добро, а во тьме реальности — крупица света. Он убедил ее, растопил ее очерстневшее сердце лаской и теплом, подарил любовь. И она приоткрыла завесу своего недоверия, непростительно близко подпустила его к своей душе. А потом, показав свою истинную сущность, подлый мальчишка чередой предательств задавил, растоптал ее светлые чувства, вдребезги разбил ее сердце.

Еще многое она смогла б добавить, но одинокая в своих заблуждениях больше не проронила ни слова. Сандро попятился, увидев на себе ее взор: злой, презирующий, мертвый.

— Прости, — сказал он беззвучным, глухим голосом и, как пугливый мальчишка, стремглав выскочил из покоев Энин. Побежал по незнакомым лабиринтам, помчался дальше от ненависти, которую ощутил на себе вместо любви.

* * *

Сандро незамедлительно собрался в дорогу, гонимый одним единственным словом, которое осталось в его памяти после разговора с Энин: «Ненавижу». Ничего другого он не

ожидал услышать. С этим ему придется жить, с этим — умереть.

Перед отъездом Сандро набросал короткое письмо:

«Моя любовь-птица, загнанная в клетку, соловей, рвущийся на свободу. Ключи от этой клетки у тебя. И если ты когда-нибудь решишь освободить мою любовь, разделить со мной счастье, только скажи-и я примчусь к тебе, даже если ты будешь на краю мира».

В этом же письме он указал точную формулу эликсира «недоросли», опасаясь, что оставшихся запасов Энин не хватит. Еще раз перечитав послание и проверив вещи, закинул за спину походную сумку, в которой лежали в основном лишь уцелевшие после падения со скалы алхимические принадлежности и ингредиенты. Посмотрел на Дайреса, который от начала и до конца наблюдал за его приготовлениями, и протянул имитатору пергамент:

— Передай его Энин.

— Не передам, — помотал головой Дайрес. — Письмо ей вручит отец. А я пойду с тобой.

— Куда? — не понял некромант.

— Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

— Попугачики мне ни к чему, — обрубил Сандро. — Твое место здесь. Там, куда я иду, тебя не ждет ничего, кроме смерти.

— Порой мне кажется, что лучше смерть, чем такая жизнь, — потупив взор, сказал Дайрес, а потом резко поднял голову и посмотрел на некроманта. В глазах имитатора застыли слезы отчаяния и боли. — Я всегда хотел сбежать из этих пещер, — не без труда выговорил он. — Мечтал быть как можно дальше от сырых стен и вечной темноты; вдохнуть полной грудью воздух и не чувствовать себя слепуном, которого выращивают на убой. Я ухожу. С тобой или без тебя.

— Что на это сказал твой отец?

— С совершеннолетием Ди-Дио сами принимают решения, — ответил Дайрес, и Сандро не нашел что возразить.

— Хорошо. Помощь в дороге не будет лишней. Собирайся, но учти: это путь в один конец.

* * *

На закате дня, когда кровавое солнце окутало лес Мертвеца своими щупальцами и погрузило мир в багровую тьму, некромант и имитатор покинули пещеры Ди-Дио, вырвались из клеток, освободились от гнета несчастной любви, ненавистных традиций. И вместе, как два старых друга, помчались навстречу своим судьбам.

А в восьмигранной комнате, за столом, окруженным двумя бюстами, сидел человек, скрывающий свою внешность под черным плащом. Перед ним в канделябре горели три свечи, отсвечивала мутным мертвецким сиянием хрустальная сфера, заполненная переплетающимися между собой змейками дыма.

— Пиши...

Человек расправил чистый пергамент, придвинул к себе писчие принадлежности, перечитал чужое послание и взялся за перо.

— Пиши, — потребовал низкий, утробный голос, исходивший из сферы. — Жили два брата и сестра. Сестра была очень красивой и, чтобы не пасть жертвой соблазнившихся, удалилась, надев черные одежды, дабы скрыть свою красоту...

Прорицание второе

Город утонул в ночи, погрузился в дымку мертвого сна. Давно погасли призрачные огни в окнах домов, закрылись питейные, и заведений таверн разбрелись по теплым, уютным жилищам. Безмятежные дворянские гвардейцы перетянули подходы к

правительственному району цепями, а городские стражи вышли в дозор и в поисках нарушителей мирского сна и покоя нехотя закружили темными лабиринтами улиц.

По центральной площади, дремлющей в тусклом свете фонарей, шел человек. Он вынашивал недобрые мысли, но прятался от проходящих мимо патрулей по другой причине: в Фиоре уже несколько столетий действовал комендантский час, подчиняясь которому все люди, живущие в городе, после двенадцатого удара колокола покидали улицы и до рассвета запирались в домах. Сейчас было далеко за полночь. Не спали только золотари и стражи. И одинокий таинственный путник.

За секунду до того как из-за угла вышел патруль, неизвестный, словно нутром почувствовав приближение отряда, шмыгнул в затененную нишу между домами и притаился. Стражи прошли мимо и, свернув на одну из примыкающих улиц, скрылись из виду. Нарушитель тайком, как вор, покинул укрытие и поспешил дальше.

Сонные дворянские гвардейцы, стоявшие у цепей, заметили его издалека. Но от них он не стал прятаться. Да и какой страх могли вызвать охранники, вооруженные хлыстами и дубинками? Даже благородные лорды, чей сон они стерегли, не сумели добиться для наемников разрешения на ношение оружия.

Человек приблизился. Привыкшие к спокойным и безлюдным ночам охранники, почувствовав исходящую от него опасность, напряглись.

— Кто таков? — издалека гаркнул долговязый гвардеец с седыми коротко стриженными волосами и черными, закрученными на кончиках усами.

Он был одет в сержантский мундир, в руках уверенно сжимал короткую дубинку, которая из-за его немалого роста казалась игрушечной, и угрожающе смотрел на неизвестного. Другой охранник — молодой, безусый — с испугом поглядывал то на идущего человека, то на начальника караула и крепко вцепился в рукоять кнута.

— Кто таков, спрашиваю? — не дождавшись ответа, с вызовом повторил сержант.

Неизвестный, спрятавший свою внешность под черной хламидой, был нем, как рыба, и невозмутим, как мул. Он медленно, словно нехотя, приблизился к гвардейцу, остановился на расстоянии нескольких шагов, резко откинул полы одеяния, выхватил короткий меч и, в один прыжок оказавшись рядом с караульным, нанес точный, короткий удар в его шею. Так и не узнав имени своего убийцы, сержант осел на мостовую, и его багряная кровь быстро наполнила узкие бороздки между камнями.

— Не надо, — затрясся второй гвардеец, ощутив на себе холодный, как хельхеймская зима, взгляд незнакомца. — Смилуйтесь, у меня семья, дети...

— Врешь, Серг, но тебя не виню: со страху и не такое в голову приходит. Знай одно: не хотел убивать сержанта, но он был строгих правил — не пропустил бы. А ты, Серг, иди. Тебя не трону. И на, возьми, — черный монах швырнул гвардейцу колбу с зеленым зельем. Охранник трясущимися руками с трудом поймал ее. — Подмешай в еду Изабете, иначе наследника тебе не видать. Иди.

Серг, неотрывно следя за движениями убийцы, попятился. Поняв, что отошел на безопасное расстояние, развернулся и со всех ног бросился бежать, повторяя, как завороченный, одно и то же слово:

— Вру, вру, вру...

Убийца вытер клинок об одежду покойника, спрятал меч в ножны и спокойно, словно и не совершил минутой назад злодеяния, будто не страшился ни божественного гнева, ни мирского, побрел дальше. Пройдя кварталы литейщиков и монетчиков, он свернул в неприметную улочку и, углубившись в дворянский район, вышел к постоялому двору, принадлежавшему стогхельмскому храму Симионы. Скрываясь в тени домов, он обогнул здание и приблизился к нему с торца. Найдя запасной ключ под кадкой с хламом, легко отворил дверь и скользнул внутрь.

В постоялом дворе жила тишина. Прислуга спала, спали и редкие здесь гости. Паломников с каждым годом становилось все меньше. На стогхельмском совете уже не раз обсуждали: стоит ли держать в Фиоре гостиный дом? Но двор стоял, как и прежде, являя

собой оплот Храма и святости в чужих, верующих в Эстера, землях.

Человек в черной хламиде беспрепятственно прошел на третий этаж, на котором разместились апартаменты высших сановников, и без ключа проник в одну из комнат.

— Здравствуй, Назарин, — встретил его знакомый голос. — Мог бы и днем придти, никого не убивая.

В комнате царил полумрак, лишь лучина призрачно освещала дальний угол, где у стола, в просторном кресле, кутаясь, словно старушка, в плед, сидела Вельва.

— Мог, — откинув капюшон и взглянув на наставницу, сознался молодой прорицатель. — Но будущее требовало от меня такого решения.

— Чье будущее?

— Не твое, Вельва, не твое... — Назарин принялся и уловил едва различимый запах ладана и муарима:² — Знала, что я приду. Так почему осталась?

— Ответь сам.

— Вельва, Вельва, я так устал от твоих шарад. Слава Симионе, для меня они остались в прошлом. — Назарин прошел к кровати и, расправив покрывало, уселся. Глубоко вздохнул и на несколько мгновений замер. Очнувшись после мимолетного сна-видения, посмотрел на наставницу мутным, ослепевшим взглядом и сказал: — Теперь для меня нет загадок, Вельва. Я знаю, почему ты осталась: боишься, что Немой убьет тебя, если попытаешься сбежать.

— Боюсь, но осталась по другой причине.

— Да? — наиграно удивился Назарин. — Неужели, передумала убивать моего брата?

— Передумала...

— С чего бы это?

— Муарим подсказал, — подтянув сползший плед, ответила Вельва.

— Спасибо ему. Для меня не найдется?

Вельва взяла со стола небольшой, с таллийский орех, мешочек и швырнула его позднему гостю. Назарин поднял упавший у ног подарок, развязал крепкий узел. Удостоверившись, что его не обманули, снова завязал и спрятал за пазуху.

— Благодарю.

— Ты, вижу, уже не боишься Дара и смотришь в далекое будущее?

— Как видишь, — пожал он плечами.

— Зачем только врешь? Ведь боишься все так же...

— Неважно! — гаркнул Назарин. — К чему философствовать? Перейдем к делу. Ты же знаешь, зачем я здесь, знаешь, что мне нужно...

— Эликсир?

Он не ответил, поймав себя на мысли, что в беседе с Вельвой слова потеряли смысл, а разговор превратился в неинтересную, наполненную фальшью игру, исход которой обоим игрокам заведомо известен. Назарином овладела скука.

— Что ж, эликсир у меня. — Прорицательница взяла со стола стеклянную бутылочку с белым, как молоко, и густым, как патока, зельем. — Но тебе он не достанется...

Она швырнула флакон на пол. Стекло разбилось вдребезги, а бесценное вещество расплылось по цветному ковру мутно-белым пятном.

— Твою мать! — возопил Назарин, сорвался с места и на ходу оголил сталь меча. Он выбросил руку в колющем ударе, но остановил острие клинка за миг до смертоносного касания. От неожиданности глаза прорицателя наполнились азартом и заблестели. Он ошибся: Всевидающая — интересный соперник. Отойдя на шаг, Назарин провел рукой по густым волосам и улыбнулся. — Хитрая старуха. Я почти поверил в твою игру. Тебе никогда не говорили, что ты — непревзойденная актриса?

² **Муарим** — растение с сильнодействующим галлюциногенным эффектом. Часто использовалось адептами культа Симионы как катализатор видений.

Вёльва оставила вопрос без ответа.

— Признаюсь, не ожидал, что ты решишь пожертвовать собой.

— Ради будущего мира я готова пожертвовать многим...

— И моим братом? Не выйдет!

— Ты меня не слушал, мой мальчик. Я копнула глубже и поняла, что его смерть ничего не решит. Ты уже сделал те шаги, которые опасностью делают не его, а тебя.

— Я балансирую на грани, Вёльва, но никогда ее не переступлю, — заверил Назарин и, вдруг почувствовав себя неловко, спрятал меч в ножны.

— Проблема не только в тебе, — после короткой паузы заговорила Видящая. — Когда-то ты сказал, что полумертвый мальчик станет погибелью мира. Я не послушала тебя. Была уверена в своих расчетах, но ошиблась. Как и предсказывали мои видения, Сандро не смог спасти возлюбленную от перевоплощения в лича, но Агнэс, сжалившись над его горем, обратила время вспять, и ток вещей переменялся — будущее стало другим. Теперь Сандро окунулся в воды контрамоции и, узнав свое прошлое, снова спутал все карты.

— Он не так плох, — усмехнулся Назарин. — Ты и во мне ошибочно видишь плохого прорицателя. Может, ты слишком стара, Вёльва? И тебе пора на покой?

— Может, — меланхолично отозвалась Видящая, — но не тебе это решать. Ты пришел за эликсиром? Он твой, — откинув плед, она сняла с пояса флягу и протянула ее гостю. Назарин принял подношение и на мгновение закрыл глаза.

— Хорошо, Вёльва, хорошо. Этот яд сослужит Валлии добрую службу. Но зачем было разбивать эликсир Овена? Ведь я пришел не за ним.

— К чему вопросы? Ведь для тебя уже нет загадок...

— Бесы с тобой! — отмахнулся Назарин. — Я и так потратил на тебя слишком много времени. До встречи! — отсалютовал он и без промедлений покинул чужую обитель.

— Прощай, мой мальчик. Прощай...

Человек в черной хламиде и накинутом на голову капюшоне пробирався к западным воротам, ловко прячась от патрулей. По городу с факелами носились стражи, перекрывали дороги, искали убийцу сержанта и сбежавшего с поста гвардейца.

Серга найдут вдрызг пьяным в Заблудшем квартале, славившемся преступностью и развратом. Спустя три дня магистрат осудит его за дезертирство и с позором выгонит из города. Ничего. Обживется у родителей в деревне Оскорки, станет неплохим, как и отец, кузнецом, а через положенный срок Изабет порадует мужа наследником...

— Куда? — вырвал Назарина из череды мыслей голос привратника.

— Прочь из этого города...

— Рано еще, подъем не пробили, — охладил пыл путника караульный и взялся за рукоять меча: от одного вида пришельца по коже пробежал мороз, а сердце сковало дурное предчувствие. — Позже, говорю, приходи: пока не время.

— Самое время...

В тот же миг забил колокол на городской ратуше, ознаменовав начало нового дня. Караульный недоуменно покосился на незнакомца, но не решился его задерживать и пропустил. Покинув Фиор, оставив за своей спиной первого убитого, Назарин вновь подумал о начатой им игре, которая для многих фигур закончится по ту сторону Смерти, и хитро улыбнулся своим опасным мыслям.

Игра началась.

Глава 4. Ночные тени

Я вызываю и заклинаю вас, о духи бездны, и вооруженный властью, данной мне Высочайшим Величеством, строго приказываю вам именем Beralanensis и именами Могуущественнейших Принцев, Джоноу, Liachidee и Genio Liachidi.

Я вызываю и заклинаю вас, о духи бездны, Тем, Кто произнес Слово и было сделано, Тем, Кому послушны все существа; днем

Страшного Суда; четырьмя зверями с глазами спереди и сзади.

Я настойчиво вызываю вас, чтобы вы появились здесь, перед Кругом, и реализовали мою волю относительно всех вещей, которые меня привлекают.

«Книга Правды и Лжи» Изорно Вэрий дей Ностра ди Амус

Блеклый страж медленно, с усилием, взбирался на ночной небосвод. Напряженно мерцал, одаривая землю холодным, призрачным светом. Охраняемые им небесные узники разбегались вокруг и, шурясь, взирали вниз горящими огоньками глаз. Бережно растрачивая свет, они слабо озаряли небольшую поляну, на которой грелся у костра человек. Под жалостливые взгляды звезд и луны к нему подползали отбрасываемые деревьями тени. словно тонкие пальцы мертвеца, они хватали его за одежду, тянули к лесу. Но добродушный огонь отпугивал их, не давал приблизиться вплотную, защищал, как чародейский круг.

Человек коротко вздрогнул, будто нутром почувствовал затаившуюся позади опасность. Обернулся. Огляделся по сторонам. Не найдя ничего подозрительного, вновь уставился на плясавшее и печально потрескивавшее пламя. Огонь засуетился, задрожал, будто услышав приближение опасного врага. А в следующий миг протяжным, гулким голосом завыл ветер, загудел, как боевой горн, трубивший тревогу, и обрушился на островерхие пики деревьев. Заскрипели стволы дубов и грабов, зарыдали, как матери погибших в сраженьях сыновей. От их плача ветер разгорячился, ударил по неподвижным исполинам с еще большим ожесточением. Вдруг показалось: деревья рухнули — столь низко прильнули они к земле. Но выпрямились и под неумолкающие крики стихии продолжили гнуть в бессмысленных, лебезящих поклонах оголенные головы и заискивающе, удивленно всплескивать безлиственными руками-ветками. Вместе с ветром пришел пробиравший до костей мертвый холод. Сандро съежился, плотнее укутался в дорожный плащ и ближе придвинулся к испуганному пламени. Дрожащей рукой подбросил в костер несколько поленьев. Огонь, нехотя поглотив промороженную древесину, замерцал, выровнялся и запылал ярче. На мгновение стало теплее...

— О чем задумался? — вырос из-под земли Трисмегист.

Некромант, недовольно сплюнув, окутал себя непроницаемой для холода и ветра сферой и, облегченно вздохнув, ответил:

— Все думаю о том, чем обернется для Хельхейма власть Аргануса.

— Считаешь: многое изменится?

— Изменится все. Балор Дот жил в страхе. Боясь потерять трон, страхась могущества Совета, он запретил магию, чем ослабил не только претендентов на корону, но и весь Хельхейм. Прогресс остановился, наука зачахла, некроманты перестали обучать учеников и делиться знаниями. Только армии становились больше день ото дня. Но какой толк от неупокоенных, если один колдун совладеет с сотнями и задержит — тысячи... Арганус не упустит своего. Возьмет молодых магов под свою опеку; договорится с вампирами, даст им под пастбища часть людских земель. От этого Хельхейм окрепнет, а Стигия окончательно и бесповоротно окунется в смерть и забвение. Но на этом Арганус не остановится. Готов поспорить, он всерьез возьмется за разрушение купола и, я не сомневаюсь: в отличие от Балор Дота, рано или поздно достигнет успеха.

— Для юношеского ума довольно зрелые рассуждения, но я думал, тебя беспокоит месть. Разве не за ней ты пошел навстречу смерти?

— За ней, — кивнул Сандро. — Но это ничего не меняет, скорее наоборот, удваивает необходимость убийства.

— И как ты убьешь Аргануса? В поединке у тебя нет шансов: он опытный и могущественный маг, а ты — лишь новичок.

— Я найду способ, — заверил Сандро и, услышав шаги за спиной, обернулся.

К костру подошел Дайрес. Дикий ветер встретил имитатора сильным порывом и протяжным, басистым воем и неожиданно резко умолк, притаился, будто приготовился к молниеносно-шквальному нападению. Вокруг постелилась ирреальная тишина, в которой

грубо, жестко прозвучал голос некроманта:

— Почему так долго?

— Охота не ладилась, — пожал плечами имитатор. — Еле двух зайцев отловил.

— Отловил? Откуда такая ловкость?

— Да это не ловкость, — отмахнулся Дайрес и смущенно улынулся: — Я зайчихой прикинулся.

— Интересно... И как ты уменьшаешь свой вес?

— Никак, я уплотняюсь.

— Ничего не появляется из неоткуда. Где-то убывает, где-то прибавляется, — философски заметил Трисмегист. — Но если учитывать, что сущность одна, а масса единой сущности неизменна...

— Альберт, — умоляюще протянул Сандро, — прошу: не будем переходить на физические законы, отрицающие не только существование богов, но и возможность магии.

— В большинстве своем Ди-Дио не маги...

— Хорошо, Альберт! Но пусть ответит тот, кого я спрашиваю. Если ты, разумеется, не против?

Трисмегист не ответил, и юноша, сочтя молчание за согласие, обратился к имитатору:

— Так насколько ты можешь уплотниться?

— Да у меня даже заяц выходит слишком крупный, — покраснев, отозвался Дайрес.

— Ладно, заяц, — ухмыльнулся Сандро и скептически посмотрел на добычу имитатора. — Кто готовить будет? Замечу сразу: я — отвратительный повар.

— А еще брать с собой не хотел! — с улыбкой воскликнул Дайрес и, вытащив из поклажи некроманта кривой ритуальный нож, ловко вспорол зайцам животы.

— Отошел бы, — поморщился Сандро. — Спать-то здесь будем, не перед выпотрошенными же кишками.

Дайрес, смущенно улынувшись, отдалился от костра и вернулся к прежнему занятию.

— Помнишь людей из Слободы, у которых я выпил жизни? — спросил вдруг у наставника юноша.

— Почему ты о них вспомнил?

— Знаешь, что меня пугает в моем поступке? — не придав значения вопросу друида, продолжил Сандро. — Ничего. Абсолютно ничего, потому что понимаю: я сделал так, как должен был сделать. Понимаю умом, а сердце молчит. Хотя оно должно рваться от боли и стыда. Как же! Убить два десятка людей и не чувствовать угрызений совести! Но я не чувствую. А знаешь, почему? Ответ прост: рационализм. Бесстрастие немертвого, его грубая бессердечность, математическая точность и взвешенность расчетов даже там, где речь идет о человеческих жизнях. Во мне уже не осталось ни жалости, ни сочувствия. И это меня действительно пугает.

— Ты слишком драматизируешь. Продуманные поступки, когда они совершены без ошибок, не должны вызывать раскаяние. Ты поступил верно, и совесть молчит. Всего-навсего.

— Всего-навсего? Посмотри на меня, Альберт! Кого ты видишь?

— Человека... Человека, который не может найти себя. Он потерялся в чужом для себя мире и не знает, как жить дальше.

— А я вижу нежить. Из зеркала на меня смотрит монстр. И я не могу поверить, что этот монстр — я.

— Радуйся! — с восторгом воскликнул друид и продолжил сухим, лекторским голосом: — Ты можешь увидеть в зеркале не только свет, но тьму. Многим этого не дано. Люди всю жизнь не могут рассмотреть в отражении монстра, который прячется за человеческим лицом. Так кто лучше? Кто хуже? Ты или они? Хватит задавать себе эти вопросы — на них нет ответа. Хватит, говорю тебе.

— Что ж, хорошо, забудем этот разговор, Альберт, — тяжело вздохнул некромант. — Забудем о высоких материях и вернемся к насущным проблемам.

— Что тебя беспокоит? — спросил Трисмегист, почувствовав, что ученик неспроста начал задавать вопросы: им овладели сомнения. — Переживаешь, что Сиквойя скоро нас догонит? Не волнуйся, многотысячной армии трудно идти через чащи. Будь на его месте, я бы выбрал другой путь, к тому же есть более удобные...

— Удобства — чушь, — отрезал некромант. — Немертвым неважно, какая перед ними преграда: лес, равнина или стена — выполняют приказ, каким бы глупым он ни был.

— Выполнить — выполняют. Но какой смысл гнать армию дебрями?

— Все просто. Наместник идет в Бленхайм кратчайшей дорогой — через Черные кряжи. Сиквойя движется на сближение с Фомором, чтобы задержать его, пока Арганус будет штурмовать столицу. Из этого выходит, что Сиквойя волей-неволей направляется к нам, в лес Мертвеца. Вопрос в другом: сколько времени у нас в запасе?

— Что ж, быть может, ты прав. Подсчитаем. В пещере Ди-Дио мы пробыли три дня, за пять — Сиквойя обогнул Бленхаймские скалы. Четверо суток мы пробираемся через лес, но немертвые движутся несомненно быстрее...

— Не тратят время на сон и привалы, поиск пищи и готовку... — невесело добавил Сандро. — Мы уже растеряли всю фору.

— Есть вертел? — будто услышав о том, что разговор зашел о готовке, к костру вернулся Дайрес с двумя выпотрошенными зайцами в руках.

— Сварим, — решил чародей. — Одного оставим на завтра. Дальше будет не до охоты: за нами по пятам движется Сиквойи и его войско.

— Ищет тебя?

— Не совсем, — ответил Сандро, отметив для себя непроницаемую твердость имитатора, — идёт войной на Хельгард. Но если встретит меня, будет рад.

— В лесу можно спрятаться. Да так, что никто не найдет.

— Спрятаться можно, но не от легиона нежити. Чем философствовать, лучше принеси воды. Хватит на пустой котел молиться.

Дайрес засуетился, подхватил посудину и затрусил к журчащему неподалеку ручью. Быстро вернулся, наскоро соорудил из лежащих вокруг веток держатель и закрепил котелок над огнем. Ритуальным ножом некроманта разрезал на куски зайца и побросал мясо в воду. Сандро, порывшись в своем мешке, достал соль, увязанную в небольшой узелок, и отсыпал немного в котел.

— Ночевки не будет — дорога каждая минута. После ужина отправляемся в путь, — сказал Сандро, когда Дайрес разлил по деревянным мискам ароматный бульон.

— За лесом Мертвеца скалы — там труднее спрятаться. Не проще ли переждать, когда армия мертвых пройдет?

— Проще, — согласился Сандро и отхлебнул бульона. — Но мне надо встретиться с армией наместника до того, как её проредят войска Сиквойи.

— Я бы прошел, когда некроманты перебьют один другого. Так безопаснее...

— Если я иду на риск, значит так надо! Я предупреждал об опасности, когда ты собирался в путь. Если передумал — дело твое. Уходи — никто не держит.

Дайрес не ответил.

Некоторое время молча пили бульон, вслушивались в звуки ночи. Было тихо и спокойно: исполин-лес спал, окутывая сонной дымкой своих обитателей. Лишь волк-одиночка завывал где-то вдали, хлопали крыльями не спящие совы, пищали мыши.

Некромант всматривался в чащи — ожидал опасности, скрывающейся в них. Что-то его беспокоило, не покидало недоброе предчувствие, хотя ничего не предвещало беды, и мир вокруг был привычно спокоен. И все же Сандро видел в этом штиль перед бурей, подозревал, что вскоре тишина сменится криками, а умиротворенность — сражением.

— Расскажу вам историю для пущего аппетита, — усмехнувшись, решил вдруг Трисмегист. — Для вас не секрет, где мы — в лесу Мертвеца. И сейчас вы узнаете, отчего его так называли. Здесь жили люди. Сейчас от них и след простыл, но раньше стояла в этих местах немаленькая деревня — домов двадцать. Однажды на дровосека и его беременную

жену, возвращавшихся из соседнего поселка, напали волки. Мужчина до последнего вздоха защищал свое семейство, но его сил оказалось недостаточно — хищники перегрызли всех. Односельчане горевали по погибшим недолго, в диких лесах смерть от клыков никогда не была чем-то особенным. Приключившейся истории даже не придали значения. Но спустя десять лет жители деревни увидели мальчика, охотившегося в стае волков. Тогда люди вспомнили о жене дровосека, которая в ту ночь разрешилась от бремени младенцем.

Сандро и Дайрес, не забывая методично жевать вареную зайчатину, внимательно вслушивались в каждое слово Трисмегиста. А Альберт, получив благодарных слушателей, с удовольствием рассказывал:

— Попытались приручить мальчика, воспитанного хищниками, но безрезультатно. Под человеческой внешностью жил зверь, и этого уже нельзя было изменить. Вот и наш мальчишка за всю жизнь никого к себе так и не подпустил. А люди смирились, привыкли, перестали обращать на встречи внимание, решили: отживет свой срок и дело с концом. Но случилось неожиданное: волчицы в стае начали рожать странных детенышей — полулюдей-полуволков — потомство от человека.

С этого момента некромант и имитатор стали еще внимательнее.

— Позже стая таких тварей напала на поселение, чуть не перебив всех. Много тогда крови пролилось: и человеческой, и звериной — половина деревни погибла. Но на этом беды не закончились. У некоторых жен помутились рассудки. Лунной ночью, не сговариваясь, они все ушли в лес, словно некая сила потянула их туда. Этой же ночью женщины вернулись, но то-то удивились рогоносцы, когда жены стали родить полуволков. Приплод, конечно, умертвили, позвали колдуна, чтобы разобрался, в чем дело. Оказалось, потерявший семью дровосек проклял волков, сказав, что их стая выродится от его потомков. Проклятье сбылось — сын Мертвеца извел-таки всех волков, но сам стал зверем.

Вдали, из глубины непроходимой чащи, раздался душераздирающий вопль, заставивший пернатых хищников взмыть к небесам, и быстро стих, вернув миру привычную тишину, но не покой. Сандро против воли вскочил на ноги, уронил в костер остатки зайчаткины и недовольно выругался, взглянув на испорченный ужин.

— Это... полуволок? — с испугом, изменив своей привычной непроницаемости, спросил Ди-Дио.

— Альберт, проверь, что там, — попросил некромант.

Без слов Трисмегист скользнул в глубь леса, исчезнув меж деревьев. Сандро не к месту подумал, что Альберт окреп, накопил магические силы и заметно удлинил поводок, которым его привязала к себе филакретия — книга, сохранившая часть бессмертной души.

Невольно некромант потянулся к запечной сумке. Расстегнув замок, приложил руку к кожаному переплету и почувствовал, как энергия приятным теплом поднялась от книги вверх по руке. В филакретии сконцентрировалось могущественное колдовство, с которым не страшны ни волк, ни человек, ни живой, ни мертвый.

— Как ты думаешь, кто это кричал? — разволновался Дайрес. — Человек? Или может...

— Не верь сказкам, — хладнокровно сказал чародей, осторожно присел на корточки и, оглядевшись по сторонам, поднял с земли змеиный крест. — Не переживай: опасности я не чувствую, — соврал он, не сказав о том, что тревога, терзавшая его раньше, вернулась и от безрадостных сказок Альберта, осевших недоброй тяжестью в груди, многократно усилилась.

Крик больше не повторился, вокруг постелилась глухая, непроницаемая тишина, отчего стало казаться, что все случившееся — лишь выходки разыгравшегося воображения. Но несколько минут спустя, невдалеке послышался хруст, сменившийся треском, скрипом и стоном падавших деревьев. Шум нарастал, звучал все ближе. Сандро, удобнее перехватил посох, напрягая глаза, вгляделся в даль, но даже зрение некроманта не помогло ему увидеть в лесной тьме хоть что-то. А позже вернулся Альберт и принес недобрые вести:

— Сюда бегут йотуны, а за ними — войско Сиквойи. Мы опоздали.

— Туши огонь! Уходим! — скомандовал Сандро, но прежде чем Дайрес выполнил приказ, сам погасил костер ледяными чарами и быстро сложил вещи в заплечный мешок.

На поляну выбрался йотун огромных размеров и побежал вдоль полосы деревьев, не приближаясь к людям. За первым зверем показались другие. Они уже не стали проявлять осторожность — рванулись напролом. Сандро застыл, раскрыв рот. Йотуна он увидел впервые и не сразу пришел в себя от этого зрелища.

— Стой! — приказал зверю Дайрес и в повелительном жесте выставил перед собой руку. Удивительно, но йотун остановился и, как показалось Сандро, смерил Ди-Дио вполне разумным взглядом. — Мы не причиним зла ни тебе, ни твоим соплеменникам. Все, что нам надо — без ущерба для себя покинуть лес Мертвеца...

Успокоившийся было зверь, услышав последнее слово, неожиданно резко прыгнул на Дайреса и занес над ним косматую лапу. Ди-Дио не успел осознать всего ужаса своего положения, когда дикий зверь, так и не сумевший нанести удар, вдруг рухнул к его ногам. Некромант одним взмахом лишил животное души, без остатка выпил все его жизненные силы — опыт, полученный от убийства слободчан, не исчез бесследно.

— Что? Что ты с ним сделал? — опешил Дайрес.

— Не задавай глупых вопросов! — выверился Сандро и обвел взглядом замерших вокруг йотунов. — Кто сделает хоть шаг — умрет! — предупредил некромант, уже подобрав в уме необходимые заклинания. — Можете напасть и попытать удачу, но уверяю: у вас нет шансов на победу.

Йотуны заколебались, выпрямились, словно поверили словам некроманта. Опасность, исходившая от них, сменилась любопытством. С удивлением для себя Сандро подумал, что эти ужасные, огромные и опасные создания, которым древние книги приписали животную глупость, повели себя вполне разумно. Ему уже показалось, что сражения удастся избежать, и йотуны уйдут, никого не тронув, но помешал в очередной раз раздавшийся нечеловеческий вопль, столь громкий, что заложило уши, и столь отчаянный, что от жалости защемило в груди. А в следующий миг звери резко сорвались с места в атакующем прыжке.

Сандро окутал себя и Ди-Дио силовым полем и, призвав могущественную стихию разрушения, проклятым огнем выжег поляну дотла. Едкое пламя в мгновение ока разъело и шкуры, и плоть йотунов, даже кости животных наполовину истлели. Земля под ногами покрылась сажей и копотью, воздух пропитался запахами гари и паленой шерсти.

Колдун упал на одно колено, руки его судорожно затряслись от напряжения и избытка энергии, прошедшей сквозь них в считанные секунды, сознание на несколько мгновений окутал туман. Сандро, мысленно прочитав восстанавливающее заклинание, легко поборол слабость и, быстро поднявшись, прокричал:

— Уходим. Быстро!

— Боюсь, не удастся, — Альберт иллюзорным пальцем указал на границу леса.

Из чащи один за другим выходили йотуны. Сперва неспешно, с опаской, но, чем больше зверей скапливалось на выжженной поляне, тем увереннее они себя чувствовали.

Издали раздался новый крик, и йотуны, уже окружившие добычу, без промедлений напали. Взмахами посоха Сандро наводил блокирующие чары, медленно отступал, прикрывая собой Ди-Дио, и тихо нашептывал призывающее заклинание такой силы, которую никогда не использовал — он ненавидел черную магию всем сердцем и прибегал к ее помощи лишь в исключительных случаях. Сейчас был тот самый случай.

Обугленные кости — все, что осталось от сгоревших йотунов — поднимались, повинувшись зову некроманта. Духи погибших животных, которые должны были сорок дней витать над телами в ожидании дальнейшей участи, возвращались в свои вместилища, попадали в тюрьму безжизненной плоти, превращались в безвольных рабов чернокнижника. Чудовищные скелеты вставали, в дырах глазниц загорался темно-зеленый огонь. Не раздумывая, поднятые нападали на живых. Не чувствуя ни боли, ни страха, рвали клыками плоть сородичей. Йотуны неуклюже сопротивлялись, безрезультатно атаковали неупокоенных, валили наземь, мощными ударами прибивали к земле, но мертвецы

неизменно вставали и продолжали бой. Сандро взмахивал посохом, отбивался от все еще наседающих животных, отталкивал свободной рукой замешкавшегося Ди-Дио.

Слишком поздно, когда добрый десяток зверей погиб в неравной схватке, животные поняли, что победить не удастся, и ринулись врассыпную, оставив раненных и умиравших собратьев на произвол судьбы.

— Обошлось... — облегченно вздохнул Сандро.

— Это было ужасно, — Дайрес проводил убежавших йотунов сочувственным взглядом.

— Да уж, непривлекательно.

Когда хищники скрылись в лесу, некромант первым взмахом упокоил своих рабов, а вторым — поднял двух йотунов, на которых сохранилась плоть и даже шерсть. К Сандро пришла шальная идея: оседлать зомби и использовать их в качестве коней.

— Залезай, — приказал некромант и, взяв уже собранные вещи, подошел к неупокоенным. Повесил на шею одного из зомби котомки, забрался на него сам, но, не удержавшись, упал. — Жаль ни один изобретатель не придумал сбруи для йотунов, — встав, процедил сквозь зубы Сандро, вновь забрался на зверя, крепко вцепился во всклоченную шерсть и с немалыми усилиями удержался.

Ди-Дио, скривив лицо, последовал примеру некроманта.

— Они хоть не потеряют нас во время бега? — отплевываясь от шерсти, которая беспардонно атаковала рот и глаза, поинтересовался Дайрес.

— Сейчас проверим, — отозвался некромант и послал мысленный импульс, приказывая неупокоенным бежать.

* * *

Спустя четверть часа на поляну ступили первые ряды армии мертвых. Не рисковавший понапрасну и державшийся в центре войска Сиквойя оказался на ней еще получасом позже. Он остановился и оценивающе осмотрел следы чужого колдовства.

— Хорошая работа, — хмыкнул лич, притронувшись костяной рукой к почерневшей почве.

Внутреннему взору его открылась занимательная картина: неизвестный, завуалировавший свою волшбу некромант призвал проклятый огонь, а позже — оживил убитых хищников. Сражение на этом не остановилось, подоспели другие йотуны и решили взять реванш — от них остались лишь трупы. Колдун одержал верх и позаботился о своей безопасности: искусно замел следы, зачистив магические потоки от возможной слежки.

— Хитер, — вслух подумал Сиквойя.

Вот только личу не понадобились следы, чтобы вспомнить о заговоре, о гибели всех советников и о том, что в Хельхейме уже не осталось сильных некромантов, которые скрывали бы себя и отказывались от неживленных тел. Не осталось таких колдунов, кроме Сандро Гайера. Значит, он выжил после своего нелепого прыжка...

— Что ж, полуживой и уставший далеко не уйдет, — тихо прошептал Сиквойя, глубоко погружаясь в размышления.

Даже на краю мира, в пещерах Трех Безумцев или на пиках Черных кряжей он отыщет его и заставит приготовить эликсир, разрывающий связь с Хозяином. Сиквойя станет свободным! И сейчас же, без задержек и промедлений, максимально приблизит этот момент...

Лич опустил на корточки, тонким костяным пальцем начертал на земле круг, вписал в него несколько фигур: шестиконечную звезду, шесть треугольников и три соединенных между собой круга; нанес сеть таинственных символов и знаков; вывел у каждого луча звезды по одному из имен темного бога, а в центре — имя Хель. Закончив, поднялся, прищипчиво осмотрел свое произведение и начал нараспев читать заклинание:

— Я призываю вас и приказываю вам: явитесь и проявите себя перед этим Кругом. Именем Мертвого, Истинного и Всемогущего, я заклинаю и делаю вас послушными. Да не

преградит путь вам даже Тот, Кто произнес Слово, не станет помехой Жизнь и Спасение, назовут вас Судным Днем те, кто не внемлет призывам моим. Я настойчиво вызываю вас, чтобы вы появились здесь, перед Кругом, и исполнили мою волю относительно всех вещей, которые меня привлекают.

Из гексаграммы вырвался столб неведомой черной массы и взмыл вверх, к антрацитовым облакам. Иссякнув у основания и долетев до небес, он распался, разлетелся вокруг мириадами теней, которые тут же растворились в лесу, спрятались в щелях и впадинах и суетливо зашевелились вновь, когда лич выговорил свое слово:

— Мчите! Выследите и убейте полуживого некроманта по имени Сандро Гайер. Мчите! И не возвращайтесь без победы!

Тени замелькали меж деревьев, взмыли к небу и поспешили исполнять волю призвавшего.

— Сандро от них не уйти, — прошептал вслед уплывшим теням некромант. — А от меня — тем паче...

Глава 5. Ведьмачье отродье

Лютая была ведьма, злая. В страхе держала она всю Слободу и не ее одну, но и все поселения в округе. Закидали ее однажды люди камнями, и прокляла она их тогда, напорошила обидчикам и их семьям скорую гибель — гибель страшную, гибель в муках. И пришел на другой день в деревню пьяный шеважник, всего одну ночь пробыл он в доме ведьмы и наутро ушел. И заболели слободчане смертной болезнью. Гибли страшно они, гибли в муках. А ведьма ходила из дома в дом, пожирала трупы людские и хохотала безумно, хохотала победоносно.

Явился в Слободу воин из Мрака и ужаснулся злодеяниям колдуньи. Зарубил злодейку, вырвал её сердце и затоптал ногами, сжег дом её вместе с телом, развеял прах по ветру, а золу засыпал землею, чтобы не осталось от ведьмы лютой и памяти.

Все он сделал, как должно, но даже такие труды не вернули в светлый мир тех душ, что колдунья пожрала...

«Ведмачье отродье» Стигийская сказка

Зимнее солнце из последних сил, умирая, пробивалось через голые верхушки деревьев и, пронзенное струнами ветвей, падало на землю, скудно и блекло ее освещая. Лес замерзал, засыпал, с вялым безразличием наблюдал за тем, как легкой, порхающей походкой, ловко уворачиваясь от солнечных стрел, проникающих через кроны, шел вампир. Облачен он был в белую рубашку, черные штаны из кожи и плащ с коротким стоячим воротом и лапами, достающими до земли. Движения его были плавными, изящными, будто он прогуливался по замковому саду, а не по лесу с жутким названием лес Мертвеца.

Его спутницы — две живые — были одеты в мешковатые дорожные штаны из грубой кожи и широкие кафтаны, подбитые шерстью слепунов. Из-за неказистых, нелепых одежд, которые были вынуждены надеть, чтобы спастись от холода, девушки чувствовали обиду и стыд. Хотя, по сути, стыдиться им было нечего и — самое важное — некого: за четыре дня пути они не повстречали не то что людей — даже маломальских признаков жизни. Батури, не обращающий на холод внимания, легкой бабочкой, не ведающей усталости, летел впереди. Следом за ним, с трудом заставляя себя идти, семенила Анэт. Энин, у которой долгая и утомительная дорога пожрала последние силы, изнеможенно плелась позади всех.

— Не могу больше, — выдохнула она и, не устояв, рухнула на землю. — Не могу идти — сил нет.

— Вставай. — Беззаботное выражение на лице Батури изменилось: наполнилось недовольством и презрением.

Клавдий в мгновение ока оказался рядом с девушкой, взглянул на нее и вдруг с тоской

подумал, что со столь слабыми спутницами, которые вечно со слезами на глазах просят то о привале, то о еде, то о сне, до границы — до свободы! — он доберется нескоро.

— Вставай, говорю! — прорычал вампир. — Иначе поташу за патлы.

— Тащи!

Батури пожал плечами и схватил Энин за волосы.

— Отпусти ее, животное! — с криком на него обрушилась Анэт. — Не смей!

— Да пожалуйста! — Клавдий с пренебрежительной гримасой выпустил спутанные волосы девушки из цепкой хватки.

— Лучше бы помог, — зло прошипела Анэт и трепетно провела рукой по лбу сестры. — Милая, все будет хорошо. Идем. Сейчас мы доберемся до людей и тогда сможем отдохнуть, вдоволь поесть и привести себя в порядок. Потерпи. Нам осталось еще чуть-чуть.

— Не могу, Анэт, не могу...

— Я тоже устала, но держусь. И ты держись, милая.

— Ты даже не представляешь, как я плохо себя чувствую! — прокричала Энин и разрыдалась: — Почему мне так плохо...

— Все банально и просто! — артистично взмахнув фалдами плаща, воскликнул Батури. — Ты мертва! А мертвецы не чувствуют себя иначе, чем плохо.

— Не слушай его, Энин. Он злобен и коварен, как и любой вампир...

— А твоя сестра добра, как агнец! — усмехнулся Клавдий. — И темную магию она не практиковала, не воскрешала мертвых, не похищала души людей. Да, она — сама невинность. А эликсир бессмертия выпила только потому, что спутала его с водой.

— Проклятый монстр! — выкрикнула Анэт и, с усилием уняв нервную дрожь, прозвучавшую в голосе, обратилась к сестре: — Идем, милая. Идем.

— Посторонись, — Батури беспардонно оттолкнул Анэт и взял Энин на руки. — Таскать полуживой балласт я не нанимался, но ваше блеяние меня утомляет.

— Спасибо... — облегченно выдохнула Анэт.

— Всегда к вашим услугам, милая дама, — игриво улыбнулся вампир и вновь принял серьезный вид: — Как только помоетесь, расчешетесь и обновите гардероб.

Девушка от злости сжала кулаки, но не проронила ни слова: побоялась, что вампир передумает и бросит её сестру. А Батури уже шел впереди, с ребяческой игривостью ускользая от солнечных лучей, будто они могли навредить Высшему, и не обращал на свою ношу, похоже, никакого внимания.

«Стоило разводить такой шум», — зло подумала Анэт и устало поплелась следом.

Лес быстро редел, сменялся голыми холмами. Все чаще появлялись пеньки, охотничьи и дровосежьи тропы — с каждым шагом все явственнее читалась близость людского селения.

— Дымом несет... — принялся Батури и изменился в лице, насторожился, перестал уклоняться от лучей солнца, начал внимательно оглядываться по сторонам. Во время ночных полетов он исследовал лес, но поблизости не нашел ни одного селения. Тем сильнее удивился, увидев спрятавшуюся среди редколесья деревню.

Окна и двери низких, вросших в землю построек были заколочены крест-накрест; единственная улица — пустынна и молчалива. Поселение вымерло. Не доносился шум голосов и собачий лай, не металась по дворам домашняя живность, не были заметны признаки жизни, лишь из одного дымохода валил слабый белый дым.

Батури, не выходя из-под защиты деревьев, уложил Энин на землю, приказал Анэт следить за сестрой, а сам медленно пошел в сторону деревни. Сперва он решил разузнать, что творится в поселении, и лишь после, все разведав, заглянуть на огонек в единственную уцелевшую землянку. Обращаясь в бестелесный дым, просачиваясь сквозь дверные щели, Клавдий проникал в дома, исследовал их и тем же способом выходил обратно.

— Мне кажется, он зря переживает, — заметила Анэт, когда Батури скрылся в очередной землянке.

— Я так не думаю. — Энин удобнее устроилась на земле, привалившись спиной к стволу дерева. — У вампиров, тем более у Высших, хорошее чутье. Оно никогда не

подводит.

— И какой может быть опасность? Магической?

— Не знаю, — пожала плечами колдунья, — самой опасности я не чувствую. Хотя темная магия здесь есть. Но она есть везде, куда проникла «черная смерть».

— Постой, выходит чума — следствие колдовства?

— Да, причем виноват в ней наш давний знакомый — Сандро.

— Сандро? — не поверила Анэт.

— Да, ты была права насчет него: мальчишка оказался не так безобиден, как мне сперва подумалось. Все-таки он ловко скрыл волчью сущность под овечьей шкурой. В своей лаборатории он разводил крыс и ставил над ними разные опыты: ворожил, колдовал. Как сказал мне учитель, именно Сандро и стал причиной появления чумы.

— Словам Аргануса я не верю...

— Можешь не верить! Но факт остается фактом...

— Фактом? Да-а, слова Аргануса — чистая правда, в этом нет никаких сомнений.

— Ты его не знаешь! — вспыхнула колдунья. За три года обучения она успела проникнуться к мудрому личу уважением и доверием. Но Анэт припомнила и другую сторону медали:

— Чтобы судить о нем мне достаточно того, что он — лжец, убийца и извращенец.

— Пусть так, но ко всему он еще опытный маг, хороший учитель, мудрец...

— Не говори мне об этом! — прервала сестру Анэт. — Именно из-за него я чуть не отправилась на тот свет.

— Неужели? — с издевкой спросила Энин.

— Хватит орать! — Батури, как всегда, появился незаметно и бесшумно. — Я сказал вам сидеть тихо, а не поднимать гвалт. Собирайтесь, идем в деревню.

— Ты был в том доме? — заинтересовалась Анэт.

— Нет. Я обошел все поселение, но не нашел людей — ни живых, ни мертвых. Даже тел не осталось. Видимо, поработали некроманты.

— Я не могу идти, — простонала Энин.

— А прогуляться придется.

— Ты не понесешь меня? — искренне удивилась девушка.

— Нет. Мне нужны свободные руки. И сама будь начеку, быть может, пригодится и твоя магическая помощь.

— Хорошо, — тяжело вздохнула колдунья, встала, искоса, с недовольством посмотрела на сестру, но быстро скрыла гневный взгляд под маской доброты. — Прости, — прошептала она, когда вампир, закрыв девушек собой, пошел впереди. — Раньше мы с тобой проводили много времени и никогда не ссорились, но твоё помеша... твоя болезнь отделила нас друг от друга. Мы привыкнем. Все станет, как раньше.

— Как раньше, уже никогда не будет: ты изменилась, сестра, забыла всю ту боль, которую причинил нам Арганус, и уже не помнишь доброты мальчишки, который, рискуя собой, спас нас от монстра.

— В тебе говорит жрица, — поморщилась Энин.

— Тише, — шикнул на девушек вампир, подошел вплотную к запертой двери и прислушался.

— Что ты хочешь услышать? — пробурчала Энин. — Рев йотуна? Стучи, раз уж пришли...

— Не учи меня жить! — огрызнулся Батури, но все же последовал совету и постучал.

Двери со скрипом отворились. На пороге застыла дряблая, худая, будто высушенная, старуха с редкими, седыми волосами, которые тонкой паутиной переплели плечи и спускались на согбенную спину.

— Чего вам? — устало произнесла она.

— Впусти путников, — попросил, будто потребовал, Батури.

— Кровопийцу? — криво усмехнулась старуха.

Клавдий невольно поразился ее догадливости, но, не выдав своего удивления, добавил:

— И двух людей.

— Милости прошу, — повела она рукой, пригласив войти, и отошла с дороги. — Вы, девоньки, маски-то наденьте, что лежат на табурете у порога. Иначе хворь вас свалит — мор в деревне.

Девушки, обрадовавшись, вдвоем протиснулись в землянку, разыскали на небольшой треноге маски, похожие на клювы ворон, нацепили их, отчего стали выглядеть смешно и нелепо. Батури не спеша, вальяжно вошел следом, и тут же его взгляд упал на прикрытую тонким шелком колыбель.

— Здесь ребенок? — почему-то взволновался вампир. Глаза его напряглись, забегали, губы беззвучно зашевелились, словно он начала колдовать. — Ребенок заражен? — спросил Батури, когда волшба не дала никакого результата: колыбель была под защитой неведомых ему чар.

— Дитя здорово, а я вот — нет, — буднично, безразлично ответила старуха, пожав плечами.

От спокойствия и холода, которые прозвучали в голосе обреченной, даже у Батури сжалось сердце. Он искренне считал, что перед смертью люди всегда хватаются за жизнь, дорожат последними мгновениями, но теперь понимал: иногда надежда умирает далеко не последней.

— И что с ним будет?

— Почитай, что и со всей деревней — не жилец он: не мор его приберет, так голод.

— И ты сидишь здесь и ничего не делаешь?

— Кровосос с душой! — хозяйка всплеснула руками и ухмыльнулась, обнажив редкие прогнившие зубы. — Хех, забавная штука.

— Не забавнее, чем старуха, убивающая детей...

Анэт смотрела на Батури, слушала его слова и не верила своим ушам. В ее сознании жестокий и грубый вампир не подходил на роль защитника детей. Несомненно, мать, или бабка — да любая женщина, не делающая всего возможного для спасения ребенка, заслуживает осуждения. Но что ей остается, если даже взять свое дитя в руки, не обрекая на гибель, не в ее силах?

— То-то гляжу: витязь ко мне пожаловал, — усмехнулась старуха. — Воин из Мрака! А теперь пораскинь умом, милоч. Все селения вокруг вымерли. Я, почитай, одна осталась. До городища далече, а я ноги еле волочу: стара, больна. Стало быть, не добраться. Да и мор, надо думать, не токмо у нас буянит — повсюду. Выходит, не спасти мне дитя.

— Я спасу, — заверил вампир.

— Ведомо мне, что ты удумал: зверем его сделаешь, дабы он, как и ты, кормился чужой кровью. Нет, милоч. Лучше пусть со мной дитя сгинет, нежели зверем станет.

— Я сделаю из него Высшего. В десять лет он уже достигнет голконды и не будет нуждаться в человеческой крови.

— Не дам дитя — и вся недолга! — отрезала старуха.

— Хозяюшка, будьте добры, дайте нам еды в дорогу, — попросила Анэт.

— Мы уже день ничего не ели, — добавила Энин.

— Все, что в погребе сыщете, себе берите. Всяко мне жить недолго осталось.

— Спасибо, хозяйюшка! — обрадовались девушки и, обгоняя друг друга, выбежали из комнаты в поисках погреба.

— Чем околдовал живых? — спросила старуха, проводив двух сестер каким-то злым, презрительным взглядом. — Чего они за кровопийцей хвостом волочатся?

— Как тебя зовут? — вместо ответа спросил вампир.

— Виерой величают.

— Значит так, Виера, мне нужен этот ребенок. Я обещаю воспитать его достойно, в любви и достатке.

— Нет, милоч, не воспитаешь. Охотится за тобой тот зверь, что изрыгнул всех вас,

кровопийцев, на свет божий. Ты не думай, знаю я, кто ты: Клавдием тебя величают. И не удивляйся, узнала тебя по вещице, что за поясом носишь, — старуха пальцем указала на «смерть Каэля», и Батури невольно притронулся к рукояти кинжала. — Охотится за тобой зверь, — повторила она, — и добычу свою не упустит. Не жить тебе, милоч, как есть, не жить. А ежели дитя с собой возьмешь и кровопийцей сделаешь, то не видать ему ни изобилия твоего, ни любви, ни жизни людской. Не воспитаешь — нет, не дашь силы своей темной и будет дитя моё рассвета бояться, в канавах отираться, себя за убийства творимые проклинать.

— Каэлю меня не найти. Моему слову можно верить. Отдай ребенка по-хорошему, иначе заберу силой.

— Не заберешь, — невозмутимо ответила старуха. — Охраняют люльку чары, с которыми и тебе, милоч, не совладать. Решишь силой дитячко взять — и себя, и его погубишь.

Клавдий беззвучно выругался, понимая, что старуха не блефует. Колыбель защищало столь мощное колдовство, что Батури даже не смог взглянуть на ребенка сквозь призму магического зрения.

— Глупо, Виера, глупо, — не показав нарастающего гнева, хладнокровно сказал вампир. — Если бы не твое колдовство, я б отправил тебя в мир теней раньше положенного срока, но... вынужден смириться с твоим решением.

Сестры, вдоволь наевшись, стали вытаскивать из погреба остатки еды, которую запасливая хозяйка приготовила на зиму — все равно ей не суждено было пережить эту зиму.

— Котомки сыщите на кухоньке, — предупредила Виера. — Бежать я думала, да не успела: мор и мной, старухой, не погнушался.

— Спасибо, хозяйюшка, — кивнула Анэт и принялась утрамбовывать поклажу.

— Вы практикуете магию, — заговорила Энин. — Возможно, у вас есть инструментарий для приготовления эликсиров и зелий?

— В погребе, дочка, в углу, за холстом из кожи. Ты забирай, мне оно уже без надобности, а так хоть добрую службу сослужит.

— Скорее злую, — уточнил вампир.

— Спасибо, — криво улыбнулась Энин и быстро ушла. Анэт к этому времени уже закончила собирать еду в дорожные мешки, но осталась на кухне, не пожелав вступать в разговор вампира и старухи.

— Что случилось с другими селянами? — спросил вампир.

— Известно, что: померли. Я махнула рукой на старые обиды: ведьмой меня обругивали, камнями бычьи пузыри на окнах рвали, глазели недобро, со злобой. Махнула, говорю, на обиды рукой, из последних сил снесла их на братскую могилку и по донекромансерскому обряду подожгла. Тогда, видимо, хворь и подхватила.

— Как же у тебя, тщедушной, хватило сил, чтобы всех перетащить?

— Эстер — помощник, — пожала она плечами.

— Почему позволила болезни себя скосить? Ты же заклинательница не из последних...

— Больно уж ты любопытен, милоч. Шли бы вы отсюда, пора вам в путь-дорогу.

Заметив Энин, вернувшуюся с мешком для алхимических опытов, Батури подумал, что если даже ведьма смирилась со смертью от чумы, то рыжеволосая обречена. Главное, вытолкать ее за пределы Хельхейма до того, как закончится тормозящий эликсир и болезнь окончательно подкосит девушку. Иначе жизнь самого Батури оборвется — так накажет за нарушение клятвы клеймо Эльтона.

— Что ж, — решив не задерживаться, заговорил Батури, — спасибо за гостеприимство, Виера, мы уходим, как ты и просила.

— Куда путь-то держите? — полюбопытствовала напоследок ведьма.

— Не твое дело.

— Что ж, молчи, коль говорить не желаешь, — непринужденно ответила Виера и

закашлялась.

Кашель перерос в приступ. Несколько раз тяжело вздохнув, с трудом заглотив воздух и тут же вытолкнув его из легких вместе с кровью, она упала на колени. Судорожно прикрыла рот ладонью, но это не помогло и вскоре деревянные доски пола густо окрасились багряно-красным цветом.

— Ступайте, — выдавила стуха, на миг переборов мучительный кашель. — Ступайте, здесь вам нечего делать.

— Быстро! — скомандовал Батури, но сам не сдвинулся с места.

Девушки, косо взглянув на скорчившуюся на полу старуху, поспешили убраться вон из дома. Оказавшись снаружи, несколько мгновений они простояли без движений. Не дождавшись вампира, схватили провизию и засеменили в сторону леса, где, успокоившись, под покровом деревьев Энин разобрала тюки, произнесла над добытой едой необходимые для обеззараживания гримуары и собрала все обратно. Немногим позже подоспел Клавдий и долгий путь продолжился.

* * *

Быстро, как во сне, сгустились сумерки. Холодное солнце скатилось за горизонт, отдав права не менее холодной луне, которая, почувствовав свою силу, уверенной поступью легко взобралась на небосвод и сетью своих бледных лучей окутала редкий, куций лес. Утомительный для двух девушек дневной переход, наконец, завершился, и вампир, сжавшись, позволил своим спутницам отдохнуть.

— Бедная старушка, — припомнила вдруг Анэт. — И ребеночка жалко, что же с ним теперь будет?

— Умрет, — угрюмо уронил Батури, и на его демонически красивом лице на миг проступила гримаса презрения. — Умрет, — повторил он, — но не от чумы, а от голода.

— Почему же она не отдала его нам?

— Вампиру, некромантке и одержимой? Я бы тысячу раз подумал, что лучше: жизнь в такой компании или смерть? И выбрал бы, вероятно, второе.

Клавдий все думал о ребенке и о ведьме, слова которой не давали покоя: Каэль ведет охоту. И эта охота, видимо, приобрела широкий размах, если даже деревенским колдуньям о ней известно. А ведь сейчас Первовампиру не составит труда выследить изменника: Батури, связанный клятвой, не сможет превратиться в нетопыря и за день не перелетит в другой конец Хельхейма — обязан тащиться в темпе живых. Надо было как-то себя защитить, подумать о том, как замести следы. Но мысли вновь возвращались к ребенку, тихо спящему за непроницаемой для магии вуалью. Что будет с этим маленьким чудом и почему ведьма, столь тщательно побеспокоившаяся о безопасности младенца, так беспечно отнеслась к его неминуемой смерти?

— Клавдий, ты барон? — невпопад спросила Энин, вырвав Батури из пелены гнетущих мыслей.

— Граф, — уточнил он и сухо отрекомендовался: — Единственный наследник лорда Фригоря, потомственный хранитель седьмой королевской печати, высший советник Малого Ордена, генерал восточного гарнизона Стигии...

— И вампир, — отчеканила Энин.

— И Высший вампир, — кивнул Батури.

— Как ты им стал?

— Я был им с детства. Да, это невозможно — бессмертные стерильны. Но не те, кто достиг голконды. Мой отец оказался одним из немногих, кому хватило сил и везения найти вампирский рай — и этот рай, разделенный с возлюбленной, подарил ему кровного сына, но отнял жену — она умерла при родах...

Клавдий тяжело вздохнул, нервно провел рукой по лицу, несколько мгновений провел в молчании и, вдруг решившись на нелепый для себя поступок, начал рассказывать спутницам

странную историю:

— Мальчик был человеком, рос подвижным и жизнерадостным, единственное, что его беспокоило — ужасные сны. Он не догадывался, из-за чего приходят кошмары, не знал, как от них избавиться. Не понимал он и того, почему две ранки, две маленькие точки на его запястьях, никогда не заживают. Но со временем привыкнув и к ранкам, и к снам, целиком отдался безмятежной жизни. Его ни разу не озаботило отсутствие в замке прислуги, не посетили мысли о том, кто готовит пищу, убирает в комнатах и ведет хозяйство. Зачем эти думы, если и без них все прекрасно? Со смертью жену граф нашел успокоение в наследнике и всю свою избыточную любовь отдал сыну. Никогда и ни к чему не принуждал его, рассказывал у камина сказки и стародавние былины, водил на охоту, обучал магии, владению оружием, стрельбе из лука. Клавдий был всем доволен и ни о чем не задумывался — до двадцати пяти лет, пока в замке не появилась девушка, которая в первый же миг знакомства украла у виконта сердце и покой. Ах, она была так красива, что по сравнению с ней очаровательные героини мифов, нарисованные юным воображением, меркли, тускнели, становились серыми и невзрачными. Ее же окружал ярчайший ореол, сотканный из гармоничной, первой любви. Но гармония надломилась, когда богиня стала постельной угодницей отца. Когда же граф застал сына в кровати наложницы, хрупкая идиллия, царившая в замке, и вовсе раскололась на мириады частиц. В тот день для юного виконта открылась страшная тайна: от ярости и жажды крови у него впервые прорезались клыки, и он узнал о своей вампирской сущности; о том, что отец поил его человеческой кровью, а уроками магии приближал к посвящению в Высшие. Наследник напал на единственного родителя, граф не смог поднять руку на собственного сына, и в живых, если это подобие можно назвать жизнью, остался только один. Он перед вами.

— Это... — Анэт беззвучно шевелила губами, не находя слов. — Ужасная история...

— И романтическая, — восхищенно вздохнула Энин. — И что же случилось с девушкой?

— Алекто... К тому дню она страстно полюбила юношу и, чтобы навеки быть с ним, попросила о страшном одолжении: сделать ее вампиром. Глупый, он согласился и впервые вкусил свежей, теплой кровь, пульсирующей жизнью, душистой и пьянящей, как молодое вино. В отличие от отца, он не знал, как новообращенным вампирам правильно пить кровь, чтобы достичь высшей ступени посвящения. И Алекто была обречена на вечную жажду. Каждую ночь ей приходилось охотиться, она боялась солнечного света и серебра. Юный граф все же нашел способ, с помощью которого сделал из возлюбленной Высшую: для этого пришлось пожертвовать жизнями многих людей, десятки раз нарушить запрет Балор Дота, запугать в округе не одну деревню. Несмотря ни на что, он достиг своего: сумел уменьшить разрушительное воздействие ее жажды. Но к этому времени Алекто из великолепной богини превратилась в кровожадного монстра. Их пути разошлись. Он удрал в политику, с головой ушел в дела Малого Ордена, посвятил себя защите собратьев, а девушка отправилась в «долгую дорогу», чтобы забыть о юном графе, стать мудрее и изменить свое отношение к миру...

— Бесподобно, — выдавила Энин.

— Ужасно, — в один голос с ней пробормотала Анэт.

Клавдий сидел, прислонившись к стволу дерева, и молча смотрел на двух девушек. В сознании его крутилась мысль, что, если внешне, не принимая во внимание цвет волос и глаз, близнецы очень похожи, то характеры их совершенно различны. Отвернувшись и уставившись в черную, беспроглядную даль, Батури вновь подумал об оставленном в мертвом селении ребенке.

Повеяло ночным холодом. Вездесущий предзимний мороз, лютовавший после заката, проник под одежду и начал кусать кожу. Ожил сумрачный лес: вдали, там, где деревьев было значительно больше, завыл волк, запричитали совы, зашуршали мыши и зайцы. Сердца девушек сжались от страха, и сестры невольно подсели ближе к вампиру, в котором чувствовали своего защитника. Клавдий же не обратил внимания на ночные страхи. Сознание его унеслось далеко от небольшой поляны, вернуло его на несколько часов назад, в

дом ведьмы.

Батури резко встал, широким жестом начертал в воздухе защитное заклинание и, удостоверившись, что девушкам не угрожает опасность, сказал:

— Разведите огонь, поужинайте и ложитесь спать. Меня не ждите.

— Ты куда? — взволновалась Энин.

— На охоту, — ответил Батури и принял образ огромной летучей мыши.

Оставшись наедине, девушки послушались совета Клавдия: развели огонь, поужинали и приготовились ко сну. Никто из них не покидал начертанный вампиром круг, хотя Энин чувствовала, что может поставить более сильную защиту. Но укреплять охранные чары не стала: потерявших хозяина бродячих мертвецов — единственных, кого можно было опасаться, в округе не было. Арганус хорошо обучил ее. Энин без труда находила признаки волшбы, распознавала эманации в энергетических линиях, вызванные присутствием неуспокоенных, и даже не допускала возможности ошибки в своих расчетах.

— О чем задумалась? — голос сестры вырвал Энин из размышлений.

— О магии, — ответила колдунья. — Без нее моя жизнь была пустой, теперь — наполнена.

— Магия изменила тебя. И не в лучшую сторону.

— Я учила ее ради тебя! — не сдержавшись, воскликнула Энин и даже приподнялась на руках, чтобы посмотреть на сестру.

Анэт лежала на земле, завернувшись в плащ и по мерному дыханию, было ясно, что девушка уже в полудреме, но продолжает говорить, чтобы не заснуть в лесу, который ее страшит. Энин уже научилась чувствовать человеческий страх, а иногда — получать от него силу. Размышления успокоили её:

— Я хотела спасти тебя от чужого вмешательства, а еще — защитить от Сандро.

— Он спас мою душу, когда мною овладел черный дух.

— Ты ошибаешься: все было иначе — полумертвый хотел твоей смерти.

— Смерти? Он спас меня, сестра. А вот, кто действительно хотел меня убить, думаю, ты уже и сама знаешь...

— Я ничего не знаю! — огрызнулась колдунья. — Откуда такие мысли?

— Ты подумай.

Энин отмахнулась от сестры, не пожелав ее слушать, и все же невольно погрузилась в мысли, с каждым мигот уводящие ее все дальше и дальше в прошлое. И вдруг, напрягая память, взламывая магическую завесу, затуманившую сознание, воспоминания унесли ее в Бленхайм, в полумрак опостылевшей кельи.

Мир вокруг казался серым и безжизненным. Слабость сковала тело, но она пересилила себя и поднялась на ноги. Вышла из кельи и, пройдя мимо лича в гербах Атлины, побрела по замковым коридорам в неизвестном направлении. Вскоре оказалась у винтовой лестницы, как сомнамбула, ползла вниз по ступеням.

За ней неотступно следовал Израэль де Гарди.

Лестница вывела в ужасную лабораторию, освещенную тысячами свечей. Кееногам неиссякаемым потоком поползли взъерошенные, измазанные гнилой водой, вперемешку с кровью грызуны.

И вдруг наступило беспамятство.

Проснувшись и обнаружив себя истекающей кровью, искусанной грызунами, она воззвала к Арганусу, взмолилась о помощи. Следующее, что она вспомнила: лич, кудесивший над ней. Он протянул неведомый эликсир. Она приняла колбочку и выпила ее содержимое до дна.

А после была тьма. И осознание.

— Арганус... — с ужасом прошептала Энин. — Он заставил меня выпить эликсир не для того, чтобы спасти от чумы. Арганус сам загнал меня в капкан с зараженными крысами. Он виноват, а не Сандро...

— Уже поздно, сестра, давай спать: утро вечера мудренее, — не понимая, отозвалась Анэт. Сон уже подкрался к ней, девушка еще сопротивлялась, пыталась поддержать разговор, но смысл слов ускользал. — Спокойной ночи... — прошептала она.

— Спокойной ночи, — отозвалась колдунья, невольно вспомнив неуверенные взгляды Сандро, его неловкие поступки, сбивчивые признания, на которые она всегда отвечала жестоко, с ненавистью, со злобой. Он терпел, лишь с каждым днем становился все скромнее и стыдливее. Сандро менялся: его характер грубел, сердце черствело, но с ней, несмотря ни на что, он был ласков и приветлив. Энин не оценила этого, а сейчас поняла свои ошибки. Ей стало стыдно, обидно за свои поступки, захотелось все изменить, повернуть время вспять, но прошлого не вернуть...

Энин поспешно достала из-за пазухи послание, написанное рукой Сандро. Вспомнив о некроманте, прежде чем читать, отложила пергамент, выпила эликсир, приготовленный юным алхимиком для сдерживания чумы, и, перетерпев приступ боли, вызванной действием крепкого настоя, вновь взялась за письмо.

«Ты-зверь, загнанный в клетку. Зверь, рвущийся на свободу и не обращающий на тех, кто гибнет под острыми когтями, никакого внимания. Но тебе не освободиться, ведь клетку ты создала себе сама. Прощай же! И помни: я больше никогда не примчусь на твой зов, не стану делить с тобой счастье, даже если ты вспомнишь, что такое любовь».

Эликсир недоросли разжег ее мысли и фантазии, закружил в вихре событий, произошедших за последние три года. Она все перечитывала и перечитывала, написанное Сандро письмо, и слова, которые он пытался до нее донести, приобретали с каждым разом все более глубокий смысл. Теперь она понимала, как была жестока, какие грубые и бессердечные поступки совершала.

— Почему осознание приходит тогда, когда уже ничего нельзя изменить? — ужаснулась она и, вдруг вспомнив о том, что сильна и самостоятельна, попыталась себя утешить: — Мы все равно не пара. Я молода, красива, талантлива, жива, наконец! Он — уродливый мертвец. Сандро не тот, с кем стоит связывать жизнь...

Жизнь. А ведь он уже не единожды спасал ее от смерти. Рисковал собой, лишь бы уберечь возлюбленную. Многие ли решаются на такое? Сейчас, когда человек человеку — волк? Тем более, он любит, его чувства проверены, а помыслы — чисты.

Девушка все фантазировала, размышляла, перечитывала послание, которое передал ей Диомед, и даже не замечала, как ночь незаметно рассеивается. Вскоре пришел рассвет, а вместе с ним — и Клавдий.

Выглядел вампир ужасно: кожаный плащ обгорел, лицо изуродовали ожоги, руки лишились нескольких пальцев. И, несмотря на это, он был несказанно доволен, прижимал к груди многослойный кокон пеленок, из которого неслся детский, пронзительный плач, и широко улыбался, отчего вампирские клыки выделялись особенно явственно и вызывали опаску. Взглянув на него, Энин даже испугалась, мечты о застенчивом парнишке разрушились, рассыпались тысячей осколков и затерялись в закромах памяти, а на смену им пришла суровая реальность.

— Охота прошла удачно, — безумно улыбнувшись, выговорил Батури.

За его спиной, выскользнув из-за тонких стволов, вспыхнуло рассветное солнце. Оно растворило вампира в своих лучах, превратив в черный силуэт, в человека, сотканного из Мрака. Так родилась легенда. Так, а быть может — иначе.

Глава 6. Соль и слезы

Кидаю соль, кидаю соль,
Жгу серные огни.
Мне не страшны ни смерть, ни боль,
Ни демоны из Тьмы.

Кидаю соль, кидаю соль,
Жгу серные огни...

Dr. John Dee «Five Books of Mystery» (Mysteriorum Libri Quinque)

Приближалась зима, и каждый новый день становился все холодней. Все тусклее светили звезды и их незыблемый одноглазый страж. Воздух быстро промерзал, готовясь к встрече со стужей. По утрам землю покрывала тонкая изморозь. Все чаще появлялись идущие с севера низкие снеговые тучи, которые по доброй прихоти матушки-природы всегда уползали на восток, в то время как некромант держал путь на запад. Но хельхеймская зима, известная своими холодами и вьюгами, была уже не за горами.

Плясали перед глазами деревья. Вторые сутки напролет длилась дикая, утомительная скачка. Все это время лес преображался. Сперва сосновый бор медленно, незаметно редел, а позже резко, словно кто-то провел невидимую черту, сменился лиственными деревьями. Сосны остались за спиной, а впереди, насколько хватало взгляда, выросли крепкие клены, буки и грабы, вытянувшие оголенные ветви к светлеющему небу и сейчас, в предзакатный час, казавшиеся мертвецами, молившими об искуплении. Опавшая листва, реже золотая, но чаще — ало-красная, скрыла под собой землю и, временами всплывая из-под утреннего тумана кровавыми пятнами, наполняла лес таинственной и пугающей красотой.

Где-то вдали дико и безумно кричали вороны, словно желая напугать кого-то. Казалось, вот-вот впереди покажется заброшенное капище, доверху наполненное трупами. А некромант верхом на немертвом йотуне лишь дополнял эту жуткую картину.

— Стой! — приказал полумертвый и спрыгнул с зомби.

После долгой... безумно долгой и утомительной скачки земля уходила из-под ног. Сандро все никак не мог сфокусировать взгляд, ему казалось: бегство продолжается, и деревья, сменяя друг друга, все еще мелькают перед глазами. Онемевшие ноги не выдержали, он присел, с недовольством взглянул на изрезанные жесткой шерстью йотуна мозолистые ладони. Бегство далось нелегко. До сих пор кружилась голова, из глаз катились слезы, а налившиеся свинцом веки закрывались сами собой.

В отличие от Сандро имитатор не утомился в дороге: ночью он выспался, отдохнул — некромант привязал его к зомби и распутал узлы лишь наутро. Спешившись, Дайрес спросил:

— Оторвались?

— Ненамного, — сухо ответил юноша. — Как отосплюсь, отправимся в путь.

Сандро поднялся, подошел к неупокоенным, снял с них поклажу и послал зверей в глубь леса.

— Куда они?

— Умирать. Окончательно.

— Разве нам не проще путешествовать на них?

— Поднявший связан со своими рабами ментальными узами, — разъяснил Трисмегист. — Заклинания, произносимые на языке мертвых, несомненно, быстрейший метод воскрешения павших. Но такое оживление требует постоянной связи между сознаниями Хозяина и раба. Для живого некроманта длительное поддержание такой связи энергетически расточительно и непременно приводит к магическому истощению...

— Проще говоря: стоит мне уснуть и йотуны выйдут из-под контроля, — доходчивее пояснил Сандро.

— Довольно грубая, но все же верная трактовка, — согласился Трисмегист.

— Значит, дальше пойдем пешком?

— Дальше мы будем спать, но перед сном перекусим.

— Я готовлю еду!

Дайрес быстро насобирав хвороста, извлек некромантский нож, с его помощью вырыл

яму, измазал зайчатину в глине, утрамбовал ее в дыру, сложил сверху хворост и взялся за огниво. Саднро, неотрывно наблюдавший за работой имитатора, остановил его, провел рукой над хворостом и ветки без всякого кресала равномерно загорелись, не испуская дыма, по которому легко найти беглецов.

— Научи меня магии, — попросил Дайрес. — Я пригожусь в бою.

— Колдовство — не стрельба из лука. Чтобы управлять Силой, одних тренировок недостаточно, для этого необходим дар.

— Мой отец шаман — дар у меня в крови.

— Дайрес, прости, но у меня нет для этого времени. — Сандро закрыл глаза и прислонился к дереву. — Разбудишь, когда зайчатина будет готова, — сказал он и от усталости тут же стал клевать носом.

— Хорошо, — обреченно вздохнул имитатор.

— Я могу помочь, — предложил Трисмегист. — Ты узнаешь не все и не сразу, но простейшим формулам я без труда тебя обучу.

— Спасибо, Альберт!

— Начнем с азов. Прежде чем пропускать через себя Силу, ты должен научиться контролю и добиться внутренней целостности. Для этого пройдешь курс медитации.

— Это ни к чему, — улыбнулся Дайрес. — Этому меня научил отец: чтобы я мог менять формы.

— Что ж, тогда перейдем к магии. Начнем с защиты. Ведь для того, чтобы нейтрализовать врага, ты должен понимать, как он построил оборону. Итак, приступим.

Альберт притронулся иллюзорными руками к вискам имитатора и без труда проник в его сознание, но не успел прочесть ни одной мысли: Дайрес вытолкал из разума чужую магию, закрылся и в мгновение ока восстановил ментальные щиты.

— Неплохо! Вижу, защищаться ты умеешь. Тогда попробуй прочесть мои мысли.

— Прости, Альберт, не хочу обидеть, но в сознание бестелесного существа нельзя проникнуть.

— Если я сказал, чтобы ты это сделал, значит — можно, — заверил друид и пристально посмотрел на имитатора. — Пробуй.

Дайрес вгляделся в глаза друида и сконцентрировался на поставленной задаче. Он убедил себя, что всё в его власти, и прикоснулся руками к иллюзорным вискам, попытался прорваться в сознание духа, слиться с ним воедино. И ему удалось! Правда, мысль, которую передал через эфир Трисмегист, заставила Дайреса забыть об уроке и помянуть Одноокого.

— Сгорит? — сперва не понял Ди-Дио, но, вспомнив о зайчатине, встрепнулся и в два движения затушил огонь. Обжигая пальцы, извлек из-под рдеющих угольев подгорелое мясо и, улыбнувшись, посмотрел на друида: — Первый урок прошел с огоньком.

— Буди Сандро, — усмехнулся Трисмегист. — И не переживай: в еде не привередлив.

* * *

После короткой дневки и скудного обеда Сандро все еще ощущал магическое истощение и телесную вялость. Дайрес в противовес некроманту был свеж и весел, несмотря на черные, тяжелые тучи, перетянувшие небо. Он шел впереди, прислушивался к шуму леса, дышал полной грудью, наслаждался запахом опавшей листвы и деревьев — жизни. С интересом наблюдал вокруг, провожал животных восторженными взглядами, а иногда, если зверь нравился особо сильно, принимал его облик и в таком виде шел до тех пор, пока не встречал еще более необычного обитателя леса. Сандро вяло брел позади, тяжело опираясь на посох и, не скрывая добродушной улыбки, следил за имитатором. Дайрес вел себя, как ребенок, или узник, обретший свободу: наслаждался жизнью, играл с ней, радуясь каждому мигу. Было в этом нечто завораживающее, привлекающее.

— Озорной мальчишка, — заметил Трисмегист.

— Да, шикарная оленуха, — согласился Сандро и рассмеялся так же непринужденно,

как в детстве или в первые дни знакомства с Энин.

Вспомнив о девушке, некромант невольно погрузился в мысли. Где она теперь? Что с ней? Повстречаются ли они вновь? Сумеет ли Энин перебороть болезнь? Случаи выздоровления были нечастыми, но эликсир «недоросли» многократно увеличивал шансы на положительный исход. Вот только узнает ли Сандро о судьбе Энин? Или она останется для него тайной?

Неожиданно грянул гром. Некромант против воли замер, осмотрелся и увидел мчавшегося на него и скалившего пасть огромного белого волка. Сандро взмахнул посохом — в хищника ударила Волна смерти, но не нанесла никакого вреда: коснувшись белоснежной шерсти, бесследно рассеялась, истаяла. Колдун машинально повторил заклинание: результат оказался прежним — волк был невосприимчив к магии.

— Проклятье! Дайрес, — догадался чародей, — прекрати это баловство!

Волк остановился за шаг от некроманта и принял облик Батури.

— Хорошо! — сказал имитатор голосом вампира. — Как я выгляжу?

— Зверем был краше...

— Где ты видел этого волка? — взволновался Трисмегист. — Отвечай!

— Здесь, неподалеку...

— Что-то не так? — спросил Сандро.

— Все в порядке, — неубедительно ответил друид. — Не стойте истуканами! Нет времени, чтобы тратить его на шалости. Вперед.

Сандро пожал плечами и молча продолжил путь через бескрайний лес. А когда Дайрес превратился в зверя и убежал вперед, спросил своего наставника:

— Чем тебя взволновал белый волк?

— Это не зверь, а дух леса — Эрун. Он появляется в исключительно редких случаях. Не знаю, почему он здесь. На этот счет у меня есть только два предположения: либо Эрун желает нас уничтожить, либо — предупредить об опасности.

— Неутешительно... — некромант споткнулся о вынырнувший из-под земли корень и едва удержался на ногах. Криво улыбнулся, вдруг подумав, что лесная нечисть уже начала строить козни. — Скажи, Альберт, что лучше: быть врагами лесного духа или ждать неведомой опасности?

— Искренне надеюсь, что у Эруна добрые мысли.

Вновь грянул гром, басистым эхом пробежал по лесу и скрылся где-то далеко за спиной. За первым раскатом последовал второй, и земля содрогнулась под ногами. Черная гвардия антрацитовых туч закрыла своими исполинскими щитами солнце, погрузила мир в беспроглядный мрак. Ветер, пожелав спасти лучи света от темных стражей, рванулся к небесам, но стих, наткнувшись на нерушимых воинов мрака. Тучи сгустились, превратились в огромное чернильное пятно, сквозь которое не смог пробиться ни единый луч света. День превратился в ночь. Загremели, словно тамтамы, провожавшие усопших в мир теней, раскаты грома. И небо, будто откликнувшись на этот бой, горестно разрыдалось, обрушило неистовый град слез на черную землю.

Чародей окутал себя магическим щитом, по которому немилосердно забарабанили градины, и громко позвал Дайреса. Имитатор не заставил себя ждать: примчался быстро, как пущенная стрела, и, не обратив внимания на непроницаемый для других щит, шмыгнул под него и, чтобы подстроиться под ходьбу некроманта, принял человеческий облик.

— Ничего себе вдарил! — с улыбкой воскликнул имитатор. — За пару мгновений намял бока!

Град усилился, а вместе с ним — и недоброе предчувствие, которое появилось у некроманта после разговора с Трисмегистом. Звери скрылись, попрятались в дуплах и норах — лес опустел.

Сандро спешил, подгоняемый непогодой и еще одним, более опасным преследователем. Быстро, срываясь на бег, сильно опираясь на посох, юноша шел вперед. Напрасно пытался изгнать из головы недобрые мысли, а иногда, когда от волнения Дайрес

становился разговорчивым, отбивался от его словесных атак.

— Сандро, почему ты не хочешь учить меня магии?

— Не до того сейчас, — отмахнулся чародей. — Был бы я личем, без труда бы поддерживал связь с поднятыми, а так — ослаб.

— Значит, ты слабый некромант?

— Нет! Я могу за раз упокоить и сотню, и две мертвых, — несколько приукрасил свои таланты юноша. — Но если воскрешать без долгих ритуалов, то связь с поднятыми быстро сжигает энергию.

— Получается ты антинекромант?

— Можно сказать и так, — пожал плечами Сандро и улыбнулся: так его еще не называли, хотя подобная трактовка была ему особенно приятна, ведь он ненавидел оживлять покойников, связывать свое сознание с трупами, проникать в их мертвый рассудок.

— Научишь меня, когда наберешься сил?

— Дай сначала набраться. А там решим.

Над лесом сгустилась ночь, но за тьмой, властвовавшей под плотным одеялом туч, Сандро этого даже не заметил. Дождь тем временем утих, но это не сделало путешествие более легким: почва под ногами пропиталась влагой, раскисла, превратилась в грязь, а мелкая морось, продолжавшая падать с небес, не давала земле просохнуть.

Вдруг звериная тропа, по которой брели некромант и имитатор, оборвалась. Небольшая речушка, весело журчавшая слева, резко канула вниз, зашумела над утесом, взъярилась, запенилась и полетела водопадом с обрыва. Впереди, казалось, протяни руку и дотянешься до них, выросли крепкие скалы с высокими, островерхими, как минареты башен, шпилями. Несмотря на оптический обман, дотянуться до Черных Кряжей было невозможно, впрочем, как и спуститься с утеса.

— Куда дальше? — выдавил Сандро, подойдя к обрыву и взглянув вниз.

Отвесный склон был изредка покрыт уступами, но спуск по крохотным бережкам казался смертельно опасным.

— Полезем вниз — сорвемся, — резюмировал чародей.

— Надо идти в обход, — предложил Дайрес.

— Альберт, что скажешь? — поинтересовался некромант, но дух не ответил. — Альберт? — забеспокоился Сандро, притронулся рукой к книге Трисмегиста, но это не дало ровным счетом ничего — друид молчал. — Обожаю своего наставника: не нужен — появится, нужен — не дозовешься.

— Может он хочет, чтобы мы сами решили эту задачу?

— Да, когда на хвосте многотысячная армия нежити — самое удачное время для загадок и головоломок.

— Сандро! — воскликнул Дайрес. — Я же могу спустить тебя вниз!

— И как...

Сандро умолк на полуслове: не дал ему договорить волчий вой, прозвучавший так близко, словно хищник стоял за спиной. Некромант резко обернулся. В округе не было ни души. Лишь мерно покачивались скрипучие стволы деревьев. Насвистывал настырный ветер. Шумел взбудораженный ручей. Тихо разговаривал, будто старик вещающий сказку, древний лес.

— И как ты это сделаешь? — закончил Сандро и вдруг краем глаза заметил белую молнию, шерстяной клубок, метнувшийся от одного дерева к другому и исчезнувший за тонким, за которым никак не смог бы спрятаться, стволом. — Фоморщина...

Вновь завыл волк. За спиной забегали быстрые, словно силуэты вампиров, тени. Сандро испугался, но быстро подавил в себе страх. Вгляделся во тьму, в которой мелькали и не желали исчезать неведомые духи. Сосредоточился, из-за усталости с трудом проник в эфир и, выяснив природу незваных гостей, ужаснулся: брэги. Ожесточенные духи мучителей и душегубов подвластные воле некроманта. Их почти невозможно убить, особенно сейчас, когда магических сил почти не осталось. В открытую противостоять брэгам Сандро не

решился: понимал, что для такой битвы энергии у него не хватит. Быстро сняв мешок, он извлек из него два небольших узелка, развязал их и зачерпнул из одного горсть соли.

— Вею соль, называя слезами Фьёрда. Вею соль: мертвецам ослепляю глаза, — Сандро мелодично прочитал слова слабого, требующего минимальных энергетических затрат, но действенного приговора, и рассыпал соль вокруг себя и Дайреса.

Когда контур сигила был положен, юноша зачерпнул горсть из другого узелка и продолжил:

— Сею серу — пепел хлада, пепел огня. Сею серу: разгоняю заблудшие души. Жгу огни...

Сандро взмахнул рукой: круг вспыхнул, яркое пламя на мгновение осветило границу леса и обрыв, разогнало взбесившиеся тени и погасло, вернув миру привычную тьму. Чародей пристально взгляделся в ночных пришельцев и зачитал финальный стих:

— Истлеваю рдеющим тленом. Жгу огни, провожаю дорогой Волхвов.

Лазутчики Сиквойи кружили рядом, но уже не могли заступить за начертанный чародеем сигил. До тех пор пока границы круга будут целы, через них не пройдет ни одно создание. Но мелкий дождь уже подмывал рассыпанную соль, рушил ментальную преграду.

— Нам конец... — выдавил Сандро.

Тени, души убийц, умершие и вернувшиеся в мир, чтобы вновь сеять смерть, метались вокруг и с каждым мгновением были все ближе. Они подходили вплотную к сигилу и замирали. Сандро увидел перед собой оскаленные, искореженные болью и ужасом лица, не выражавшие ничего, кроме ненависти и жажды крови.

— Будьте прокляты! — с омерзением выговорил Сандро и смачно выругался.

Если б он был отдохнувшим, полным сил, то без труда справился с десятком духов. Но сейчас оказался беспомощен перед опасностью: его судьба была безнадежна.

— Вею соль, называя слезами Фьёрда. Вею соль: мертвецам ослепляю глаза...

Юный чародей, вновь пройдя кругом, обновил солевой контур. Духи перестали скалиться, отступили от сигила, будто ослепнув. Заметались в поисках некроманта, за жизнью которого пришли, но не разыскали его, не увидели. А дождь все стучал по земле, размывая круг, становился все сильнее, все упрямее — опаснее.

— Вею соль, называя слезами Фьёрда. Вею соль: мертвецам ослепляю глаза, — шептал Сандро, по крупицам разбрасывая вокруг себя соль, которой с каждым мгновением оставалось все меньше.

Духи выли, как дикие псы, скалили уродливые пасти с черными, словно сгнившими, клыками. Сандро невольно вспомнил классификацию нечисти из энциклопедии Льва Алацци и понял, что с брэгами ему не справиться, для победы над ними нужен священник или хотя бы друид.

— Альберт! — позвал чародей, надеясь у мудрого наставника найти поддержку, но Трисмегист не отозвался.

Сандро перестал сыпать соль, и брэги облепили магический круг, словно трупные мухи мертвое тело, поднялись над головой некроманта, образовав столб оскаленных лиц.

— Альберт! — в отчаянии выкрикнул юноша, но друид не ответил.

Сандро нервно смахнул с лица капли дождя, дрожащей рукой высыпал остатки соли в ладонь и в последний раз прошептал:

— Вею соль, называя слезами Фьёрда. Вею соль: мертвецам ослепляю глаза...

Глава 7. Беды Вестфалена

«Болезнь это крест, но, может быть и опора. Идеально было бы взять у нее силу и отвергнуть слабости».

Альбер Камю «Чума»

Чума обрушилась на Вестфален.

И пробудила она людей от беспамятного сна, открыла глаза им,

позволила увидеть весь тот ужас, что творили над ними Бессмертные повелители. Губительный мор, лишь он один, дал грешникам опору. И низвергнуты были пороки, отринуты слабости. И началось восстание. Но не люди его начали — госпожа Чума. Честь ей за это и хвала.

Эргос Дир Валэр «Критический анализ истории, или исторический кретинизм»

В предрассветный час Вестфален был похож на темно-сизое облако, сгустившееся над горизонтом, вместе с тем — на гору, выросшую посреди равнины, или же великана, присевшего отдохнуть и уснувшего навеки.

Когда краешек солнца выглянул из-за горизонта, и ночная тьма нехотя сменилась сумрачным утром, необычные путники вышли из-под защиты леса и побрели по неторной дороге в сторону тракта. Обозы еще не наводнили подъезды к столице, и никто не увидел юной девушки, прижимающей к груди плачущего ребенка, некому было обратить внимание на мертвецки бледного мужчину в обгорелом, испачканном грязью и кровью плаще, который бережно держал на руках рыжеволосую молодницу. Вскоре спутники выбрались на широкую грунтовку с громким названием Южный тракт. Он был пуст, безжизнен и беззвучен. Лишь звонкий детский плач разрушал тишину.

Младенец, не утихая ни на миг, рыдал уже вторые сутки, с того самого момента, как вампир принес его с охоты. Батури уже сомневался в правильности своего поступка, ведь ни он, ни его лишенные материнского инстинкта спутницы не умели обращаться с детьми.

— Успокой его, наконец! — не выдержал вампир.

— Как? — воскликнула Анэт.

— Укачай, развесели, спой ему песню — придумай что-нибудь! Дай грудь, в конце концов!

— Но у меня нет молока...

— Думаешь, я этого не знаю? Делай, что говорю.

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать?

— Тот, кто в случае отказа перегрызет тебе горло! — выкрикнул вампир, но понял, что от ругани младенец рыдает еще громче, и сменил тактику: — Анэт, прошу тебя: дай ему грудь. Если не заметила, его это успокаивает. Иногда он даже засыпает.

— Хорошо.

На ходу спустив один рукав, Анэт дала младенцу грудь, и тот, наконец, прекратил свои бесконечные бессловесные жалобы.

— Зачем ты взял ребенка? — шепотом, чтобы не услышала сестра, спросила Эннин. — Ты понимаешь, что мы его погубим?

— Ты еще... — закатил глаза вампир, но все же ответил: — Я укусом вспорол ведьме шею и проник в ее сознание. Она хотела украсть у младенца жизненные силы и ценой его смерти спасти себя от чумы. Теперь ты понимаешь, почему я поступил так, а не иначе?

— Прости, я не знала...

— Не знаешь — молчи! И вообще не донимай меня разговорами...

Клавдий остановился перед высокими, в три человеческих роста, воротами и, поставив Эннин на землю, с силой толкнул створки. Они не поддались.

— Странно... Торан Вестфалена всегда открыт. В городе что-то неладное.

Батури взглянул на небо, на холодное, стоявшее в зените, солнце. Дорога по Южному тракту отняла больше времени, чем он рассчитывал. Вскоре появятся обозы, с ними можно будет пройти в город. Но Клавдий не хотел показываться людям, чтобы не привлекать внимания.

— Чума, — вслух подумал он. — Обозов не будет, и ворота не откроют...

Решив все же попытать удачу, Батури постучал в тяжелые створки и немало удивился, когда за Тораном послышались шаги. Стражник замер у смотрового окна и, не открыв его, громко выкрикнул:

— Проваливайте в свое же благо! Город закрыт для посторонних!

— Открой, — прибегнув к магнетизерским талантам, приказал вампир. — Мне надо пройти. Ты должен открыть ворота. Немедленно!

— Сказано же: город закрыт, — невозмутимо отозвался страж — магия, сломившись о зачарованный Торан, не подействовала.

— Ждите здесь, — прошипел вампир и прыгнул на створки ворот.

Будто паук, он пополз по отвесной преграде, быстро добрался до верхушки и переметнул через Торан. За воротами раздался перепуганный вскрик стража, сменившийся предсмертным всхлипом. Послышались другие голоса, грозившие вампиру виселицей и огнем. Зазвенела сталь, зарычали воины, забили в тревожные колокола стражи, но все неожиданно стихло и ворота со скрипом отворились.

— Быстро! — приказал вампир. — Сейчас здесь будут все патрули.

Девушки без промедлений рванулись внутрь и, оказавшись в городе, замерли в замешательстве. Картина, которую они увидели, потрясла их. У ворот валялись мертвые тела, у стены полыхала ярким пламенем сторожка, повсюду чувствовался теплый запах крови, а людской страх, витавший в воздухе, был настолько отчетлив, что казалось: его можно потрогать.

К месту недавней схватки спешили стражники. Они неистово выкрикивали боевые кличи, в их руках сверкала начищенная сталь мечей и алебард. Впереди воинов мчал священник в черной рясе с кругом Эстера на груди и громко вещал молитвы.

— Быстро!

Вампир толкнул сестер туда, где улицы были тихи и пустынные, и девушки сломя голову бросились бежать. Священник махнул рукой в их сторону, что-то тихо сказал, и двое воинов, отделившись от отряда, рванулись следом. Батури хотел касанием темной магии остановить сердца этих двух стражей, но Тьма невероятным образом не откликнулась на зов. Вампир коротко выругался и обратился к стихиям. Преследователи рухнули наземь и завопили от боли. Изнутри их прожег дикий огонь, проел тела, оставив от воинов лишь горстку пепла и оплавленное железо.

Тем временем к вампиру приблизился основной отряд.

— Изыди, дитя Мрака, возвратися, низвергнися во Тьму, что тебя породила, — картавая речь на церковный манер, проголосил эстерец, а воины, воодушевленные присутствием в своих рядах священника, криво заулыбались, будто уже позабыв о гибели сослуживцев.

— Святой отец! — радостно, словно увидел старого друга, воскликнул вампир и отвесил циничный поклон-реверанс. — Прошу простить, что без шляпы, но и вы, господа, не отличаетесь хорошими манерами: обступили с мечами наголо, даже не представившись — как разбойники. Убить решили? Зря. В лучший мир я не спешу, но вас без труда провожу.

— Да буде ты, исчадие Мрака, за грехи свои словом Божьим наказано, — невозмутимо провозгласил священник и рукой вывел в воздухе круг, являющийся у эстерцев символом веры.

Батури почувствовал магические эманации в воздухе и от удивления даже не успел поставить блок. Его отбросило назад, впечатало в створки ворот. Голова заходила ходуном, а в сознание, задурманив рассудок, вплелся мерный речитатив священника:

— Господе наш, Эстер Всеединый, приди в мир, дабы искоренити в гнев огненном грех и Тьму. Покорися же, исчадие Мрака, склони чело для омовенья святого, отринь убийство ближнего, дабы переродитися в иной ипостаси.

Вникнув в молитвенный призыв проповедника, Батури потерял над собой контроль, оказался в безграничной власти монотонного голоса. Воины, оголив мечи, столпились вокруг вампира, но не спешили нападать: дожидались, когда священник сделает свое дело и заставит исчадие Мрака подчиниться божественной воле. Клавдий упал на одно колено и склонил голову, отдавая ее на отсечение. Страж со знаком сержанта на плече занес меч для смертоносного удара, а священник сложил на груди руки и замолчал. Это была его роковая ошибка. Батури мигом пришел в себя и рванулся в сторону прежде, чем на его шею

опустился клинок.

Клавдий давно не убивал с таким упоением. Он с дикой жадностью, с ненавистью впился в шею священника. Воины, с трудом пересилив суеверный страх, попытались поймать вампира на короткие, для ближней рубки, мечи, но враг без видимых усилий ловко ушел от оружия, даже не выпустив эстерца из мертвой хватки. На глазах стражей из безвольной куклы Батури превратился в того бессердечного, не знающего ни сожаления, ни жалости, монстра, о котором писали, называя Познавшим, церковные книги.

Сердца людей заledenели, от испуга опустились руки. Монстр, исчадие Мрака, с которым они встретились, оказался слишком сильным соперником, чтобы противостоять ему обычным оружием. Даже священника, обладающего «гласом Божиим», не смогли спасти ни безграничная вера, ни всемогущий Эстер: вампир отпустил его только тогда, когда выпил всю кровь без остатка. Лицо церковника побледнело, переполненные ужасом глаза закатились, а язык вывалился изо рта, доставая до самого подбородка. Лик священника был ужасен, но еще ужаснее — лик вампира.

Двое стражей бросили оружие и пустились наутек.

— Назад, трусы! — проревел им вслед сержант, но беглецы не послушались приказа.

— Вы умрете в страшных муках... — пообещал Батури оставшимся солдатам и незамедлительно перешел к исполнению приговора.

* * *

Одной рукой Анэт бережно прижимала к себе спящего младенца и всячески пыталась бежать осторожнее, чтобы не разбудить его, а другой — тянула за собой сестру, которая с трудом переставляла ноги. Город был безлюден. И только благодаря этому девушкам удалось скрыться, не привлекая внимания. В пустынной тиши молчаливых улиц они и здали слышали приближающийся отряд и завернули в переулок до того, как из-за поворота выбежали стражи и, гремя доспехами и мечами, умчались в сторону ворот. Девушки остались одни и, не зная, что делать дальше, куда деваться, забились в угол тупика.

— Бежим обратно, — испуганно предложила Анэт. — Поможем Клавдию...

— Чем мы ему поможем? Лучше сиди тихо...

— Где он? Почему так долго?

— На охоте! — скривилась Энин. — Проклятый вампир, оставил нас одних в неизвестном городе, а сам наслаждается человеческой кровью, кормится...

— Тихо....

Батури, как всегда, возник из ниоткуда. Вид у него был потрепанный и пугающий. Взгляд ужасных глаз, заполненных до краев черной, играющей черными же тенями, бездной, вызывал опаску и оторопь. Вампир, будто чувствуя страх, который испытывала, глядя на него, Энин, неотрывно наблюдал за ней.

— Что-то не так? — спросила девушка.

— Несмотря на предсмертную слабость, ты быстро бегаешь.

Вскоре зрачок Батури изменился, стал меньше, а чуть позже его глаза приняли привычный мягкий, как заledenевшее озеро, голубоватый цвет. Теперь вид вампира не пугал.

— Я столкнулся с абсолютно новой магией — церковной. Но колдунов в ордене Эстера никогда не водилось, — задумчиво заметил Батури и взял Энин за руку. — Идите за мной и не отставайте ни на шаг.

Чем дальше от ворот отдалялись путники, тем более страшным представал перед ними город. Улицы, сперва чистые и ухоженные, быстро преобразились, наполнились ужасом суровой реальности. Камень мостовых изукрашили пятна крови и гнойные потёки, к которым прилипала подошва сапог. По обеим сторонам дороги грудями валялись человеческие тела. Вокруг них, как шакалы, столпились целители в масках с длинными клювами, защищающими легкие от заразы. Затхлый воздух переполнился тошнотным трупным

запахом и вонью разложения. Отовсюду доносились страдальческие голоса неизлечимо больных. Многочисленные целители и золотари грузили в открытые повозки людей, многие из которых еще шевелились — никто не обращал на это внимания, кидая умирающих в общую кучу — к трупам.

— Но они еще живы, — ужаснулась Энин.

— Ты тоже, но вскоре погрузят и тебя, — пообещал Батури.

— Проклятый монстр! — прорычала колдунья.

Она хотела осыпать вампира бранью, но поперхнулась словами, увидев ужасную сцену. Золотари подошли к мужчине, который скрыл лицо за дырявым капюшоном, и попытались погрузить его в телегу. Чумной стал сопротивляться, не пожелав раньше времени расставаться с жизнью. «Ночные короли» не растерялись, достали палки и избивали умирающего до тех пор, пока тот не перестал конвульсивно вздрагивать. Убив, золотари в четыре руки взяли мужчину в черной рясе, на которой — о, Пресвятая Симиона! — был вышит круг Эстера, и бросили священника в трупную повозку. Энин хотела что-то сказать, остановить убийц, но не издала ни звука, побоявшись, что станет следующей.

Вскоре Батури вывел своих спутниц на главную площадь, где в окружении малочисленных слушателей, размашисто жестикулируя, читал проповеди священник с зияющей лысиной на голове.

— И написано в книге Эреба, что придет Спаситель и изгонит детей Смерти и Мрака, уничтожит чуму и воздвигнет на месте прежнего царства новое — царство Господне. Внимайте же люди, внимайте грешники! Откройте сердца свои для праведной веры, иначе в день Суда и Спасения будут брошены души ваши в пламя, и изгнаны будут, и прокляты навеки. Ибо не подняли вы руки в мольбе, не взялись за круги и оружие, не пошли против Смерти и чернокнижников, этой Смертью повелевающих...

— Куда мы идем? — спросила Анэт.

— К другу, — заслушавшись, запоздало ответил Батури.

— Нам далеко? Я себя неуютно чувствую.

— Скоро будем на месте.

— ...Века мук и страданий ждут тех, кто отдаст свою душу во власть темную, — распинался в бесконечных призывах и проповедях священник. — Наказал Эстер грешников: проклял их на смерть лютую, смерть мучительную; наслал на род людской болезнь страшную, чтобы испытать веру вашу и открыть глаза праведникам, но закрыть — маловерам. Так примите же силу Эстера! Примите его всемогущество! И вера подарит вам защиту Его. И не сломает вас боль, не достанет чума, не украдут ваши души неживые немертвия. Станете вы божественно сильны и крепки. А неверующих, как и завещал Эстер, заберет в свое царство Чума...

Священник еще долго ораторствовал, неистово кричал свои проповеди, но Батури и сестры успешно миновали площадь и больше не слышали его слов. Вновь потянулись вереницы труповозок, замелькали пред глазами клыконосые целители и золотари. Клавдий, решив проявить осторожность, заставил всю компанию долго петлять крохотными улочками и переулками. Удостоверившись, что возможная погоня их не найдет, вывел спутниц к небольшой, отделенной от улицы двориком с цветущим садом усадьбе. От любопытных прохожих ее ограждал резной, витиеватый забор в полтора человеческих роста с острыми, как наконечники копей, зубцами.

— Хозяин! — прокричал вампир. — Открывай! Гости пришли!

Ему не ответили. За воротами не раздалось ни шороха, ни шепотка. Казалось: усадьба заброшена, а ее жители либо ушли подальше от бед Вестфалена, либо уже мертвы.

— Хозяин! Оглох, что ли? Открывай! — потребовал Батури, но результат оказался прежним.

Вампир схватился за витые плетения ограждения и ловко перемахнул через ворота, даже краем плаща не задев острых зубцов. Подошел к тяжелым, окованным литыми железными листами дверям. Постучал. В третий раз позвал хозяина и только теперь

дождался ответа, впрочем, неутешительного:

— Проваливай! Иначе превращу в ежа с болтами вместо иголок! Ты хоть знаешь, куда ломишься? Здесь живет Веридий — сильнейший маг столицы!

— Хозяин!..

— Проваливай, сказал! Марта, активируй защитные заклинания!

— Куница! Тебя не спасут заклинания, когда на пороге Лис!

Хозяин замолчал, будто его больше не интересовал нарушитель покоя, но неизвестная Марта не спешила выполнять приказ и активировать заклинания. Вскоре у входа в дом послышался едва различимый даже для вампирского слуха шорох приближающихся шагов. А в следующее мгновение дверь распахнулась. На пороге застыл молодой, лет двадцати, юноша с пепельно-серыми волосами, большими темно-синими, как морская пучина, глазами и широкой добродушной улыбкой.

— Лис! — завопил он и бросился обнимать вампира. — Столько лет! Где пропадал?

— Может, сперва в дом пустишь? — с улыбкой спросил Батури. — И я не один: со мной две спутницы.

Хозяин заглянул за спину Клавдия и хитро сощурился:

— Паршивый развратник! Одной что ли мало? Хотя близняшки... Эх, не было бы Марты...

— Не спеши, — осадил его Батури. — Они под моей опекой. Никаких прелюбодеяний. И, к фоморам, кто такая Марта?

— Да что ж мы на пороге-то стоим? — спохватился хозяин. — Все в дом! Все в дом! Марта! Открой ворота — гости к нам пожаловали!

Створки безо всякой человеческой помощи бесшумно разошлись. Сестры беспрепятственно прошли внутрь и оказались в другом мире: здесь не было смерти, блуждавшей по всему Вестфалену, не чувствовалось запаха разложения — вокруг, несмотря на скорую зиму, благоухали цветы и травы. Озираясь по сторонам, девушки приблизились к входной двери и под пристальным, похотливым взглядом хозяина заглянули в дом.

Внутри особняк оказался намного больше, чем воспринимался снаружи. Холл был широким, даже необъятным. На стенах, украшенных орнаментом из густой сети переплетающихся между собой линий и колец, в выпирающих нишах, горели сотни свечей, но из-за отсутствия окон даже их было недостаточно, чтобы ярко озарить комнату. На второй этаж уводила полукруглая лестница с резными перилами, балясины которой были выполнены в виде различных, не повторяющихся, мифических существ. Глядя на них, казалось, что фигурки движутся, идут, длинной вереницей поднимаясь на второй этаж. По углам в передней стояли колонны в виде огромных, мускулистых демонов, держащих крупную, украшенную фризами капитель. На фризах изображались бесы, исполненные так искусно, что в бликах свечей они как будто оживали и кружились над головами царственных гигантов в хаотическом танце. Дополняли странную мистическую атмосферу висевшие на стенах картины. На почтительном расстоянии друг от друга в тяжелых позолоченных рамках красовались портреты молодых мужчин. Строгими, изящными чертами они больше напоминали богов, нежели людей, и были схожи между собой: мертвецки бледные лица, контрастирующие своей белизной с кроваво-алыми губами; едкий взгляд черных, без белка, глаз даже с картины проникал в самую душу и заставлял сердце болезненно замирать. В особняке царила удручающая атмосфера, тяжелая, как нависший над головами свод. Не в пример обстановке хозяин сиял, как весеннее солнце, был весел и словоохотлив:

— Вот, затеял ремонт в дорическом стиле, но не понравилось: буду сносить. Вы не задерживайтесь, проходите. А то, вижу, прекрасные спутницы моего друга совсем помрачнели. Идемте же! Развеем угрюмость холла, — беловолосый повел рукой, приглашая гостей в соседнюю комнату.

И вправду, в другой части дома уже не было ни демонов, ни бесов. На этот раз стены украшали полуголые девушки с рыбьими хвостами вместо ног, рядом с которыми играли на флейтах нагие мужчины и кружились изящные и грациозные, как горгоротки, танцовщицы.

— Голодны, небось, устали с дороги? Марта! Приготовь обед, не шатайся без дела! Как ты сам? Рассказывай! — Веридий резко переметнулся с расспросами к Батури. — Столько лет не виделись, а ты все молчишь.

— Так ты мне слова не даешь сказать! — улыбнулся Клавдий.

Энин не поверила своим глазам: вечно недовольный и язвительный Батури расцвел при встрече с другом, как весенний цветок.

— Правильно! — невольно воскликнул Веридий и всплеснул руками. — Чего это мы говорим насухо? Марта! Неси вино, да получше подбери, не с простым гостем пить будем!

— Потихе, ребенок спит, — недовольно прошептала Анэт.

— Слушаюсь и повинуюсь, дорогая гостя! Все сделаю! — одарив девушку улыбкой, заверил Веридий, но было уже поздно: младенец открыл глаза и завел свою несмолкаемую песню. Анэт попыталась успокоить его, занять какой-то игрой, но ребенок не утихал.

— Всё ваши крики, — скривилась девушка.

— Дайте ему грудь, он и утихомирится.

— Уже давали.

— Странно, — на молодом лице хозяина удивленно изогнулись брови, отчего Веридий стал напоминать малолетнего мальчишку. — Я бы даже сказал: удивительно. Но я же слышу, что он голоден. Или вы, мамыши, не понимаете детского крика?

— Кричит, да и кричит, — скривила недовольное лицо Энин.

— Не скажи... — покрутил пальцем перед лицом колдуньи Веридий.

— И мы ему не мамыши, — отмахнулась некромантка.

— Тогда все ясно! Пустышками дитя балуете? Сколько дней он у вас не ел?

— Я его кормил, — помрачнев, уронил Батури.

— И чем же?

— Обсудим позже. У тебя есть молоко?

— У меня есть кое-что получше, чем молоко, у меня есть Марта! — демонстрируя полное отсутствие всякой логики, сказал Веридий. — Не переживай: она все сделает, как надо.

— И где же твоя распрекрасная Марта?

— За твоей спиной.

Клавдий обернулся и увидел миловидную, одетую по-домашнему девушку с каштановыми, переплетенными в косу, волосами и пышной грудью, которую не смогло скрыть даже широкое платье. Курносый нос ее был слегка вздернут. Ее темно-карие глаза смотрели на Батури с любопытством — как на диковинку.

— Здравствуй, Марта, — вампир склонил голову в полупоклоне.

Девушка, ничего не ответив, отвела взгляд, а на ее щеках появился румянец смущения.

— Не обращай внимания, она застенчивая, — махнул рукой Веридий и, воспользовавшись мыслеречью, беззвучно добавил: — И немая.

Клавдий посмотрел на девушку другим взглядом, а Марта, будто услышав слова Веридия или уловив изменения, произошедшие во взоре гостя, резко развернулась и побежала на кухню.

— Стой, дуреха! — окликнул ее Веридий. — Дуй сюда и не вздумай убегать, пока не скажу.

Марта вернулась красная от стыда.

— Милая, — ласково выговорил Веридий, еще больше вгоняя служанку в краску, — проводи девушек в столовую, накорми, напои, как положено, и уложи спать. Устали они с дороги. А вы, девушки, не стесняйтесь. Друзья Лиса — мои друзья, а равным мне радушием не сможет похвастаться ни один вестфалец!

Энин скривилась, вспоминая первый поток гостеприимных речей хозяина. Анэт оставила реплику Веридия без внимания, будучи полностью занята укачиванием младенца.

— Марта, не стой истуканом! Сказал же: поухаживай за гостями. А вы, девушки, идите за ней, Марта у меня неразговорчивая.

Служанка пошла в соседнюю комнату, сестры отправились следом.

— Ты изобрел новый стиль? — обратился хозяин к Батури, оглядев его с ног до головы и даже притронувшись к лохмотьям, в которые превратилась одежда вампира.

— Не донимай, — с улыбкой ответил Клавдий и закатил глаза.

— Ладно, иди в кабинет. Я пока прогуляюсь по погребу, найду, чем промочить горло.

— Ты пошустрей прогуливайся. У меня мало времени...

— Ну, уж нет! Ты слишком редкий гость, чтобы я тебя так просто отпустил, — усмехнулся Веридий и выскользнул из комнаты.

Батури блаженно вздохнул и мечтательно улыбнулся. Постоял секунду и пошел на второй этаж. Задержался на лестнице. Нежно, погружившись в глубины памяти, провел рукой по древним перилам. Все в этом доме было знакомым, родным. Батури искренне радовался тому, что заглянул в Вестфален, в усадьбу одного из старейших вампиров — Веридия Мартес Ливуазье. Тут Клавдий мог узнать ответы на интересующие его вопросы, получить дружеский совет и просто отдохнуть с чувством полной безопасности. По крайней мере, он так думал.

Прорицание третье

В деревню Лагода двое путников прибыли с рассветом. Их заметил маленький рыжеволосый мальчик и с криком бросился в родное селение: предупреждать мужчин, что пожаловали незваные гости. Странники не спешили пересекать околицу, видимо, зная здешние обычаи сперва убивать, а уж после разбираться. Другого от людей, живущих на проклятой земле, ожидать и не приходилось. Но цель Назарина крылась в Лагоде, в доме старосты — пришлось навестить негостеприимное место.

— Прости за новый шрам, — заранее извинился прорицатель у своего спутника.

Немой невыразительно кивнул, уже зная, что означает это напутствие, что-то нечленораздельное промычал и взглядом указал на приближающихся людей.

— День добрый, уважаемые лагодцы! — широко расставив руки, издали поприветствовал Назарин. — Мы пришли с миром. Все, что нам надо — забрать девушку, которая скрывается в вашем селении от правосудия.

Люди подошли ближе. Все вооружены, и не вилами и граблями, а мечами и саблями, моргенштернами и кистенями. Лагодцы полукругом обступили пришельцев. От толпы отделился крепкий мужчина в коротком тулупе и лисьей шапке, из-под которой выбивались ровные пряди седых волос.

— Я Клецвих, староста. А вы кто такие, чтобы говорить о правосудии? На службе у кого состоите?

— Паладины из Наицы, — протягивая грамоту, заявил прорицатель. — Староста, прошу не перечить воле храма Симионы. Поверьте, я не угрожаю вам. Нет. Девушка, которую вы приютили в своем доме, убийца и пособница темных сил. Сюда ведьма пришла, чтобы проникнуть в Хельхейм, к таким, как она. Но погоня заставила ее искать спасения в вашей деревне.

Староста внимательно изучал послание и, казалось, не обращал на речь Назарина никакого внимания, но дело обстояло иначе и прорицатель это знал. Клецвих не был обучен грамоте и, бессмысленно всматриваясь в пергамент, вникал в слова храмовника. Когда жрец замолчал, староста, наконец, оторвался от грамоты и оценивающе взглянул на путников.

Один — молодой, с гордым, властным взглядом и ровной осанкой. Видно, не привык склонять спину в молитвах. Одет он был в черную хламиду с острым, как у палача, капюшоном. На поясище висел меч, оттопыривший рукоятью широкие, не перетянутые привычной пеньковой веревкой, одежды. Путник не был обычным жрецом — те не носили оружия. Значит, паладин.

Другой — узкоглазый кхет — худощав, невысок и жилист. Двигался скупой и точно,

будто бой для него никогда не кончался. Своим спокойным, безразличным, исполосованным шрамами лицом он больше напоминал наемника, нежели паладина. Хотя разница невелика: грабили и убивали и те, и другие. И еще не ясно, кто чаще.

— Значит, паладины, — резюмировал Клецвих.

— Как написано. — Храмовник в хламиде добродушно улыбнулся. Но по ледяному взгляду нетрудно было догадаться, что в голове у него витают черные мысли. — Если не выдадите ведьму, деревню сожгут, — хладнокровно заверил он, все так же добродушно улыбаясь. — Вокруг немало рыцарей, свое дело они знают.

— Мы чтим законы Тройного Союза, — кивнул Клецвих. — Но мне невдомек: за какие такие провинности осудили девушку? Словам вашим я верю, но одних слов мало.

— Уважаемый староста, внимательнее прочтите грамоту. Там все написано. Позвольте? — Назарин протянул руку, требуя бумагу обратно. Получив ее, нарочито важно зачитал то, чего на ней написано не было: — Храм Симионы и Церковь Эстера, при «молчаливом согласии» Круга друидов, обвиняет Лайру Гетт из Крекова в пособничестве силам Тьмы, отравлении земли и порче урожая, похищении младенцев и наведении сглаза на людей и домашнюю скотину. В подтверждение слов приводится список истцов и свидетелей, которые поймали Лайру за колдовством. Зачитать?

Лагодцы, окружившие двух путников, зароптали, загалдели. Ни один из них не хотел рисковать своей жизнью ради приبلудившейся незнакомки, которую по непонятным причинам приютил Клецвих.

— Сдается мне, староста, — после долгого молчания заговорил Назарин, — околдовала вас ведьма, затуманила рассудок. А, быть может, приворожила...

— Это ложь! — взорвался криком молодой голубоглазый парень, гладковыбритое лицо которого обрамляли белые кудри. Он крепко сжимал в руке меч, стоял уверенно, расслабив плечи, слегка согнув в коленях ноги: будто готовился к поединку. — Клевета! Она не может быть ведьмой, потому что...

— Почему? — спросил Назарин в образовавшейся паузе. Голубоглазый не нашелся, что ответить. — Все ясно! Значит так, Клецвих, времени у вас до полудня. Когда солнце встанет в зените, мы вернемся и заберем ведьму. Если вы ее не выдадите или позволите удрать, то Лагода будет сожжена дотла. Вы, думаю, знаете, как карается неповиновение законам Тройного Союза?

— Бать, да не слушай ты их! — вспыхливо воскликнул голубоглазый. — Лайра ни в чем не повинна. Посуди сам, ну не может она быть ведьмой...

— Откуда тебе знать? Ты видел ведьм? — ухмыльнулся Назарин. — Я уже проверил меч на их головах. А ты из-за молодости глуп.

Лагодцы озадачено смотрели на двух пришельцев и неуверенно топтались на месте, не зная, стоит ли верить незнакомцам или проще вздернуть их на ближайшем дереве как лжецов и наветчиков?

— Отец, погляди на них. Они никакие не паладины. Это те самые наемники, которые выследили Лайру. Сперва ранили, а теперь вздумали добить...

— Чушь! — усмехнулся Назарин. — Храмовые печати невозможно подделать.

— Но можно украсть, или забрать у трупа...

— Бездоказательные обвинения паладина сурово караются, — напомнил Назарин.

— Помолчи, Ридрих...

— Но отец!

По толпе пробежало негромкое перешептывание о том, что глупо умирать ради мальчишки, потерявшего рассудок то ли от любви, то ли от колдовства.

— Тихо! — выкрикнул прорицатель. — Ридрих, ты разговариваешь не с отцом, а со старостой. От его решения зависит судьба всей деревни — не только твоя и ведьмы.

— Она не ведьма!

— Да помолчи ты, — шикнул Клецвих.

Старосту одолевали сомнения. Да, девушка и впрямь появилась в их жизни неожиданно и

негаданно; пришла, истекающая кровью, со стрелой в боку, но оправилась от ранения неправдоподобно быстро. Была она доброй, веселой, жизнерадостной и цветущей. Не бывает таких ведьм! Но Клецвих еще не встречал колдуний, чтобы быть уверенным наверняка. Да и слишком большая ответственность взвалилась на его плечи. Он не имел права ошибиться.

— Без решения графского суда — не выдам девку. Приходите, когда у вас будут необходимые бумаги. С гербами и печатями, — уточнил Клецвих, понимавший в геральдике куда больше, чем в грамоте.

— Жаль, что мне не удалось убедить вас, — с сожалением произнес прорицатель и на миг закрыл глаза...

Неожиданно выхватив меч, Назарин рванулся вперед. В два шага преодолел расстояние, разделявшее его со старостой, и молниеносным ударом срубил ему голову. Пока деревенские вояки пришли в себя, прорицатель успел сразить еще одного. Кхет с тихим скрежетом вытащил из-за спины легкий тонкий меч и метнулся к рядам селян. Лагодцы, привыкшие к нередким в Черной земле стычкам, быстро оправились от удивления и атаковали. Четверо напали на Назарина, пятеро — на него.

Кхет не зря заслужил титул «мастера клинка». Его меч с крохотными, весело звенящими колокольчиками превратился в быструю, неуловимую для взгляда, смертоносную молнию. Под звон бубенцов немой кружился в невероятном замысловатом танце и разил наповал. Назарин бил короткими ударами, точно и легко защищался от выпадов врагов. Он развернулся и отошел на полшага — кистень, не задев, пронесся на волосок от его лица. Прорицатель ударил в ответ и лишил жизни одного из селян. Кхет танцевал с мечом в руках и его танец был все смертоноснее. Когда немой покончил с последним соперником, прорицатель еще сражался с двумя уцелевшими крестьянами, но после вмешательства мастера клинка ни один из защитников не устоял.

У ног Назарина, закрывшего глаза и опустившего меч, лежали одиннадцать мертвых тел. Но это были не последние жертвы. Нельзя оставлять свидетелей, чтобы не подвергать себя опасности. Придется вырезать всю деревню: от мала и до велика, как женщин, так и детей. Высокая цена за одну встречу, но Назарин готов был ее заплатить. Вот только графские войска... Широко вокруг расстелилась равнина — от конных не скрыться. А Назарин только по пути из Фиора повстречал три кавалерийских разъезда. От патрулей не удастся уйти, они все равно выследят убийц и тогда прорицателю не помогут ни талант предсказывать будущее, ни умение владеть мечом. Неутешительная перспектива...

...Назарин открыл глаза и внимательно уставился на старосту, который стоял перед ним и дрожащей рукой держался за шею, словно чувствуя, что может ее лишиться. И все же прорицатель не решился оголять сталь. Своя жизнь была слишком дорога, и не только для самого Назарина, но и для всего мира!

— Я требую «честного права». Пусть нас рассудят боги.

Лагодцы облегченно выдохнули. Такое решение их всецело устраивало. Будет поединок. Один поднимет меч в защиту девушки, другой — в обвинение. Кто победит, за тем и правда. «Честного права» нельзя ослушаться, оно даже смертнику дает возможность испытать удачу и почувствовать божественную добродетель. Или гнев.

— Вы же не откажете мне в этом?

— Разумеется, нет, — пожал плечами Клецвих и обратился к одному из крестьян: — Ян, приведи девушку. И скажи ей, чтоб взяла меч.

— Отец! — ужаснулся Ридрих. — Неужто Лайра сама, только от ранения оправившись, будет сражаться?

— Это ее битва, сын, — шепотом ответил староста. — Мы ее не звали...

— Но как же закон гостеприимства?..

Назарин с любопытством наблюдал за разворачивающейся сценой и хвалил себя за то, что не прочел всевозможные варианты будущего, иначе спор отца и сына, злость и бессилие, царившие в душе Ридриха, прошли бы мимо его внимания и не принесли никакого удовольствия. А так получалась интересная картина, жизненная, завораживающая.

— Примешь бой, — обратился прорицатель к немому. — Но будь осторожен: ты встретишься не с деревенской дурнушкой, а с воительницей, равной которой нет среди людей — скрестишь мечи со ск'йере.

Близкая опасность никак не отразилась на кхете, ни единый мускул не дрогнул на его лице. Он был спокоен и хладнокровен.

Назарин увидел ее издали — девушку, одетую по-мужски, в грубую крестьянскую одежду: широкий кафтан и мешковатые шаровары. Сперва он даже не поверил глазам: не должна истинная ск'йере выглядеть столь невзрачно. Но ошибки быть не могло, прорицатель точно знал, что перед ним та, которую он искал. Когда девушка подошла ближе, Назарин в этом убедился. Ровная осанка, грация движений, аристократическая бледность кожи и тонкие черты лица враз отметили принадлежность воительницы к простолюдинам.

Лайра подошла вплотную к прорицателю, манерно поправила стянутые в конский хвост волосы и испытывающим, прожигающим взглядом уставилась на незваного гостя.

— Ты хотел меня видеть, жрец?

Голос ее был звонок, как журчанье весеннего ручейка, и чарующ, как песнь жаворонка. Селяне напряглась. Было заметно: теперь, увидев девушку, они готовы стоять за нее горой, хотя всего мгновением раньше решили выдать лжепаладинам от греха подальше.

— И сейчас хочу, — улыбнулся Назарин. — Ты должна пойти со мной.

— Ты приказываешь мне, жрец?

— Пока только прошу. Но, если окажешь сопротивление, мне придется взять тебя силой.

— Взять меня? Силой? — брови на точеном лице девушки удивленно изогнулись. — Такие силы еще не родились на свет!

— Ты ошибаешься, Лайра. А если выслушаешь меня наедине, то я смогу объяснить причину, по которой пришел.

— Хочешь говорить — говори. Мне нечего скрывать от людей, которые меня приютили.

— Ты не оставила мне выбора. Хананк...

Услышав свое имя, немой с готовностью выхватил меч и встал в боевую стойку.

— Это вызов? — усмехнулась ск'йере.

— Он самый, — улыбнулся в ответ Назарин.

Бой начался стремительно. Девушка в мгновение ока оголила клинок, метнулась вперед и нанесла удар, столь быстрый и неожиданный, что прорицатель не сумел сориентироваться даже при помощи своего таланта. Но кхет легко парировал выпад и заплясал в своем привычном боевом танце. Весело бренчали бубенцы на обтянутой кожей рукояти, мелодично гудела сталь клинка. Лайра порхала вокруг немого, как птица. Хананк извивался и ошетикивался сталью, как горгоротский дракон. Несмотря на разные школы, оба были одинаково неподражаемы в умении владеть мечом. Ск'йере громко завизжала и рванулась в атаку. Она была быстра, как ветер, и грациозна, как лань. Назарину даже казалось, что девушка бежит по воздуху, не касаясь земли. Кхет пятился назад и влево. И все это время каждый из соперников наносил, отбивал, парировал, блокировал и снова наносил удары.

Пел клинок Лайры. Звенели бубенцы кендо-накаты Хананка. Смеялась ск'йере. Молчал кхет.

— Как бабочка... — ни на миг не отрывая взгляда от девушки, заворожено прошептал Ридрих.

— Она угодила в сети паука, — хладнокровно заметил Назарин.

— Успокоить бы... — прозвучал задумчивый голос из толпы.

— Без нас разберутся, — ответили ему.

Хананк резко остановился и с вольтом нанес встречный удар. Лайра с трудом увернулась от клинка, сбилась с ритма и кубарем покатила по земле, разом лишившись и грациозности, и воздушности. Кхет ловким прыжком подскочил к поверженной девушке и занес над ее головой меч. Лайра оттолкнулась рукой от земли, будто на крыльях взмыла в

воздух, ускользнув от выпада. Хананк продолжил атаковать, и время защищаться пришло для девушки.

И пела сталь, звенели бубенцы, смеялась ск'йере, молчал кхет.

— Фея, — благоговейно проямлил Ридрих.

— Ведьма, — осадил Назарин, все же понимая, как точно назвал сын старосты Лайру. Именно феей она и была. До тех пор, пока не вмешалась в людские дела и не лишилась бессмертия. Ск'йере — бескрылая фея.

После серии выпадов Хананк дал передышку. Глубоко вздохнул и с шумом выдохнул, выровняв сбившееся дыхание. Отвел руку с мечом в сторону и поднял одну ногу над землей, согнув ее в колене.

— Играешь, аист? — усмехнулась ск'йере и напала.

Хананк ногой отбил нацеленное на него оружие и взмахнул мечом. Девушка поднырнула под клинок, чудом избежав смерти.

Бой на мечах продолжался. Уже казалось: ему не будет конца. Лайра крутилась в пируэтах, делала ложные движения, короткие выпады. Хананк блокировал, парировал, контратаковал с вольтом. И роли противников менялась. Но суть оставалась прежней: силы — равны.

Надсадно пела сталь, звенели веселые бубенцы, смеялась бесподобная ск'йере, молчал запыхавшийся кхет.

Сместив тело в финте, Лайра нанесла удар, прокрутилась в пируэте и ударила снова. Хананк чуть было не напоролся на вражеское оружие, но в последний момент изогнулся — меч ск'йере пронесся у лица, оцарапал ему щеку и срезал краешек мочки. Немой, поймав девушку на противоход, свалил ее ударом колена в живот. Лайра застонала, повалилась наземь, а кхет с молчаливой злостью наступил ей на руку, заставив выбросить меч, и приставил к ее шее острие клинка.

— Не смей! — выкрикнул Ридрих и бросился на выручку.

Назарин молча схватил парня за волосы, опрокинул наземь и с размаху саданул пяткой по лицу, одним ударом сломав ему нос и разбив губы. Ридрих обмяк и на несколько секунд потерял сознание.

— Сын! — Клецвих сжал кулаки, приготовился рвануться на помощь наследнику, но здравый рассудок пересилил, и староста не сдвинулся с места.

— Хватит, смутьяны! — брезгливо выдавил жрец, оголяя меч и ядовитым взглядом обводя толпу. Лагодцы, вдруг вспомнив, что они защитники женщин, собрались вмешаться, но встретившись со взглядом Назарина, быстро поумерили пыл. — Если бы вы читали законы, все бы закончилось мирно. А теперь проваливайтесь! Девушка останется со мной, как положено по «честному праву». А ты, староста, забери своего щенка и дома вразуми его: он только что чуть не лишился жизни. И если бы паладин убил его, защищаясь, то правда была бы на нашей стороне. Убирайтесь! Все!

Лагодцы еще несколько мгновений стояли, глупо глаза на окровавленного Ридриха и поверженную Лайру. Но вскоре начали неспешно расходиться. Староста подбежал к сыну, поднял его с земли и потащил в сторону дома.

— Отпусти отец! — придя в себя, простонал Ридрих. — Ты не должен дать им уйти...

— Молчи, сын, молчи. Идем, пусть паладины сами решают свои дела. Идем. Слушай отца...

Кхет, прижимавший одной рукой раненое ухо, спрятал клинок в ножны и поднял с земли меч пленницы.

— Что ж, милая, — присев на корточки рядом со ск'йере, выговорил Назарин. — Теперь ты меня выслушаешь. А ведь все можно было сделать без лишней крови...

— Кто ты такой? — разъяренной львицей прорычала девушка.

— Друг, Лайра. Не поверишь, но друг. А в скором будущем еще и соратник. Вместе мы остановим «Зло Хельхейма», но прежде разыщем еще одного союзника. Помоги ей встать, Хананк, нам надо спешить.

Кхет схватил девушку за шиворот и одним движением поставил на ноги.

— Друг, говоришь? — оскалила мелкие, нечеловеческие зубы фея. — Друзья приходят иначе.

— Я и пришел иначе, но ты не захотела меня слушать, — пожал плечами Назарин и протянул платок раненому кхету: — Прости за шрам, так было надо. А ты, Лайра, впредь будь аккуратнее. Скоро — ты даже не поверишь, как скоро — вы с Хананком будете отличными друзьями! Идемте же, борцы со злом, у нас впереди немало дел!

Лайра исподлобья покосилась на незнакомца и почему-то поверила ему. Ах, если бы она не потеряла бессмертие, а вместе с ним и многие таланты, то без труда распознала б в Назарине прорицателя. Но и сейчас ск'йере не сомневалась в правдивости его слов, ведь, желай он ей гибели, она б уже была мертва. Но все еще жива. Значит, жрец неопасен. Лайра вдруг подумала, что с Назарином у них общая цель: борьба со «Злом Хельхейма», борьба с некромантами. И в этом она не ошиблась.

Глава 8. Имитация дружбы

Метсаваймы (Metsevame). Так именовали людозверей [ликантропов], которые обращались в медведей, волков или змей и понимали языки животных и растений. Были они духами леса и защищали его от тех, кто нарушал святы [законы]. Приписывали метсаваймам и то, что они преследовали охотников, бросивших раненую добычу, сбивали с пути дровосеков, которые рубили священные деревья [бузина, береза], и наказывали людей, пришедших в лес в воскресенье.

LeoAllatius «De Graecorum hodie quirundam opinionabus»

С севера на запад кочевали тяжелые дождевые тучи. Издырявленным покрывалом они перетянули небосвод, закрыли мириады звезд и одинокую луну, опустили на землю черную тень. В этой тени лес, скинувший с себя зеленые одеяния, превратился в мрачное войско копьеносцев. Кристально чистый ручей, падающий вниз шумным водопадом, во тьме казался льющейся с диким ревом смолой, а отвесный обрыв — крепостной стеной без бойниц с пиками оголенных крон вместо зубцов. Замок, имя которого лес Мертвеца, штурмовали черные призраки. И сражался с ними всего один защитник.

Духи-охотники окружили Сандро со всех сторон, надели сверху, напали прямо из-под земли. Но ведунское кольцо, несмотря на дождь, размывший солевой контур, выдержало. Серное пламя выжгло эфир, поставило магический блок, через который брэги не смогли прорваться. Но кольцу долго не выстоять...

— Альберт! — позвал юноша в сотый и уже в последний раз.

Трисмегист не ответил. Друид куда-то запропастился, сбежал, как крыса с тонущего корабля. Но чародею не нужны помощники, чтобы принять последний бой. Он уже приготовился к смерти, только перед этим еще придет пора убивать.

Нарастающая тревога быстро изгоняла из тела усталость, проясняла мысли. Сандро из последних сил сдерживал злобу и ненависть, которые вырывались наружу, с нетерпением ждал сражения. С жадностью глотая воздух, тихо нашептывал защитные заклинания и атакующие гримуары.

Юный Ди-Дио в ужасе следил за охотниками. Он даже не шевелился и, казалось, не дышал. Но неожиданно встрепенулся, сжал кулаки, тихо сказал: «Я помогу», и шагнул за круг. Магическая плотина рухнула, черная тьма теней обрушилась на имитатора и некроманта.

— Назад! — прорычал Сандро, крепче сжав змеиный крест и окружил себя магическим щитом, который должен был на несколько мгновений сдержать неистовых брэгов. — Назад, сказал! — яростно, как кобра, прошипел чародей, но было уже поздно: духи облепили имитатора со всех сторон.

Брэги быстро разрушили чары колдуна. Минуя защитные сплетения, потянулись к нему своими тонкими, как у усопших, руками. Сандро сжался в комок, будто испугавшись этих рук, разжался, как пружина, и выкрикнул контрольную фразу заклинания:

— *Relucere orbis!*

Вокруг чародея возник кокон, сплетенный из света, разросся и пульсирующей молочно-белой волной отбросил от заклинателя и имитатора призрачные тени. Удивительно, но Дайрес был цел и невредим. Брэги отчаянно завывали и, не дав Сандро опомниться и защитить Ди-Дио, обрушились на добычу с невиданным ожесточением.

Приняв облик белого волка, в которого превращался накануне, имитатор резко шарахнулся в сторону. Тени рванулись за ним, но Дайрес не стал убегать. Бешеным зверем он прыгнул на одного из брэгов. Клацнули клыки, сомкнулись на бестелесной шее, и дух растворился, истаял, умер. Тени отпрянули, почувствовав опасность, а белоснежный волк дико и победоносно завыл.

— Час досуга! — яростно воскликнул Сандро и безумно улыбнулся. Глаза его налились кровью, стали похожи на аметистовые зрачки кобры, горевшие красным огнем в навершии змеиного креста.

— *Sta!* — прорычал Сандро и выставил перед собой посох.

Магическая волна отбросила брэгов назад, но не нанесла вреда. Чародей мог вечно оттягивать час своей гибели, но для того, чтобы выжить, надо было убивать. А ему все никак не удавалось подобрать заклинание, способное развоплотить охотников.

Белый волк бесстрашно носился вокруг некроманта: отгонял брэгов. Но духи то и дело успевали ускользнуть от бдительного защитника и пробиться к Сандро.

— *Sta!* — кричал тогда некромант и ставил защитные блоки. — *Sta!* — отбивался он, но духи быстро оправлялись от магии и вновь нападали.

Имитатор крутился волчком, убивал одного брэга за другим. Но теней было так много, что гибель одного, двух или даже десятка не изменяла общей картины. Заметив, что Дайрес выдыхается, устает, Сандро собрал обрывки всех заклинаний по развоплощению духов, которые знал, и, понадеявшись на удачу, нараспев прочитал:

— *Ego noctem flammis vincere!*

Заклинание не дало никакого эффекта.

— *Sta, Umbra! Sta!* — в отчаянии провоцил некромант.

Тени мелькали слишком часто. Бесконечно отбиваясь, Сандро никак не мог сосредоточиться на построении атакующих гримуаров, создавал лишь бесполезные щиты. Дайрес метался из стороны в сторону, прыгал, клацал зубами, но, сомкнув челюсть на шее очередного духа, упал наземь и уже не нашел в себе сил, чтоб подняться. Лежал, тяжело дыша, и в мыслях проклинал себя за бессилие.

Отвлечшись на очередную тень, чародей не заметил другую, зашедшую со спины, и третью — вынырнувшую из-под земли. Брэги проникли в его тело. Начали быстро отсекал из полумертвой сущности все живое. Сандро ощутил нечеловеческий холод и беспредельный страх. Судьба, ожидающая его после смерти, приводила в ужас: он превратится в полноценного лича с холодным, ожесточенным сознанием, которое позволит ему управлять легионами нежити, но лишит тело души, а сердце — тепла.

— *Caedere, Umbra... Caedere...* — взмолился чародей и при последнем издыхании закончил проклятье: — *In saecula...*

Он закрыл глаза и уже не услышал ни волчьего воя, ни дикого женского хохота, ни проклятий взволнованного Трисмегиста. Не заметил, как вспыхнула прогоревшая сера и восстановила разрушенный сгил. Не увидел и того, как из леса вынырнул белый волк, а следом за ним — женщина с кожей неестественного зеленовато-серого цвета.

Безумно хохоча, она взмахнула веткой бузины, которую сжимала в руках. Капли росы разлетелись вокруг, разрушили тьму серебряным блеском. Зачарованная вода освещала ночь и поражала охотников лучше стрел.

— Эрун, спаси его! — взмолился Трисмегист, взглянув на перекошенное в гримасе

боли лицо ученика.

— Так тому и быть. Ты прощен, Великий Трижды! — мысленно сказал волк и громогласно завыл.

Лес, уснувший после гибели дриад и фейри, на миг пробудился ото сна и весь свой многовековой гнев направил на незваных гостей — на брэгов. Ветви деревьев зашевелились, захлестали посланных Сиквойей охотников. Поднялся ветер, закружил в небе опавшую листву. Воздух пропитался магией жизни, смертельно опасной для неупокоенных душ. Дайрес улыбнулся, предчувствуя победу, и от усталости закрыл глаза. Он больше ничего не видел, но слышал...

Выл волк. Хохотала безумная. Стонали брэги. Шумел лес. Свистал ветер. Бился звонкий ручей.

И тихо сопел спящий некромант.

* * *

Очнулся Сандро на рассвете, когда солнце уже начало медленно белить небосвод, но еще не выползло из-за скал, скрывавших горизонт. Некромант привстал и осмотрелся. Рядом сидел имитатор, старательно массировал перенапряженные мышцы и о чем-то тихо перешептывался с Трисмегистом.

— Не сейчас, Дайрес, — говорил друид.

— Но ты уже начал меня обучать вчера, почему отказываешься теперь?

— Сейчас не время, да и Сандро уже проснулся.

— О! — взглянув на некроманта, радостно воскликнул Дайрес. — Как самочувствие?

— Бывало и лучше, — заспано пробурчал некромант. — Сколько я пролежал без сознания?

— Минут пять, — задумался Ди-Дио, — а потом еще часа полтора храпел.

— Отлично! — развел руками Сандро. — Столько времени впустую. Неужели не могли разбудить?

— Чтобы ты свалился от усталости через пару шагов? — вопросом ответил Трисмегист. — Восстановил силы, теперь отправимся в путь.

— Что за бес! — выругался некромант, схватил посох и вскочил на ноги. Быстро, даже не успев задуматься, сплел защитное поле и подготовил несколько атакующих заклинаний.

Из леса медленно вышел белый, как первый снег, волк и уверенно двинулся к Сандро. Хищник неотрывно смотрел на некроманта угольно-черными зрачками, и взгляд его был, как показалось чародею, не только разумным, человеческим, но и мудрым. Белоснежная шерсть его лоснилась, будто была перемазана жиром. Приглядевшись, Сандро заметил на ней кровавые капли, которые в предрассветных сумерках сверкали серебром, будто кровь была белой, а не багряно-красной. Волк мотнул головой, позвав за собой. Чародей дернулся, чуть не последовав немоу приказу, но не вышел за выжженный серой круг. Зверь подошел ближе, вплотную к магической черте, и улегся у солевого контура, словно сторожевой пес.

— Уходи! — потребовал Сандро, но лунный хищник не выполнил приказ, вместо этого еще раз повел мордой, предложив некроманту покинуть круг. Юноша шагнул вперед, но остановился, поняв, наконец, что с ним происходит.

— Ловко! — чародей взмахнул посохом перед лицом, отсекая чужое влияние, прошептал заклинание и ударил змеиным крестом о землю, блокируя другие попытки проникнуть в свое сознание. — А теперь проваливай!..

— Твой ученик неплох, Великий Трижды, — сказал волк, но Сандро не услышал его слов: не знал языка зверей. — Умения его завидны, но друидские знания — скудны. Он совсем не ведает природных Сил.

— Он молод, — мысленно ответил Трисмегист, но слова его не прошли мимо сознания некроманта, с которым дух был связан магией филакретии.

— О чем ты, Альберт? Ты разговариваешь с ним, с волком, который пытался меня

магнетизировать?

— Не суди строго. Эрун проник в твоё сознание, чтобы оценить магические способности. Он ими весьма доволен.

— Не он один! — усмехнулась вышедшая из-за кустов бузины дряхлая женщина.

Была она до тошноты безобразной. Зеленовато-серая, будто кора граба, старческая кожа была сморщенной, как сушеный чернослив. Нечеловеческие ярко-желтые волосы с проседью походили на пшеницу перед жатвой. И только эти тонкие, редкие волосы прикрывали полную наготу уродливой женщины.

— Какой симпатичный мальчишка! — воскликнула она и, не обратив никакого внимания на защитный круг, подошла к Сандро вплотную, похлопала по плечам, потрепала за волосы. — Прелестный некромантик!

— Спасибо, — Сандро отступил на шаг и брезгливо скривился, отметив, что по сравнению с ней даже его можно назвать «прелестным», хотя в своей красоте он сильно сомневался. — Премного вам благодарен, но в дальнейшей помощи не нуждаюсь. Можете идти.

— Трусика! — улыбнулась, показав прогнившие зубы, дриада. — Хорошо, мы уходим.

— Госпожа Хильда Моер! — вмешался Дайрес. — Не могли бы вы дать нам еды в дорогу? Мы спешим с неотложной миссией, и у нас нет времени, чтобы добывать себе пищу.

— Какой воспитанный мальчик! — добродушно отозвалась Хильда Моер и, посмотрев на Сандро, нахмурилась: — Не то что этот невежда. Хорошо! Я соберу вам припасов. И не только их, но и теплых шкур. Оделись вы, братцы, как на летнюю прогулку...

— Благодарю, госпожа, — низко поклонился имитатор.

Женщина резко развернулась и, резво подпрыгивая, побежала в чащу. Следом за ней как верный спутник последовал белый волк.

— Невменяемая, — сплюнул некромант.

— Ты что! Это же Хильда Моер, Мать-бузина! — многозначительно подняв палец к светлеющему небу, провозгласил Дайрес. — Одна из хранителей леса.

— Рад твоим всесторонним знаниям... — Сандро подошел к обрыву, посмотрел вниз и тяжело вздохнул. — Может, ты еще знаешь, как нам спуститься?

— Знаю! Я превращусь в птицу и спущу тебя.

— Хм, великолепная идея... — Сандро задумался и от новой мысли настроение у него заметно улучшилось: — Может, ты сразу отвезешь меня к Фомору? Это решит все наши проблемы!

— Конечно, отвезу! Только есть одна проблема: я ни разу не видел птиц, а имитировать могу только тех, кто сохранился в моей памяти.

— Не видел птиц?

— Я жил в пещере, — пожал плечами имитатор. — Там они не водятся.

— Хорошо, что ты пошел со мной, — заметил Сандро. — Быть добровольным узником ничем не лучше, чем рабом.

— Быть может, и не хорошо, что он отправился с нами... — прозвучал в голове некроманта голос Трисмегиста, но вслух Альберт сказал другое:

— В твоей книге, Сандро, есть рисунок феникса.

— Да, вот только поджариться мне и не хватало. Но мысль дельная. На двести сороковой странице есть орел... — с этими словами Сандро достал из сумки книгу и, листая ее, мысленно продолжил разговор с духом: — Что это значит, Альберт?

— У меня появились подозрения, но о них не сейчас.

— Опять умолкнешь на полуслове?

Сандро протянул Дайресу книгу.

— Это и есть орел. Сможешь в него превратиться? Только покрупнее, чтоб я поместился.

— Сделаем! — пообещал Дайрес и тут же симитировал орла, взмахнул огромными

крыльями и поднялся над землей.

— Рассказывай о своих подозрениях. И не надо переносить разговор «на потом», от этой твоей привычки я уже устал.

— Как скажешь, — легко согласился друид. — Буду краток. Я хотел научить Дайреса имитировать не только внешность, но и внутреннюю энергетику. Но он уже обладает этим умением, а оно — высшее посвящение для шамана Ди-Дио. Подобная степень познания не может возникнуть сама по себе. Это — плод долголетнего поиска, тренировок, медитаций.

— И как же ты хотел его обучить без долголетнего поиска?

— Также как и тебя: вливанием в сознание. Вот только он сумел закрыться от меня, что лишний раз доказывает его силу.

— Альберт, в чем ты хочешь меня убедить?

— Превратившись в хранителя леса, он смог убивать брэгов. Это вызвало опасения даже у Эруна. Тебе стоит быть аккуратнее с Дайресом...

Трисмегист был взволнован, но Сандро не разделял тревог наставника.

— Ты хочешь сказать, что Дайрес мой враг? Это невозможно, Альберт. Если бы он хотел меня убить, то просто не стал бы спасать. И хватит об этом.

— Я не хочу тебя ни в чем убеждать, просто прошу быть более осторожным.

— Хорошо, буду...

Крупный орел спикировал к земле и сел у ног некроманта.

— Я готов! — приняв человеческий облик, бодро провозгласил Дайрес.

— Вот и отлично. Дождемся Хильду и в путь!

Дриада не заставила себя ждать. Вскоре явилась, дала плетенную из веток корзину, доверху наполненную ягодами, грибами, кореньями и другими лакомствами, которых при всем желании не найти в преддверье зимы.

Отблагодарив и распрощавшись с лесной нечистью, Сандро переложил припасы в более удобный мешок, закинул его за спину и сел на орла. Имитатор поднялся над землей, пролетел несколько метров, завис над пропастью и, не выдержав тяжести, рухнул с обрыва. Некромант крепче прижался к птице, которая, судорожно махая крыльями, напрасно пыталась удержаться в воздухе.

— Лети ровнее! — прокричал Сандро.

— Я стараюсь... стараюсь! — прозвучал голос в его сознании.

Некромант сейчас был слишком взволнован, перепуган, чтобы обратить внимание на умение Дайреса вести ментальные беседы. Он помнил, как недавно падал со скалы, помнил, как насаживался на пики крон, и не хотел, чтобы история повторилась. Но Дайресу ноша была слишком тяжела, и валуны, покрывавшие землю у подножья скалы, с каждым мигom становились все ближе. В последний момент, выгнав из головы панические мысли, Сандро замедлил падение. Но малоприятного удара избежать не удалось.

— Веселое приземление... — скрипя зубами, прошипел юноша и наскоро осмотрел свои ушибы магическим зрением. Ничего опасного он не нашел: заклинание сработало, а имитатор, который при падении оказался внизу, собой смягчил удар. Вот самому Дайресу пришлось не так легко.

Не желая этого, Ди-Дио изменил свой облик на изначальный, и некромант впервые увидел его в двуликом образе. Выглядел так же, как и бюсты в восьмигранной комнате: одно лицо — молодое, второе — старческое. Густые черные волосы, окаймленные легкой сединой, так закрыли морщинистую кожу, что Сандро не смог его как следует разглядеть. А после и вовсе отдернул себя и перестал рассматривать лица, заметив, что правый бок имитатора сильно разодран и из рваных порезов сочится кровь. Некромант попробовал колдовством остановить ее, но магия не действовала на имитатора — рану пришлось обрабатывать при помощи обычной воды и тряпок.

— Не стоит, — стоически терпя боль и стараясь показать, что промывание и перевязка ему не нужны, говорил Дайрес. — У меня регенерация быстрая. Через сутки буду, как новенький...

— Регенерация, — презрительно выдавил Сандро, продолжая делать свое дело, и с каким-то диким остервенением улыбнулся. Он невольно вспомнил те дни, когда принимал эликсир «недоросли». Из-за чрезвычайно замедленного метаболизма, кровь тогда не сворачивалась, и все мельчайшие порезы приходилось заживлять магией. Это были ужасные дни. Вспоминая об эликсире, Сандро тут же ощущал холод, мертвенный холод, когда кровь из последних сил циркулирует в жилах. — У нас нет этих суток. Лежи спокойно.

— Тогда подожди немного. Я перевоплещусь в волка. Иначе замерзну, — Дайрес смущенно улыбнулся: приняв изначальный вид, он оказался абсолютно голым.

Сандро отвернулся, разорвал подол своего плаща и пустил его на тряпки. Вновь взглянул на имитатора, который к этому времени уже превратился в волка, и закончил перевязку.

— Идти сможешь? — уточнил он и, посмотрев вверх, на скалу, решил, что Сиквойя не станет рисковать и поведет армию в обход.

Дайрес не ответил — в волчьем образе он был лишен дара речи. Встал и, слегка приволакивая правые лапы, поплелся в сторону Черных Кряжей. Сандро поравнялся с имитатором и взглянул на мрачные снеговые тучи, которые, быстро подползая, непроницаемым покрывалом затягивали небо. Вдруг подумал, что скоро погода испортится, придет хельхеймская зима. Дорога станет до невыносимости сложной.

— Главное — не опоздать, — неслышно прошептал некромант.

Лес Мертвеца остался позади. Впереди ждали Черные Кряжи — громадные скалы, заснеженные вершины которых уходили в поднебесье. Крохотными букашками выглядели по сравнению с ними путник и волк. Но цели двух друзей — или врагов? — были так же велики, как и пики каменных исполинов.

* * *

В небе, в гуще антрацитовых туч, уже готовых прорваться первым зимним снегом, парили два орла. Они кричали друг другу, часто сближались, словно желая обняться на лету, отдалялись и повторяли свой клич.

Под ними проплывали реки, незасеянные поля, заброшенные деревни, безлюдные, опустевшие гарнизоны. Над крепостями гордые птицы задерживались и долго кружили над ними, будто выискивая признаки чьего-либо существования. Но, не добившись успеха, отправлялись дальше на запад.

Вдали тянулась мощеная дорога, уже утратившая половину камней и ставшая непригодной для путешествий. Еще дальше, у самого горизонта, вырастали непроходимые горы — Черные Кряжи. И вновь мелькали деревни и крепости — все без признаков жизни. Но вскоре два орла, покружив над одним из гарнизонов, заметили на крепостных стенах ровную шеренгу скелетов с луками в костяных руках. Обменявшись криками, птицы поспешили дальше на запад. На пути им еще попались две крепости, защищенные неупокоенными. Пролетев несколько лиг, орлы увидели огромное войско мертвых.

В первых рядах его брели скелеты, закованные в стальную броню, с тяжелыми фламбергами в каждой руке. Красный огонь пылал в пустых глазницах — Кровавый лорд повелевал ими. За скелетами шли, вяло переставляя ноги, зомби. В руках они держали зеркальные щиты, блокирующие волшбу, и обоюдоострые сабли, способные и рубить, и сечь, и колоть. В бледных зрачках их горело красное пламя — Кровавый лорд вел этих зомби в бой. Далее следовали безоружные драугры: полумагам не нужны мечи и доспехи, никогда, ни при каких условиях они не подпустят к себе врага. Красными пятнами была испачкана грудь каждого из драугров — они рабы Кровавого лорда. Оборотни, сквары, упыри и вурдалаки — все были помечены красным знаком, ибо покорны они ему — Арганусу Д'Эвизвилю.

Его армии не было числа. Двум орлам пришлось долго кружить над войском, выискивая полководца. Разыскав, птицы бросились вниз, словно желая напасть на него, но у

самой земли замедлили скорость. Приземлившись у ног жеребца, на котором восседал Арганус, они изменили свои облики, словно под действием чар: превратились в мужчину и женщину. И были они с двумя лицами вместо одного.

— Говори, Диомед, — велел Арганус, посмотрев на своего раба властным взглядом, и шаман Ди-Дио в точности поведал о том, что увидел и кого повстречал, а Дайра дополнила рассказ мужа.

Глава 9. Вампирские беседы

Из-за гонений Церковь зарождалась скрытно, в малочисленных братствах, в которых втайне от властей устно передавались заповеди и читались молитвы. Нельзя не обратить внимания, что из-за плохой связи между братствами и отсутствия общепринятых текстов, заповеди, каноны и молитвы искажались. Доказывая правдивость каждого из течений, эстерцы враждовали в первую очередь друг с другом. Часто дело доходило до убийств и погромов. Было так до 397 года эпохи Луны. Именно тогда король Троегория Филистиан снял запрет на «отступническую» веру и, руководствуясь собственными замыслами, навязал эстерцам выгодные ему каноны, закрепив их в книге Эреба. В результате этого Филистиан сделал Церковь оплотом королевской власти.

...Датой отделения Церкви от Короны принято считать 913 год эпохи Луны, когда в Малый мир пришла чума и люди, объединив все силы, пошли против воли Бессмертных. В самой Валлии отмежевание Церкви от трона произошло многим позже...

Эргос Дир Валэр «Зарождение единоверия в Валлии и за ее пределами»

Над городом распростер свои черные вороньи крылья бог Тьмы и, сощурившись, единственным оком взглянул на изуродованные трупами улицы Вестфалена, на которых, как муравьи, суетились священники. С факелами в руках, в серых рясах, с длинноклювыми масками на лицах они напоминали стервятников, прибывших из потустороннего мира, чтобы полакомиться человеческими телами. Их угрюмые процессии ходили от одного дома к другому, вламывались в чужие жилища. Кого находили нетронутым чумой — отпускали. Остальных — живых или мертвых — вытягивали на улицу, кололи мечами, если в том была необходимость, грузили на телеги и везли на главную площадь.

По Вестфалену заколесили вереницы чумных повозок. Скрипя осями, они мерно двигались на агору, на которой уже не осталось ни торговых палаток, ни лотков. Всю необъятную для взгляда эспланату охватило пламя, в котором полыхали, испуская едкий, тошнотный смрад, трупы. Золотари кормили огонь добытыми в зараженных домах утварью, деревом, тканями; подпитывали смолой и, плюя на законы и запреты некромантов, — людьми. Смерть блуждала вокруг и, словно верные спутники ее — священники. Святые братья благодарили Чуму за своё божественное возвышение и жгли в ее честь Великий костер. Никто в эту ночь не ушел от карающей длани Эстера — все маловеры, отравленные болезнью, отправились в огонь. Но сильнейшего в столице мага, герцога Веридия Мартес Ливуазье, понапрасну не беспокоили, и в его усадьбе и знать не знали о том, что творится на улицах города.

В комнате царил уютный полумрак. Хаотично танцевали огоньки свечей, мягко потрескивали в камине дрова. Рядом с камином стояли два широких массивных кресла с резными ручками из красного дерева в виде горгоротского морского дракона. Одно из них пустовало, в другом сидел Батури и, ожидая герцога, заморожено наблюдал за игрой пламени. Время текло незаметно. Вампиру даже показалось, что он всего мгновением раньше заглянул в кабинет старого друга, а уже в следующий миг вошел Веридий, принеся с собой бутылку красного вина и два бокала из горного хрусталя.

— Держи, — Веридий вручил один бокал Клавдию, зубами откупорил бутылку, выплюнул пробку в камин, разлил вино и уселся в кресло.

— Хорошо у тебя, уютно, — похвалил Батури, нехотя отрываясь от созерцания пламени.

— Это все Марта, — отмахнулся Веридий. — Не сидится ей на месте, хочется, чтобы все было по-домашнему, как у людей...

— Но ты не человек.

— Она-то об этом не знает. — Веридий беззаботно откинулся на спинку кресла и медленно, смакуя каждый глоток, отпил вина.

— Значит, ты ей не сказал.

— Да ты что?! Если она узнает, то съест меня замертво и не подавится. Ты не думай, это она при гостях такая скромная и стеснительная. Зато какая горячая в постели, ты бы знал!

— Поверю на слово, — улыбнулся Батури. — Но она все же должна знать, с кем делит ложе.

— Клавдий, не будь занудой! — укоризненно взглянул на друга Веридий. — Меньше знаешь — крепче спишь...

— Дело твое. Я вот, что заметил: у Марты молочная грудь. Она ждала ребенка? От тебя?

Лицо герцога исказилось: добродушная улыбка исчезла, сменившись каменной, угрюмой маской. Вампир долго молчал, подбирая слова, и заговорил неприятным, чужим голосом:

— От меня. Да. От меня. Но... — Веридий умолк на полуслове и погрузился в раздумья.

Весело в камине плясало пламя, потрескивали дрова. Медленно нагревалось в бокалах вино. У камина было все так же тепло, но уже не уютно. Атмосфера в комнате сделалась давящей. Клавдий даже пожалел, что начал этот разговор, но он должен был знать: сможет ли Марта кормить ребенка грудью? От этого зависела судьба младенца.

— Лис, я три века назад достиг голконды, — встреपёнувшись, будто пробудившись ото сна, запальчиво заговорил Веридий. — И за все три века ни одна женщина так и не смогла родить мне ребенка. Очень сложно, знаешь... Невероятно сложно найти ту, которая выносит плод вампира. Я завидую твоему отцу. Ему несказанно повезло: Луиза родила с первого раза. Жаль, что ты не знал своей матери. Это была изумительная женщина...

— Не будем о ней, — обрубил Батури. — Я давно смирился с потерей, но не хочу об этом говорить.

— Как скажешь, — кивнул Ливуазье и продолжил рассказ: — У Марты уже третий выкидыш. Боюсь, следующего она не переживет.

— Найди другую, — пожал плечами Батури.

— Не будь циником! — Веридия передернуло от одной только мысли, что в его доме появится иная хозяйка. — Женщина — это не только детородный организм. У Марты... — Марта особый случай — у нее есть настоящая душа, чистая и гармоничная. Никогда не встречал таких!..

— Ты что, влюблен? — удивился Батури, который за долгую жизнь познал многих женщин, еще больших повидал и пришел к выводу, что любви нет, а буря эмоций, которую нередко называют этим именем, приходит только к молодым и глупым.

— Да, — твердо заявил Веридий.

— Любовь — снотворное для ума! Чем сильнее ты любишь, тем крепче сон разума.

— Брось, Клавдий, ты не прав. Любовь — это пища для души. Ни один из нас не достигнет голконды, пока не поймет, что жажда мучает бездушных, а душа приходит лишь с любовью.

— Что ж, тогда к фоморам голконду! Я буду и дальше пить кровь, чтобы не стать бездумным.

— Многие люди тоже так думают, — улыбнулся Веридий. — И пьют кровь суженых, вместо того, чтоб любить их.

— Не сравнивай меня с кормом! Куница, людское общество на тебя плохо влияет...

— Скорее наоборот! Оно помогает мне не чувствовать себя пятисотлетним старцем, убийцей и развратником. Я умираю с теми людьми, с которыми жил бок о бок, а позже — перерождаюсь. — Веридий одним глотком осушил бокал и тут же наполнил снова. — К сожалению, а может и к счастью, человеческая жизнь коротка. Мне довелось пережить многих друзей и врагов, любовниц и охотников на вампиров. Моя жизнь полна красок, Клавдий. Люди наполняют ее цветом. А что есть у тебя? Вечные и безуспешные попытки вернуть Малому ордену былую славу? Сколько времени ты искал путь, чтобы воскресить Каэля? Что случилось, когда ты этот путь нашел? Высокие цели — глупость. Надо жить сегодняшним днем, как люди. Это позволяет ощутить прелесть жизни.

— Я склонен считать иначе. Цель, глобальная и с первого взгляда недостижимая... цель придает жизни смысл. Что толку жить только ради того, чтобы жить?

— А мне нравится бессмысленная, беззаботная жизнь! — довольно потянулся Веридий, чуть не расплескав содержимое бокала, и осушил его одним глотком, чтобы не пролить ни капли. — Веришь, Лис, я люблю людей, мне нравится находиться среди них. Они меня ценят, уважают. В Вестфалене так и вовсе считают Великим магом. Магом с большой буквы! Мне это льстит. Я даже занимаю должность в магистрате, правда, редко там появляюсь...

— Люди умрут...

— Но память останется.

— Пусть так, — отмахнулся Батури, поднес к губам бокал вина, принялся, оценил букет, но пить не стал. — Не хочу с тобой спорить.

— Откуда у тебя ребенок, Батури? — спросил вдруг Веридий, и в его голосе прозвучала крупная зависти. — Кто он тебе?

— Сын, — не раздумывая, солгал вампир. — Сын, о котором я мечтал не меньше, чем ты.

— Ты достиг голконды?

— Нет, — с грустью ответил Батури.

Он даже не мог понять, почему в доме Ливуазье радость всегда сменяется горечью. Не знал, почему разговоры с Веридием всегда уносят их в те края, где живет боль. Возможно, потому, что в усадьбе старого герцога все напоминало о прошлом, а сам Веридий был тем, кто знал Клавдия с пеленок. Минувшее неизменно вызывало усталость, тянуло мертвым грузом в груди, где у живых есть сердце, но у нежити нет ничего.

— Нет... — минуту спустя повторил Батури. — Он не крови Савильенов, но я это исправлю...

— Темные боги! Лис, что ты удумал? — воскликнул Веридий, вылил остатки вина в бокал, осушил его одним большим глотком. Покрутил в руке бутылку и выбросил в камин. Тут же спохватился: — Марта будет недовольна, когда найдет в пепле стекло. Не понимает она моей расточительности. Но я плавлю стекло сам, когда заняться нечем. У меня, прошу заметить, неплохая лаборатория в погребе! Кстати, о погребе, схожу-ка я туда за вином.

— Сходи, — обронил Батури, когда Ливуазье уже встал и направился к двери.

Начало разговора не удалось, быть может, вторая попытка будет более удачной, а беседа — более непринужденной.

— Не скучай без меня, — улыбнулся, оголив клыки, Веридий.

— Обещаю, — отмахнулся Батури и поставил бокал у ног: пить не хотелось, мучила другая жажда...

* * *

После ужина Энин вернулась в отведенную ей комнату. Прошлась вдоль множества шкафов, которые, как грозные стражи, выстроились у стены. Осмотрелась и с грустью

заметила, что в ее обители нет ни одного окна. Значит, света будет недостаточно, чтобы погрузиться в алхимические тексты и изыскания. Треклятые вампиры! Их инстинктивный страх перед солнечными лучами вызывал в колдунье презрение и непонятное недовольство.

Энин прошла дальше, провела рукой по столешнице будуара, на которой не нашлось ни пылинок. Отметила для себя, что хозяйка дома отличается педантизмом и любовью к чистоте. И сейчас, после долгих и изнурительных странствий, грязных дорог и пещер, это очень понравилось молодой колдунье. Надолго она задержалась у книжных стеллажей, которые заняли всю стену. Интересы у хозяина усадьбы оказались самыми разнообразными — девушка не рискнула б остаться с ним наедине. Рядом с «Уроками любви» Ричарда Кэлли она обнаружила «Эликсир бессмертия» Трисмегиста, энциклопедия Льва Алацци соседствовала с книгой «Флегияция и сто законов разврата» Арвелла Скромного, а трактат «О реинкарнации или куда уходят души не-мертвых?» — с детской книгой «Принцесса Перламутрового Королевства». Особое внимание девушки заслужили «Алхимическая свода» Альберта Великого и «Заметки практикующего алхимика» Николаса Фланеля.

Несмотря на то, что эликсира, тормозящего развитие чумы, оставалось еще немало, Энин решила пополнить его запасы уже сейчас, опасаясь, что в будущем для этого не найдется времени. В своем письме Сандро начертал не только слова, которые пронзили сердце колдуньи насквозь, но и рецепт эликсира «недоросли». Жаль только, не указал точных пропорций, не вымерял, как положено, унциями травы, необходимые для преобразований, а саму формулу зашифровал так, что разгадать ее сумел бы далеко не каждый. Эти алхимики... они сделали все мыслимое и немыслимое, чтобы их Делания казались как можно более запутанными. И все же Энин твердо верила, что распутает витиеватый рецепт Сандро. Ее даже не пугал тот факт, что она еще ни разу не практиковала алхимию. Ей не составит труда по пособиям обучиться элементарным обращениям: с того момента, как она начала принимать подаренный некромантом эликсир, ее память окрепла, а организм перестал нуждаться во сне и пище. Кроме того Энин начала чувствовать в себе немалую магическую силу, которая раньше будто спала, а сейчас — проснулась.

Колдунья взяла с полки первую книгу, которую решила изучить этой ночью, открыла на первой странице, но вчитаться не успела. В комнату бесшумно зашла Марта и остановилась в дверях, боясь промолвить и слово. Энин было отчаянно жаль эту крохотную куколку, которая угодила в лапы столь развратного и похотливого хозяина.

Девушка молча подошла к кровати, расстелила ложе, взбила подушки, извлекла из гардеробной длинную, до самих колен, ночную сорочку. Вернулась к двери, взяла кадушку с водой и приблизилась к Энин. Колдунья отшатнулась, ей невольно стало не по себе. Служанка вела себя, как призрак, движения ее были отточены и механичны, словно она и не человек вовсе. Энин содрогнулась от собственных мыслей. Не человек. Что если Марта, как и Веридий, была вампиром? Но опасения оказались лишними. Взглянув на ауру служанки, колдунья легко убедилась, что девушка жива.

За всем этим Энин не заметила, как Марта стянула с нее разодранное, перепачканное платье. Очнулась лишь тогда, когда служанка провела по ее нагому телу влажной мочалкой, пытаясь оттереть застаревшую дорожную пыль. Энин вздрогнула, припоминая давние, уже успевшие забыться извращенные утехы. Ей на миг показалось, что древний лич застыл в дверях и наблюдает, ожидая, когда начнется главное действие.

— Прекрати! — встрепенулась Энин и оттолкнула от себя служанку. — Оставь меня! Уйди!

Марта, испугавшись, метнулась к двери.

— Постой! — остановила ее Энин, быстро напяливая на себя длинную ночную рубашу. — Прости, я не хотела тебя испугать. Просто... дело в том... к сестре с этим тоже не подходи, — колдунья пнула кадушку с водой и улыбнулась. — Память иногда пугает.

Марта застыла в дверях и не шевелилась. Энин подошла к девушке, взяла ее за руку, провела в комнату и усадила на край кровати.

— Марта, у нас с тобой очень похожие судьбы. Раньше я жила в замке некроманта,

лича. Он заставлял нас сестрой у него на глазах любить друг друга, плотики...

Марта была напряжена, как натянутая струна. Она чувствовала себя неловко, не хотела слушать откровения незнакомки, но не могла себе позволить уйти, боялась, что ее не так поймут. Если бы Симиона осчастливила ее даром речи, Марта бы высказалась, объяснилась, но с рождения была нема, как рыба. И сейчас сидела без движения и нехотя выслушивала излияния гостыи.

— Это были ужасные дни, Марта. Я не чувствовала ничего, кроме злобы и жажды мести. Я с радостью приняла новость о том, что обладаю магическим талантом. С неудержимым рвением стала обучаться колдовству, втайне мечтая, что выучусь и поквитаюсь с некромантом. Но мне пришлось убежать раньше намеченного срока... Впрочем, я не жалею. А ты? Ты, Марта, не хочешь убежать из этой усадьбы? Или боишься, что вампир не даст тебе уйти? Да-а, у кровососов отличное чутье. Не завидую тебе, Марта. Я помню, как жила у некроманта. Думаю, жизнь с вампиром не слаще. Он хоть не пристает к тебе? Не распускает руки? Молчишь? Значит, все-таки было... — понизила голос Энин, понимая, что словами может ранить застенчивую молчунью. Колдунья обняла девушку, прижала к себе. Марта задрожала, то ли от гнева, то ли от испуга, и секунду спустя разрыдалась, так болезненно и горестно, что казалось: она оплакивает сотни смертей или переживает близкую утрату. — Поплачь, милая, поплачь. И тебе станет легче, — утешала Энин и нежно поглаживала волосы служанки, отчего та рыдала еще горше.

* * *

Веридий вернулся, держа в руках новую бутылку вина, и был он до неприличия весел. Сперва Клавдий подумал, что герцог изрядно перебрал, но позже убедился, что причина неудержимого веселья заключалась в другом.

— Заглянул в комнату беловолосой, хотел понянчить ребенка. Понянчил и... знаешь, что, Лис? — спросил, не скрывая саркастической ухмылки Веридий. — Твой ненаглядный сын на удивление оказался девочкой! — сказал он и зашелся диким хохотом. Отсмеявшись, посмотрел на посуровевшего Батури и продолжил донимать его расспросами: — Друг мой, и как ты мог так ошибиться? Ты хоть раз принимал участие в пеленании?

— Не задавался этим вопросом, — с недовольством пробурчал Клавдий. — Скажи лучше, как он? То есть, она. В смысле, как ребенок? — Батури пришлось выслушать новый поток неудержимого смеха в исполнении Веридия, и пока слушал его, сам невольно заулыбался. — Да, — оттаяв, усмехнулся Батури, — погорел на сущей мелочи. Так что с девочкой?

— Спит, — с трудом хватая воздух, ответил Веридий. — Марта ее накормила, перепеленала и уложила спать. Благо колыбелью мы уже обзавелись, надеясь на первенца. Что ж, незадача вышла: не родился, — вампир погрузился, но отбросил печальные мысли и продолжил привычно веселым тоном: — Теперь твоя беловолосая над малышкой сидит, караулит ее сон. Знаешь, так отрадно за ними наблюдать, даже передать не могу. Это увидеть надо. Но ты им не мешай. Пусть ребеночек отоспится. Заморили вы ее и дорогой, и голодом. Чем ты говоришь кормил дитя?

— Кровью, — уронил Батури, и улыбка вмиг слетела с его лица.

— Хочешь воспитать Высшую? А тебе не кажется, что это по меньшей мере жестоко?

— А убивать не жестоко? Или ты у нас чистенький и не знаешь, что такое убийство?

— Да нет же, дело не в этом. Знаю, конечно. Мне доводилось убивать, и ради пищи, и ради развлечения. Я мучил, пытал, насиловал. Для вампира дело житейское. Но сейчас суть не в том. Жестоко не оставлять девочке выбора...

— Отец не оставлял мне выбора, когда делал Высшим.

— И где теперь твой отец? Если мне не изменяет память, он умер от руки сына.

— Это так, но у меня не было и нет причин ненавидеть отца. А умер он по нелепой случайности.

— Что ж, ребенок твой и дело твое. Растить ее, кем хочешь: хоть человеком, хоть Высшим вампиром, хоть духом лесным! Повторяю: дело твое. Но я бы на твоём месте...

— Ты не на моём месте! На этом и покончим.

— Как скажешь. Выпей бенедиктина, он успокоит нервы.

Клавдий не последовал совету. Все сидел, держа бокал в руке, и молча смотрел на пляшущий в камине огонь.

— Не идет что-то беседа, а ведь столько всего хотелось рассказать... — заметил Веридий и пригубил вина. — Чем ты занимался все это время? Я не видел тебя...

— Пятьдесят лет, — припомнил Клавдий.

— Да-а... — протянул Веридий. — Для человека это так много, а для нас — сущая мелочь.

— И промелькнули они молниеносно, ничего в моей памяти не оставив.

— А у меня была другая любовница. Теперь ее нет, вернее есть, но в образе скелета она мне нравится куда меньше, чем раньше.

— Ты не уберёг ее от некромантов? Уж одну душу ты мог бы...

— Не мог, — отмахнулся Ливуазье. — Давай не будем о грустном. И без того на сердце кошки скребутся.

— Не будем, — согласился Батури, припоминая, куда занесла их беседа в прошлый раз. — Ты мне лучше скажи: что за новая магия появилась у эстерцев, и с чего бы их орден стал столь популярен?

— А, видел проповедь на агоре? Да, сейчас Церковь набрала невообразимое множество поклонников. Священники ловко обыграли чуму, назвали ее гневом Эстеровым — божественной карой для грешников.

— Но если обратиться в веру, то зараза тебя не достанет, так?

— Именно.

— А что если чумой заболеет эстерец? Не подтверждает ли это обман?

— Подтверждает, конечно, но церковники всегда могут сказать, что заболевший лжестрастно обратился к Божеству, а на самом деле остался верен своим принципам, за что и был наказан. И, как не удивительно, от этого вера только крепнет. Ты знаешь, — Веридий зачем-то понизил голос, словно боялся, что у стен его родного дома есть уши, — мне кажется, что у Вестфалена больше бед от эстерцев, чем от «черной смерти». Чума рано или поздно закончится, а церковники останутся и будут дальше гипнотизировать людей своими проповедями и борьбой с грехами. Тебе же известно: людское общество создано из сплошных грехов — в этом его суть. Но ведь грехи в головах людей, не больше и не меньше. Сейчас в ходу Эстер и его заповеди, до него верили в конклав Трора и устои были другими. Кто скажет, в кого или во что будут верить через тысячи лет? Какие грехи начнут искоренять? Трор говорил: «любите друг друга и в день, и в ночи», и суть была в плотских утехах и продолжении рода, сейчас прелюбодеяние — грех. Раньше — «око за око», а теперь... Эх, все в этом мире проходящее и уходящее, перетекающее из себя в себя же.

— Хватит философии, — отмахнулся Клавдий. — Ты слишком долго живешь среди людей. Их привычка говорить без дела оставила на тебе свой отпечаток.

— Да, к людям привыкаешь, и не только как к пище, — оголил острые клыки Веридий.

— Ты не ответил. Что с магией эстерцев? Откуда она у них?

— Никто не знает, — пожал плечами Веридий и с жадностью пригубил вина. Наполнил свой бокал новой порцией и долил Клавдию, который до сих пор не сделал ни глотка. — Ты пей, специально для тебя открыл бенедиктин.

Батури последовал совету и кончиком языка попробовал вина.

— Кровь? — удивился вампир.

— Не совсем, — улыбнулся Веридий. — Вино, смешанное с кровью, ароматизированное травами, закрепленное спиртовой настойкой и агрегатами, которые не дают крови свернуться. Выдержанное.

— Недурно, — с удовольствием отпив, похвалил Батури. — Твой рецепт?

— Увы, нет. Сделал его Бенедикт, эстерец, правда, засланный. Ладно, вернемся к делу. Что сам можешь сказать о магии церковников? Вижу, тебе уже довелось с ней столкнуться.

Батури откинулся на спинку кресла. Задумался, извлекая из памяти недавнюю потасовку у городских ворот, отхлебнул из бокала, наслаждаясь приторным, дурманящим вкусом, помолчал, подбирая слова, и наконец заговорил:

— Интересная магия, нечего сказать. Полностью блокирует темную сторону Силы, частично глушит и стихийную волшбу. А их магнетизм! Даже я не обладаю силой подобного убеждения. Они проповедями сделали из меня овощ! Откуда у эстерцев такие таланты?

— Они были у них всегда.

— Тогда, кто им мешал дать о себе знать раньше?

— Балор Дот, кто ж еще? Верховный никому не давал спуска, а его агентура не знала себе равных — все попытки эстерцев хоть как-то проявить себя уничтожались в зародыше. Но с уходом короля все изменилось. Фомор показал свою несостоятельность. И не только тем, что сейчас вовсю полыхает война, которая чудом еще не успела отразиться на людях, но и тем, что позволил возвыситься Малому ордену, своей глупостью дал свободу для притязаний эстерцев. Думаю, вскоре на доброй почве вырастет и культ Симионы, о нем пока что-то ничего не слышно, но это вызывает у меня скорее опасения, чем веру в их отстраненность от общественных дел. В Хельхейме смута, — резюмировал Веридий. — Тому, кто выиграет войну и придет к власти, будет не просто укрепиться, его тут же попытаются свергнуть. Валлия еще несколько веков может спать спокойно: Хельхейм для нее неопасен.

— Он и раньше был неопасен. Купол надежно сковал мертвых. Кстати, не подскажешь, как можно выгнать двух живых из Хельхейма? Мне позарез надо отправить их за границу купола.

— Посложнее ничего не придумал? Хотя... легионы мертвых по большей части покинули границу: кто разбрелся тупыми монстрами, потеряв после арганусовского бунта хозяев, кто по Зову направился в столицу, кто поплелся к Черным Кряжам. В общем, кто куда...

— Ты стал до ужаса словоохотлив, — улыбнулся Батури. — Давай ближе к сути. Сможешь мне помочь с живыми?

— Не знаю, Лис, сразу и не скажу. Надо навестить старых знакомых, узнать свежие сплетни и новые слухи, избавить их от шелухи, все хорошенько обдумать и только тогда принять решение.

— У меня нет столько времени.

— Помогу, — подумав, заверил Веридий. — Конечно, помогу, куда ж я от тебя денусь? Ладно, заговорился я с тобой. Меня ждут дела.

— Ночью?

— Конечно! Что ж я, не вампир, что ли?

— Ты на охоту? — удивился Батури, помня о том, что Веридий один из немногих, кто достиг голконды, и человеческая кровь в излишних количествах для него опасна: он может потерять свой рай.

— Да нет же, — прокряхтел Веридий, вставая. — Говорю же: дела. Магистрат, видишь ли, не любит солнце так же, как и мы с тобой. А эстерцы, провалились они в отходный круг, который носят на груди, склоняются к рассвету. Видно надеются, что церковь их только рассветает и не скоро доберется до зенита. В общем, пора мне. А ты иди, натопи баньку, попарь косточки, переоденься. На тебя без слез не взглянешь: где не подран, там обгорел, где не обгорел — весь в грязи.

— Проваливай уже, — махнул рукой Батури. — Болтливый стал, как деревенская сплетница.

— Много-то ты знаешь о деревенских сплетницах! — воскликнул Веридий и широко взмахнул руками, отчего расплескал бенедиктин. — Им со мной не тягаться, друг мой. А вампиру среди людей только так и можно выжить: все вынюхивая, все зная.

— Про-ва-ли-вай, — усмехнувшись, по слогам выговорил Батури и на этот раз Веридий не стал разводить бессмысленных споров, поставил бокал на каминную полку, подошел к окну и шагнул в ночь.

Оказавшись за пределами усадьбы, Веридий принял человеческий облик и пристально посмотрел на небо. Ночь совсем недавно вошла в свои права и вокруг стелился непроглядный мрак, который разрушали огни, полыхавшие в центре Вестфалена. Воздух пропитался вонью горелого мяса. Люди не спали, Ливуазье чувствовал их страх и ненависть, но вблизи усадьбы было тихо.

Вампир еще раз взглянул на небо. «Успею», — подумал Веридий. Он врал, когда говорил о магистрате и церковниках. Никаких запланированных встреч у него не было, но была другая, о которой еще с утра, до появления Батури, вампир даже не задумывался, а теперь она занимала все его мысли.

— Прости, друг, но спокойная жизнь для меня дороже твоих идей, — тяжело вздохнул Веридий, обратился в летучую мышь и полетел прочь из Вестфалена, туда, где еще с утра, до появления Батури, его не ждали, а теперь примут с распростертыми объятиями.

Глава 10. Пещера трех Безумцев

Не было карла умелее, нежели Синдри. Никто не мог сравниться с ним ни в оружейном мастерстве, ни в кузнечном. Далеко вокруг разнеслась слава его: долетела до самих небес, где восседали Верховные, дотянулась до недр, где обитали Глубинные. И собрались боги и решили, что негоже, чтобы великий талант гибель познал. Верховные одарили свартальва гроздьями бессмертного винограда, а Глубинные — венками долголетия.

Не связал Синдри судьбу свою с недрами, не принял венки божественные. Но взял из рук Ёдина виноградины сочные, да не для себя одного, но и для братьев своих: Хемдаля и Брока. Взамен за доброту выковал Синдри кольцо золотое и наделил его тайными свойствами, о которых рассказал лишь Ёдину Великому, чтобы не прельщать врагов бога молний.

Разгневались Глубинные, отравили винограда гроздь. И стали навеки карлы безумными, а мастерство их сделалось темным...

«Сыны Ивальди» народное творчество

Сандро взглянул на усыпанное спящими звездами небо. Неожиданно озарив ночь ярким светом, вспыхнула сине-красная молния и тут же угасла, оставляя перед глазами белые линии. Земля содрогнулась от грохота. Гром гулко прокатился по-над скалами и затих, притаился, как хищник, выследивший добычу. Одну звезду за другой затянули хмурые иссиня-черные тучи. Белые спящие огоньки угасли, но в следующее мгновение вновь украсили ночное небо и, закружившись в изящном танце, медленно поползли к земле. Сандро протянул раскрытую ладонь. На черную перчатку опустилась сотканная из пушистых кристалликов снежинка и, не растаяв, спорхнула, улеглась среди сотен белых подружек.

В Хельхейм пришла зима.

С каждым мигom снегопад становился все сильнее. Изящные танцовщицы-снежинки крепили, росли и уже спустя четверть часа утратили свою легкость, сменились крупными, седыми, как пепел с пожарища, хлопьями. Разыгрался ветер, прорвал воздушную плотину, сковавшую ущелье, и с ревом, со свистом заметался, как дикий зверь в клетке, меж высоких скальных берегов. Встревоженные им барышни-снежинки засуетились и, позабыв о плясках, с паникой помчались вниз. Вздурораженные рассвирепевшей вьюгой седые пики скал загромыхали, затряслись, сбросили с себя снеговые шубы: с тонким, пронзительным гудением к земле поползла лавина и рухнула, погребая основание гор и чудом, будто при помощи магии, не задев двух путников.

Сандро беззвучно, кривя и без того уродливое лицо, шептал заклинания. Одной рукой он держал полыхающий аметистовым светом змеинный крест, другой — кутался в волчий тулуп, безуспешно защищаясь от ветра и холода; прятался за широким воротом, пытаясь спастись от роя жалящих снежинок, яростно бьющих в глаза. Рядом с ним семенил имитатор в облики волка и молочно-белой грудью, сливаясь со снегом, на его фоне становясь невидимкой, торил себе путь через сугробы.

Так прошло несколько часов. Все это время некромант магией пробивал дорогу, всю силу расходуя на колдовство. Но, устав, решил закончить борьбу со стихией:

— Альберт, проверь, есть ли поблизости пещера: нужно укрыться.

— Уже скоро, держитесь...

В невыносимом стихийном буйстве друиду приходилось проще других: материальные преграды не были для него проблемой, ни ветра, ни выюги он не замечал. Некоторое время спустя Трисмегист указал в сторону и сказал:

— Пришли. Вам туда.

Некромант свернул и с какой-то настороженностью взглянул на наставника, вновь принявшего видимый облик. После бегства из Бленхайма магические силы Трисмегиста заметно возросли, теперь он не скупился: расточительно расходовал энергию. Скоро, Сандро в этом уже не сомневался, друид сможет колдовать, пользоваться не только магией разума, но и другими школами волшебства. Вот только кем тогда станет Альберт? Немёртвием? Таким, как Титания? Некромант прекрасно знал нежить и понимал, что такое перевоплощение превратит Трисмегиста в безумца, жаждущего крови и смерти. Такова специфика немёртвых...

Пещера выросла незаметно. Ее не удавалось разглядеть до тех пор, пока она не оказалась перед носом. Вход был засыпан снегом, и лишь на верхушке сугроба чернело пятно провала. Чародей сотворил огненный шар, которым без труда растопил преграду и, недолго думая, вошел внутрь.

Длинный ход уводил далеко в глубь горы, где властвовала настолько беспроглядная мгла, что даже зрением некроманта Сандро не сумел уловить ее границы. В пещере было сыро. С потолка свисали закорючки сталактитов. Из пола возвышались пики сталагмитов, по форме напоминающие искореженных фоморов. Юноша хмыкнул, подумав о том, что мать наместника Хельгарда, вероятно, выжила из ума, если назвала сына Фомором... Отбросив несвоевременную мысль, Сандро еще раз настороженно огляделся. Он чувствовал опасность, словно сам, по собственной воле, лез в пасть исполинскому монстру.

— Не нравится мне здесь, — недовольным тоном пробурчал некромант. — Может, поищем другую пещеру?

— Других нет, — заверил Трисмегист. — Можешь мне поверить, раньше я часто бывал в этих местах.

— Что ж, тогда не будем задерживать и отойдем подальше — вход скоро заметет...

Некоторое время путь лежал прямо, позади разливался бледный, скупой, как лунная дорожка, свет уходящего дня. Но за первым же поворотом вход в лоно горы потерялся из виду и слабые лучи, бьющие в спину, погасли. Чародей наколдовал небольшой огненный шар и озарил им дорогу. Испугавшись неровного сияния, тени, отбрасываемые сталактитами, заплясали в мистическом танце, заводили хоробы вокруг некроманта и имитатора. Сандро подозрительно заозирался по сторонам. Ощущение того, что он очутился во рту монстра, заиграло новыми красками: ребристый, как мелкая рябь на озере, потолок показался небом, шершавый пол — языком, а натёчные каменные наросты — кривыми, выросшими в неправильном порядке зубами. Некромант пытался усмирить разбушевавшуюся фантазию, унять бьющую дрожь, но атмосфера не позволяла.

— Что тебя тревожит? — спросил Трисмегист.

— Не знаю... — Вдруг спиной ощутив чужой взгляд, Сандро обернулся, но никого не увидел. — Эта пещера, фоморы ее задери, она, как живая... Будто сами стены смотрят на меня. Но ведь эти горы необитаемы...

— Откуда такая уверенность?

— Об этом говорят все книги.

— Не верь всему, что пишут, — философски рассудил Трисмегист. Казалось, он даст разъяснения непонятым ощущениям ученика, развеет их, но в противовес ожиданиям больше не проронил ни слова.

Туннель петлял, извивался змеей, но не разветвлялся — при желании можно было без лишних блужданий вернуться обратно. Сандро шел настороженно, в любую минуту ожидая нападения. Пристально всматривался вперед, где во тьме виднелись все те же сталактиты и сталагмиты, испещренные трещинами стены и больше ничего: никаких признаков ни жизни, ни опасности.

— Нет причин для волнения... — уронил друид. — Чему быть, того не миновать.

— Что это значит, Альберт?

— Для будущих странствий тебе понадобится помощь, — спокойно ответил Трисмегист. — Ты найдешь ее здесь.

— Может, скажешь все начисто...

Неожиданно земля ушла у некроманта из-под ног. Странная сила обхватила поясницу и грудь и потянула к потолку. Сандро в ужасе взглянул вверх и увидел над головой черную дыру, а уже в следующее мгновение оказался в узком, наполненном беспроглядной тьмой, туннеле.

Чужая сила связала ноги, прижал руки к телу, а один жгут, похожий на щупальце осьминога, уже сошелся на шее и начал медленно сдавливать горло. Сандро попытался магией умертвить неведомое существо, но от монстра не исходило никакой жизненной энергии. Посчитав, что оно — нежить, некромант прочел заклинание упокоения, но и это не дало результата. А щупальца все крепче сжимали голени, туловище и... шею. Сандро стал задыхаться.

— Расслабься, — прозвучал в голове голос Альберт, но некромант не стал следовать столь глупому совету и не перестал бороться.

Он читал одно заклинание за другим, пользовался всеми известными видами волшбы. Уже вспомнил все ведомые ему магические формулы, но ни один гримуар не помог.

— Расслабься! — потребовал Трисмегист.

Сандро глубоко вздохнул, затаил дыхание и перестал трепыхаться. Закрыл глаза и сконцентрировался на мыслях о том, что будет делать, когда окажется в животе твари — сможет ли выбраться оттуда? Удивительно, но хватка на шее ослабла. Сандро никак не мог понять: то ли отстраненность дает такой эффект, то ли Альберт был прав, и существо немилосердно только к тем жертвам, которые пытаются вырваться.

Вскоре некромант привык к щупальцам, обхватившим тело, и ему начало казаться, что он просто падает — падает вверх. Это было странное ощущение. Оно даже понравилось Сандро. А позже скорость замедлилась, и неведомый монстр выплюнул свою жертву. Некроманта швырнуло об каменный пол. От удара перед глазами заплескали светящиеся точки, но юноша довольно быстро пришел в себя: мертвая половина сущности давала немалые силы. Он поспешно поднялся, рванул вперед, чтобы убежать от опасного места, но сверху на него обрушились мешок и Дайрес.

— Проклятье! — отползая, выругался Сандро.

— Было весело! — Имитатор быстро поднялся, закинул за спину мешок и подошел ближе к чародею.

— К фоморам такое веселье, — вставая и отряхиваясь, недовольно пробурчал некромант и огляделся.

Вокруг было темно — обостренное зрение опять не спасало. Сандро, вдруг почувствовав себя слепым, беспомощным котенком, зажег в левой руке небольшой светящийся шар и заставил аметистовые глаза кобры загореться ярким огнем. Тьма рассеялась, и теперь юноша увидел, что он находится в широком туннеле с неправдоподобно ровными, сочетавшими в себе базальт и редкие вставки из блестящего лабрадора, стенами.

Сандро не удержался и провел рукой по идеально гладкой, словно вышедшей из-под руки ваятеля, поверхности.

— Сама природа такого не сделает, — задумчиво проговорил чародей.

— В смысле? — не понял Дайрес.

— Чтобы так отшлифовать базальт, да еще и вкратить в него другой минерал, необходимо человеческое вмешательство...

Юноша перевел взгляд выше и заметил у потолка небольшие прорези, в которых, вероятно, некогда размещались фонари или масляные лампы. Да, в этом не было никаких сомнений: здесь жили люди.

— Альберт, куда нас занесло? — осмотревшись, спросил Сандро и прикоснулся к фолианту духа.

Трисмегист, изменив своей привычке, не принял осязаемый облик и ответил из пустоты:

— Мы в пещере трех Безумцев — наследников Имира.

— Если можно — поподробнее.

— Дети Имира были созданы из могильных червей, которые ползали на трупе инеистого великана. Перворожденные, появившиеся на свет задолго до светлых альвов и людей. Безумцы умеют преобразовывать камни и металлы, наделять их жизнью. Пещера — их творение. А эти стены... они не просто плод искусства, их защищает магия...

— Только колдунов нам и не хватало... Альберт, ты хоть знаешь, какой школой они пользуются и как от них защититься?

— Безумцы не колдуны, хоть и обладают своеобразной магией. Если быть предельно точным, то они практикуют символическую волшбу, но боевым заклятиям не обучены.

— Тем хуже для них. Ладно, нет времени отсиживаться. Идем. Если повезет, найдем дорогу обратно и не повстречаем Безумцев, — с этими словами Сандро двинулся вперед, в неизвестные, витиеватые лабиринты.

На всем своем протяжении туннель уводил вниз, из-за чего казалось, что вскоре удастся покинуть пещеры и выйти на свежий воздух. Надежды не оправдались. Сперва впереди показался свет. Он быстро приближался. И вскоре ниши у потолка засияли мутным желтоватым светом. Сандро и Дайрес остановились, обменялись встревоженными взглядами и заозирались по сторонам. Никого поблизости не было, а полная, всепоглощающая тишина, в которой за лигу можно было слышать чужие шаги, лишний раз доказывала, что переживают спутники напрасно.

— Кто такие? — неожиданно раздался из-за спины чей-то голос.

Сандро резко обернулся. Перед ним стояло три низкорослых, не достающих ему самому даже до плеч, железных человека, от шеи и до пят закованных в глухие полные доспехи. Эти трое появились так внезапно, словно выросли из-под земли или вышли прямоком из стен. Несмотря на низкий рост, выглядели весьма внушительно: крепкие, широкоплечие, с воинственными взглядами. Глаза у всех троих были угольно-черными, носы — широкими, с большими ноздрями, кожа — морщинистая, старческая. Все на одно лицо, словом — карлы.

— Кто таков? — зло зыркнул на некроманта один из свартальвов. Синдри. Старший из братьев. Был он черноволосый и коротко стриженный, а самое главное — безбородый, что считалось редкостью для карл. В левой руке держал шлем, в правой — двойной топор. В свете тусклых лампад на груди у него сверкал черный подвижный нагрудник³ без геральдических рисунков. В срамной капсуле⁴ разместился крупный гульфик,⁵

³ **Подвижный нагрудник** — так называемая «рачья грудь». За счет наслаивания одной пластины на другую была подвижна, что, впрочем, не давало особых привилегий в бою, но по защитным функциям ничем не уступала цельному нагруднику.

⁴ **Срамная капсула** — У доспехов внутренние края набедренников образовывали широкую дугу, для

имитирующий детородный орган и явно не имеющий размерами ничего общего с тем, что возможно в реальности.

— Куда смотришь, переросток? — проследив за взглядом некроманта, спросил Синдри.

— Гульфик не жмет? — едко ухмыльнулся Сандро и, прокрутив в голове несколько атакующих гримуаров, крепче сжал змеинный крест.

— А что, завидно? — карла беспардонно указал топором в пах чародею.

— Завидовать-то нечему...

— Братцы, а не проучить ли нам этого выскочку? — хищно блеснул глазами карла, держащий в руках чудовищного вида алебарду, которая была вдвое выше его самого.

Это был Брок — младший из братьев. Из-под его горшкового шлема выбивалась рыжая борода. Нагрудник был ярко-желтый, с позолоченным травлением и красочной резьбой в виде огнедышащего дракона.

Брок не смотрел ни на некроманта, ни на имитатора: пришельцы его явно не интересовали. Внимание карлы приковал к себе змеинный крест, о котором он знал не понаслышке: это оружие носил тот, кто повесил на сыновей Ивальди проклятье.

— Братцы, взгляните-ка, — кивнул рыжебородый и указал в сторону посоха.

— Да-да, откуда он у тебя? — восторженно Хемдаль, средний из братьев. Его длинные, кудлатые волосы были заплетены на затылке в три косички. Крашеная, завязанная веревочками, борода спускалась до самого живота и закрывала рисунок, вытравленный на зеленом нагруднике. Присмотревшись, Сандро с трудом разглядел изображение двух грозных львов, сцепившихся в мертвой хватке на шеях друг друга. Карла держал в одной руке шлем, в другой — длинную палицу с моргенштерном в намерении.

— Где его бывший хозяин? — с презрением косясь на посох, спросил Брок.

— Мертв, — не дрогнув, ответил Сандро и теперь понял, почему Альберт не стал принимать видимый облик.

От карла исходила нескрываемая ненависть. Чародей сомневался, что сражения удастся избежать, и боялся даже представить, на что способны воины, прожившие больше тысячи лет и, несомненно, являющиеся мастерами оружия.

— Уже пять веков как мертв, — добавил некромант, когда молчание затянулось, а атмосфера в широком туннеле накалилась до предела.

— Хм, странно, — протянул Брок. — Его проклятье до сих пор действует, но оно должно было погибнуть вместе с ним.

— А может, и не было никакого проклятья? — спросил вдруг Хемдаль. Рыжебородый Брок посмотрел на него с недоумением. — Ну, живем и живем, я себя от этого плохо не чувствую...

— Ты точно свихнулся, братец! Проклятье не в вечной жизни, а в том, что мы творим темное искусство.

— Три века один и тот же маразм, — обреченно вздохнул Синдри и посмотрел на некроманта. — Зачем пришел? Чего тебе надо?

— Собственно, ничего, — пожал плечами Сандро. — Снаружи разыгралась метель. Я спрятался в пещере и решил проверить: безопасно ли в ней? А меня схватила какая-то тварь с множеством щупалец и отволокла сюда.

— Веселая такая штука! — восхищенно добавил Дайрес.

— Механический подъемник Брока, — улыбнулся Хемдаль и шлемом похлопал брата

удобства размещения в седле или ходьбы на марше.

⁵ **Гульфик** — изготовленная из кованого железа своеобразная деталь доспеха, которую следует расценивать лишь в аспекте истории культуры. Гульфик явился результатом вычурного вкуса и вообще не имел практического значения. Эта своеобразная мода возникла у карл, которые таким образом защищались от людских всадников, часто коварно направлявших удары своих копий в незащищенный пах. Правда, это, возможно, было всего лишь оправданием распушенности.

по наплечнику.

— Механический? — не поверил некромант: металл, сжимающий шею, но не убивающий, знающий, когда надо снизить скорость и где выплюнуть груз? — Не может такого быть...

— Может-может. Особенно, когда это дело рук «Оживляющего металл».

— Значит, вы и есть Великие мастера? — заворожено глядя на карл, спросил Дайрес.

— Да, так и есть. Мы сыновья Ивольди, — запоздало представился Синдри и поименно назвал каждого из своих братьев и себя самого. — Теперь вы знаете, кто мы. Вопрос в том: кто вы?

— Я Сандро Гайер, человек. А это мой друг Дайрес, имитатор.

Синдри, сощурившись, пристально посмотрел на незваного гостя с посохом Трисмегиста и капюшоном, закрывшим лицо.

— Нет, ты не человек, а черный колдун.

— Я человек! — воскликнул Сандро, но, поняв, что не сумеет сохранить свою тайну, решил открыть карты: — Человек... но лишь наполовину. А на вторую половину — лич, — сказал он и сдернул капюшон.

— Полумертвый, — хищно посмотрел на юношу Брок. — Нежити в наших туннелях не место. Проваливай!

— С удовольствием, вот только — как?

— Как, как — ногами! — Брок воинственно захлопнул забрало и перехватил алебарду.

— Да-да, — подал голос Хемдаль и положил палицу на плечо: с такого положения ею бить удобнее.

— Не спешите, братцы, — вмешался Синдри. — В этом парне не все так просто.

Брок сделал два быстрых шага вперед.

— Проломим ему голову, а там разберемся!

— Стоять! — приказал Дайрес и карла невольно замер. — Сделай шаг! Сделай еще шаг, и я перегрызу тебе горло! — пообещал имитатор и превратился в крупное существо с головой волка и туловищем человека. Его кожу покрывала густая шерсть, красные глаза были налиты злобой. Именно в такого зверя превращался Дайрес при первой встрече с Сандро. Но это перевоплощение не вызвало у некроманта доверия: он помнил, как совладал с этим существом, не умея обращаться с оружием. В том, что имитатор справится с карлами Сандро сильно сомневался.

— Прибьем обоих! — обрадовался Брок.

Синдри молчал и лишь буравил двух пришельцев пронзительным взором. Под этим пристальным, прожигающим насквозь, взглядом Сандро почувствовал себя неловко и неубедительно предложил:

— Разойдемся миром. Для вас мы не враги...

— Ты на нашей земле! Ты — наш! — выкрикнул Брок и, наплевав на предупреждения Дайреса, сделал шаг вперед.

Сандро, не дожидаясь первого удара, активировал подготовленное заклинание. Касание Смерти отбросило рыжебородого назад. Средний брат Ивальди рванулся с места, стремительно преодолел расстояние, отделявшее его от некроманта, и занес в ударе свою устрашающего вида палицу. Имитатор набросился на него, мертвой хваткой вгрызся в шею карлы, а секундой позже Сандро повторил свою волшбу и Хемдаль, уже истекая кровью, закувыркался по гладкому полу туннеля.

Синдри за все это время не сдвинулся с места, ни единая мышца не дрогнула на его лице, словно жизни братьев не имели для него никакого значения.

— Чего медлишь? Нападай! — от боевого запала у Сандро закипела кровь. Он тяжело дышал, предвкушая продолжение битвы, но последний карл не торопился.

— Побереги силы. — Из ниоткуда возник Трисмегист и, уже не скрываясь за бестелесностью духа, подошел вплотную к свартальву и посмотрел ему в глаза. — У меня есть к тебе предложение, Синдри.

— Давно не виделись, Тривеликий, — поворачиваясь к друиду спиной, отозвался карла. — Идите за мной. В роду Ивальди принято беседовать за кружкой эля.

— Но его братья, — взглянув на наставника, замялся Сандро. — Трудно договориться с тем, чьих родственников отправил к праотцам...

— Братья Ивальди бессмертны.

Сандро посмотрел вперед, и не поверил своим глазам: кряхтя и непристойно ругаясь, на ноги поднялся рыжебородый Брок и помог встать зеленобородому Хемдалю. К младшим братьям подошел Синдри, что-то сказал им, и они все вместе отправились в глубь туннеля.

— Не задерживайся, — поторопил ученика Трисмегист.

Сандро несколько мгновений простоял в замешательстве, но быстро переборов удивление, пошел за свартальвами. Имитатор, вновь принявший человеческий образ, поспешил следом.

* * *

Высоко в небе кружили два орла, две гордые птицы, за обликами которых скрылись рабы: имитаторы, муж и жена — Диомед и Дайра. Они стремились к свободе, к неподчинению, но были лишены этого права благодаря усилиям одного вампира и двух некромантов.

Однажды, тремя годами ранее, Арганус отправил Батури в Бленхаймские горы с тайной миссией: поработить семейство Ди-Дио. Для этого Арганус дал вампиру эликсир «подчинения», который в те дни изобрел Сандро. Жидкий газ, творение полумертвого, сработал идеально. Стоило имитаторам вдохнуть его, и они перестали принадлежать себе. Даже иммунитет к магии оказался бессилен против зелья, ведь алхимия не являлась волшбой. Так Арганус получил рабов, а семейство Ди-Дио — проклятого хозяина, который до недавнего времени не вспоминал о своих слугах, но теперь пользовался их талантами сполна.

Два орла спикировали вниз и, коснувшись земли, приняли привычные облики.

— Впереди крепость, — предупредил Диомед. — К полудню будем у стен.

— Отлично, — сверкнул глазами Арганус. — Скоро мне удастся проверить свою армию в деле...

Глава 11. Церковь и исчадья Мрака

1. Жили два брата и сестра.
2. Сестра была очень красивой и, чтобы не пасть жертвой соблазнившихся, удалилась, надев черные одежды, дабы скрыть свою красоту.
3. Один из братьев стал королем.
4. Второго брата он взял к себе на службу скороходом.
5. Однажды, переправляя депешу, скороход встретил девушку в черном. Почувствовав к ней влечение, он решил на ней жениться.
6. Он привел ее к королю, и тот дал согласие на брак.
7. По свершении свадебного обряда, скороход и девушка вошли в комнату для молодых.
8. Раздевшись, уже на брачном ложе, они обнаружили свое родство.
9. Огорчившись, они горько плакали.
10. Однако влечение было столь велико, что они слились воедино.
11. Наутро пришло это двуединое тело к королю. Увидев его, король сказал: «Ты мне нравишься. Отринь свои мужские части и будь мне женой».
12. Так они и поступили, образовав уже триединое тело. Мор охватил всю страну.

13. Тогда жители той страны взяли это триединое тело, поместили его в башню из железа и раздули под ней большой огонь.

14. Распалось тело на мужское и женское естества, и в стране наступили согласие и мир.

Альберт Трисмегист «Все об эликсире Бессмертия»

В поместье Ливуазье всегда властвовал полумрак. Солнечный свет здесь умирал, будучи бессильным перед тяжелыми унылыми драпри, которыми были занавешены окна. В хозяйской спальне оживал огонь сотни негаснущих свечей, зачарованных на то, чтобы давать ровно столько света, сколько надо любвеобильному герцогу. Но сегодня в комнате любви вместо страстной пары спала беловолосая гостья. У ее ног, тихо, чтобы не разбудить спящего напротив младенца, сидела Марта и покачивала детскую колыбель. В сердце девушки поселилась горечь и печаль. Из глаз ее катились слезы. Молчаливые слезы, вылитые из зависти и боли. Ребенок. Если бы судьба распорядилась иначе, если бы Веридий не был бесплодным вампиром, у нее было б уже трое. Трое детей, которые могли бы резвиться в саду усадьбы, радовать глаз своими изобретениями, а слух — чудесными голосами. Трое детей, которые дарили бы Марте свое тепло и любовь, наполняли жизнь смыслом, приносили в серые будни истинный свет — свет детской улыбки и смеха. Трое детей. Трое вампиров.

Марта содрогнулась от собственной мысли. Из глаз с новой силой покатались слезы.

Что дальше? Оставаться служанкой и любовницей вампира? В четвертый, в пятый раз беременеть и не рожать? А если родит, кем будут ее дети? Вампирами?

Поток слез усилился.

А что если гостья ошиблась? Что если Веридий человек? Конечно, Марту беспокоило отсутствие в усадьбе зеркал, волновало желание Ливауэе скрываться от солнечных лучей, но она к этому уже привыкла. Все чудачества Веридия уже стали для нее нормой. И все же. Вампир? Или нет? А ведь она не может даже спросить его об этом: всемогущая Симиона не благословила ее даром речи.

Хотелось выкрасть младенца, убежать, стать ему доброй матерью и жизнь отдать ради него. Но куда бежать? Кому она будет нужна: немая бесприданница с ребенком на руках?

В комнату, не постучавшись, вошел Клавдий, приблизился к детской кроватке и сел на корточки напротив Марты.

— Как малышка? Ты плачешь? Что с ней?

— Ничего! — душой простонала Марта, но Батури, не удосужился взглянуть в ее сознание и не услышал ответа. — Ничего, что могло бы взволновать вампира. Твой ребенок жив, здоров и полон сил. У него еще нет клыков и жажда крови его не дурманит...

Марта посмотрела на Клавдия безумным взглядом. Даже Батури не смог противостоять этому взору, взору дикого зверя, загнанного в глухой угол. Девушка, не церемонясь, открыла вампиру рот, провела пальцем по острому клыку и порезалась. Дала Батури звонкую пощечину, сама не понимая, в чем он виноват, и рванулась вон из комнаты.

Клавдий, поняв, что тайна друга раскрыта, даже не пошелохнулся, лишь молча проводил девушку взглядом. Ему не составило б труда вмешаться в ее сознание и навязать те мысли, которые он пожелает. Но Батури не остановил Марту, не стал ее догонять. Она — проблема Веридия. Пусть Куница сам внушает ей то, что посчитает нужным, если вообще решится лезть в ее мысли.

Несколько минут Клавдий наблюдал за ребенком и не мог оторвать взгляда. С каждым мгновением его сердце билось все учащеннее. Перед ним, погрузившись в сновидения, лежала его мечта — ребенок, которого он не способен зачать. И пусть младенец чужой, плевать на то, что он не крови Савильенов. Батури воспитает дочь, истинную Высшую, с которой разделит жизнь и сольется в родстве! Он всем сердцем непоколебимо, твердо верил в такое будущее...

— Как мне тебя назвать, малыш? — улыбнулся Клавдий. — Лакрима? Слеза? Или Тень? Умбра? Нет, все это не подходит...

Ребенок вдруг открыл глаза и посмотрел на Батури так осознанно, что вампир поперхнулся словами от удивления.

— Придумаешь имя сама?

Малышка подмигнула, словно соглашаясь с названным отцом, и тогда в голову Батури постучалось имя, которое, он знал наверняка, будет носить его ребенок: Долорис — Пересмешница боли.

— Спокойной ночи, Долорис, — вампир холодными, как лед, губами поцеловал девочку в лоб, и она вновь уснула, словно и не просыпалась.

Постояв еще немного у колыбели, насладившись видом беззаботно спящего младенца, Батури вышел из комнаты, чтобы больше не тревожить свою дочь.

* * *

Близился рассвет. Медленно в темно-синем небесном покрывале тонули огоньки звезд, набухало на востоке красно-желтое зарево, но тонкий молодой месяц не спешил уплывать за горизонт и все еще дарил миру бледный мертвецкий свет.

В этот предрассветный час Энин всерьез решила заняться алхимией. Она окружила себя книгами и уселась прямо на полу. Уже в десятый раз вчиталась в записку Сандро, оставленную в пещере Ди-Дио, и в десятый раз не поняла ее смысла. К чему юноши? К чему девушка? Что за двуединые и триединые тела? Видимо, она переоценила себя, и разгадать головоломку некроманта будет не так-то просто. Но рано или поздно она разберется во всей этой алхимической ахинеи.

Выпив эликсир «недоросли», Энин принялась читать трактаты и манускрипты, надеясь, что они смогут развеять дымку загадочности и мистики, окаймившую рецепт Сандро. Она перелистывала страницу за страницей, навечно запоминая каждую строчку, с неустанной жадностью поглощала знания, не замечая, как течет время, забывая о сне и отдыхе.

На улице ударили в утренний колокол церковники. Вестфален медленно просыпался после ночной агонии. На агоре потух жадный огонь братской могилы. Но Энин была далека от городской суеты — ее всецело занимало другое дело.

«Алхимическая свода» Альберта Великого, «Заметки практикующего алхимика» Николаса Фланеля, «Сокровище алхимиков» Садуля Жака, «Тайная книга» Фюргисона, «Философские обители» Фулканелли — прочитанные книги грудой лежали у ее ног. Энин потянулась за следующей — «Древнее таинство» Амагрина Овена.

В комнату, не постучав, вошла Анэт.

— Сестра, идем кушать. Марта приготовила отличный завтрак: куриные крылышки с зеленью, овощами и печеной картошкой. И... Марта не в себе: вся заплаканная, зажатая. Помоги мне ее развеселить...

— Я не голодна. И мне нет дела до Марты, — ответила Энин и вернулась к своим изысканиям.

— Что ты читаешь?

— Не мешай мне! — Формула уже крутилась в мыслях колдуньи. Разгадка была близка. Энин чувствовала это и не желала, чтобы ее сбивали с верного пути глупым любопытством. — Не видишь, я занята? Иди, завтракай.

— Ну и сиди, книжный червь! — Анэт резко развернулась и поспешно ушла, в сердцах жалея, что некогда обучила сестру грамоте.

А Энин продолжила работу.

— Два брата и сестра... — под нос прошептала она. — Это металлы. Девушка — медь, юноши — олово. Была красивой... удалилась... черные одежды... — прокручивала она в памяти текст рецепта, пытаясь найти ключевое слово, и нашла его: — Облечение! Металл почернел — серная медь. Брат стал королем. Тут все просто — олово надело, как и подобает королю, золотые одежды — снова добавляем серу. Скороход — *argetum vivum*, ртуть.

Головоломка быстро складывалась. Рецепт оказался довольно простым. Единственную

трудность составили двуединые и триединые тела, но Энин справилась и с этой задачей. Она подошла к стеллажам, нашла на полках почерканный пергамент и написала на нем конечный результат, лишенный шелухи и ненужных изворотов. Теперь осталось самое сложное — воплотить рецепт в жизнь. Энин еще ни разу в жизни не занималась практической алхимией, но уж если Сандро сумел овладеть этой наукой в пятнадцать, то взрослая, девятнадцатилетняя, колдунья справится с этим без труда.

— А теперь надо найти герцога, — под нос прошептала девушка. — Пусть выделит необходимое для преобразований место. Не дело же заниматься алхимией в спальне!

Энин решительно вышла из комнаты и быстрым шагом направилась в кухню, где надеялась разыскать Ливуазье. Колдунья загорелась новыми знаниями, ей захотелось как можно быстрее проверить свои догадки на практике. Но она не понимала, что алхимия слишком точная наука, чтобы подходить к ней поверхностно, а рецепт, который попал ей в руки, не имел ничего общего с эликсиром «недоросли».

* * *

Ливуазье вернулся ближе к вечеру. Он ошибся в расчетах и не успел в родную усадьбу до рассвета. Последние лиги преодолевать пришлось верхом, позаимствовав усталого мерина в захолустной деревушке и позабыв о крыльях. Это отняло драгоценное время, и теперь он спешил, понимая, что каждое мгновение на счету, ибо охотники уже мчат к Вестфалену и на жеребцах — не на меринах.

В дверях особняка его встретила назойливая рыжеволосая бестия и тут же насела со своими глупыми расспросами и требованиями. Герцогу стоило немалых трудов, чтобы втолковать девушке, где разместились лаборатория и как открываются секретные замки. Разбалтывать собственные тайны было не с руки, но терять время, чтобы отвести ее самому и оставить наедине с ретортами и колбами, не хотелось. Тем более ни для кого не было секретом, что Ливуазье занимается алхимией с той лишь целью, чтобы повысить вкусовые качества вин.

Отделавшись от надоедливой особы, Веридий по наитию разыскал Клавдия, чудом не наткнувшись на Марту, которая зачастую чуяла его, как кошка хозяина. Повезло. Ливуазье нашел своего друга в кабинете. Батури сидел у камина, смотрел на огонь и медленно цедил полюбившийся ему бенедиктин. Он уже успел освоиться и привести себя в порядок: отмылся от крови и грязи, переоделся, воспользовавшись гардеробом Ливуазье, и сейчас выглядел опрятно и величественно — как подобает настоящему лорду.

— Готов? Отлично, тогда идем, — сходу начал Веридий.

— Готов к чему? И куда ты собрался?

— На агору.

— Зачем такая спешка? Подождем до завтра...

Бенедиктин, даром, что настойка, был креплен винным спиртом и все же опьянял. Батури, не сказать, чтобы чувствовал хмель, но покидать особняк не было никакого желания.

— Ты хотел как можно раньше избавиться от своих живых? Я дам тебе такую возможность. Пошли.

Веридий был не похож на себя. Батури не стал с ним спорить, решив, что свежий воздух и недолгая прогулка выветрят из головы легкую пьяную дымку, а задерживаться у гостеприимного хозяина так или иначе не входило в его планы.

— Идем, — встав из кресла, обронил Клавдий.

Всего за один день Вестфален преобразился. Не было трупов и умирающих, на которых еще вчера насмотрелся Батури. Сотни золотарей отдраили мощеную дорогу, отмыли от крови и гноя, отчего город благоухал, как белая лилия. Но горожане исчезли, на улицах встречались лишь эстерцы и вооруженные стражи, которые неизменно провожали двух одиноких спутников косыми взглядами. Все остальные вестфальцы попрятались в надежных жилищах и не решались высовывать за порог даже носа.

— Где все тела? — удивился Батури. — Поработали некроманты?

Веридий не успел ответить. Друзья вышли на центральную площадь и все увидели своими глазами. Agora превратилась в братскую могилу из сотен непохороненных тел. Те, кому повезло, превратились в прах, другие остались обугленными скелетами. Воздух наполнился смрадом гниения, горелой плоти, гари, вывалившихся из прогоревших желудков и пережженных шлаков. И еще чем-то, чего не смог бы уловить простой смертный. В воздухе витал запах человеческих эмоций: безудержного страха и дикой боли. Клавдий вдруг понял: многих сжигали живьем.

— Не вдохновляющая картина, — будничным тоном заметил Веридий. — Идем. От того, что ты гипнотизируешь их, трупы не встанут. Идем, — поторопил Ливуазье и пошел вперед, где над горами обгорелых мирян возвышалась златоглавая церковь с множеством куполов и расписанными стенами.

Батури сплюнул под ноги и направился следом.

Двери в церковь оказались заперты. Сколько бы Ливуазье не стучал, как бы громко и величественно не называл свои титулы, служители Эстера остались немые к просьбам герцога и не открыли ему. Тогда вампир стал шарить взглядом по многочисленным окнам, украшенным разноцветной стекольной мозаикой. Он дважды обошел церковь кругом. Наконец, остановился. Прищурившись, взглянул на закатное солнце, спрятавшееся за тучами. Вновь воззрился на окно и сказал:

— Кажется, нашел. Дуй за мной.

Веридий запрыгнул на стену и, не обращая внимания на то, что его могут заметить чужие взгляды, пополз вверх. Батури еще раз сплюнул — во рту поселился противный вкус гари и мертвечины. Обречено вздохнул и полез следом, даже не удосужившись спросить, к кому они, собственно, собрались?

* * *

Бенедикт был здоров, как бык, даром, что священник. Никогда не болел. Не знал, что такое сердце, с какой стороны оно находится и есть ли у него вообще. Хотя нет, последнее он все-таки знал. После встречи с высшим вампиром из дома Атис, первым и последним из этого рода, он понял, что сердца у него уже нет и никогда не будет.

Отец Бенедикт был вампиром.

Ему трудно далось перевоплощение, но желание жить вечно пересилило страх. Молодой священник решился на отчаянный шаг и не пожалел. Он сохранил свою молодость и привлекательность, а его долголетие стало предметом для долгих дискуссий внутри церкви, которые закончились на том, что Бенедикт никто иной, как Вестник Эстера. Всего один укус открыл для него новую жизнь. Из простого аббата приходской церквушки сделал главой Вестфальского Собора, а ко всему дал легендарное бессмертие.

Бенедикт был признателен герцогу Ливуазье из дома Атис за этот укус, без лишних проволок выполнял его просьбы и категорично наставлял других эстерцев, что усадьбу почитаемого герцога, посвятившего себя служению богу, стоит обходить стороной.

Отхлебнув настойки, Бенедикт встал из-за стола и прошелся по своему кабинету, размещавшемуся на верхнем этаже вестфальской церкви на площади святого Марка, чаще называемой Торговой. Не выпуская из рук ароматный бенедиктин, служивший украшением для столов не только вампиров, но и ничего не подозревающих мирян, святой отец приблизился к вылитому из тончайшего серебра зеркалу и остановился. Только в этом зеркале он мог видеть свою красоту: широкоплечий, высокий, мускулистый — его богатырскую статью не скрывала даже серая ряса эстерца. Удивительно красивое лицо: большие черные глаза, бронзовая от загара кожа, густые вьющиеся волосы, орлиный нос, массивный подбородок и тучные, сходящиеся на переносице, брови. На вид — статный воин, вышедший прямиком из легенд. Бенедикт понимал, почему перед ним млеют дамы и вешаются на шею, даже несмотря на церковную рясу. Ах, прекрасным мирянкам он никогда

не отказывал, с самоотверженностью священника отпускал грехи вдовушкам, или наставлял на путь истинный виновных в измене.

Надо заметить, кроме женщин, отец Бенедикт любил еще и выпивку, что не мешало ему чтить себя праведником. И не удивительно, ведь он Вестник — правая рука Милосердного Эстера! А церковный бог привык прощать грехи тех, кто служит ему верой и правдой. Тем более, когда за это молят сотни заблудших грешников, которых великодушный Бенедикт наставляет на путь добра, Света и всепрощения.

Совмещая отвращение к кровавым мессам, которых требовало вампирское естество, с любовью к выпивке, Бенедикт создал настойку, в чей состав вошли и кровь, и вино. Святой отец никогда не охотился, ни разу не вгрызался в плоть жертвы, но всегда был сыт и полон сил.

Насмотревшись на свое отражение, Бенедикт подошел к окну, выходившему на агору, и взглянул вниз. Площадь выглядела ужасно. Разнесенные в щепки торговые палатки и лотки, разорванные в клочья тряпичные тенты — все пошло на пищу погребальному огню. Но этого было мало и множество тел так и не прогорели в прах, обугленными скелетами лежали посреди тлеющих, рдеющих угольев и скалили кто белые, кто почерневшие зубы. Некромант бы здесь хорошо поживился, будь он рядом. Но эстерцев не волновало, что будет с телами после смерти. Они преследовали другую цель — избавить Вестфален от мора. И Бенедикт полагал, что церковь справилась со своей миссией: зараза еще будет гулять по улицам города, но до повальной болезни, святой отец на это надеялся, дело не дойдет.

Из-за серых грозных туч выползло закатное солнце, ударило Бенедикта в лицо обжигающими лучами и тут же уплыло за горизонт. Вампир рефлекторно укрылся от надоедливого светила в тени кабинета. Нельзя сказать, чтобы он боялся света, все же Ливуазье был хорошим Мастером и обучил своего ученика нехитрым приемам, при помощи которых можно долго жить без пищи и гулять даже жаркими днями. Но свет все равно раздражал и обжигал кожу.

Бенедикт подошел к столу и долил в бокал настойки. Хотел вернуться к окну, но замер едва обернувшись.

— Что ты здесь делаешь?! — возмутился священник. — И кто это с тобой? В окно вползли! Хотите, чтобы меня раскрыли?

— Заткнись и слушай! — рявкнул один из пришедших.

Был это сам герцог Веридий Мартес Ливуазье. Рядом с ним стоял неизвестный в черном плаще, кожаных штанах и белой рубашке навыпуск. У незнакомца были светло-голубые, как горный хрусталь, глаза, матово-черные, будто измазанные в саже, длинные прямые волосы и идеально белое лицо. Внешность дворянина, истинного аристократа, не знающего, что такое изнурительный труд на солнце. Бенедикт завидовал таким, к которым слава и почет приходили с детства. Ему, обычному провинциальному аббату, сыну крестьянина, всего пришлось добиваться собственным трудом, по том и... кровью.

— Вас видели? — спросил, не послушав предупреждения, Бенедикт.

Гости проникли через окно, легко вскарабкавшись по отвесной стене. Святой отец волновался не напрасно. Вампиров могли заметить, а лишние глаза Бенедикту ни к чему. Все, чего он с таким трудом достиг, претерпев пытки и лишения, могло рухнуть, как картонный замок.

— Мне срочно нужна твоя помощь, — продолжал, не утруждаясь ответами, Ливуазье. — Сегодня же вечером ты должен отправить к границе эскорт, который доставит к куполу двух живых и ребенка.

— Это невозможно! Караван выходит завтра. Им лучше отправиться вместе с ним. Так их появление не привлечет внимания.

— Нет, — обрубил Ливуазье. — Ты либо глуп, либо меня не слышишь, я повторю: они должны покинуть Вестфален не позднее сегодняшнего вечера.

— Веридий, друг, я не всесилен. Ты же знаешь: если у меня есть возможность помочь, я помогу. Но сейчас не та ситуация. В путь отправляются высшие церковные чины — не мне

подгонять их, не мне диктовать им свои условия.

— Пусть уйдут с другими конвоирами.

— Вам важно их просто выгнать из города или все-таки вывести из Хельхейма? — недовольно спросил Бенедикт и резко оглянулся. Ему вдруг почудилось, что позади раздались шаги, но, прислушавшись, он расслабился — за дверью было тихо.

— Что ты имеешь в виду?

— В округе Вестфалена полно нежити, тупых неупокоенных — трупоедов, которые не имеют хозяев, но любят плоть. Выкинуть молодую пару с ребенком не сложно...

— Живые — две девушки, — уточнил Клавдий.

— Это, по сути, не важно, — отмахнулся Бенедикт. — Но те, кто покинет Вестфален без доброго десятка святых братьев, обречены.

— Так выдели этот десяток братьев и в путь!

— Ну не могу я! Не могу дать того, чего у меня нет. Сейчас всеми силами борются с чумой, этой ночью снова будет полыхать огонь. А уже завтра город опустеет. Все уйдут к границе. Но это будет завтра, не сегодня.

— Пожри тебя Бездна, у нас нет времени!

— Успокойся, — попытался унять его Батури. — Я не спешу. А ты, надеюсь, выдержишь меня еще один день?

— Дело не в этом...

— А в чем же?

Ливуазье не знал, что ответить. Не говорить же другу, что он его предал?

— Пусть будет завтра...

— Вот и решили! — обрадовался Бенедикт. — Пополудни жду вас и ваших пассий на агоре. Место, конечно, не из приятных, но святые братья решили собраться ближе к церкви, чтобы помолиться перед долгой дорогой.

— Хватит слов, выведи нас отсюда, — нервно приказал Ливуазье.

— Как? Вы пришли через окно, никто не видел, что вы входили в мои покои. Как я выведу вас незамеченными? Мне и так стоило немалых трудов, чтобы замаять тот ужас, который вы учинили у западных ворот. Неужели нельзя было войти в город, не оставляя трупов?

— Что ты городишь? — не понял Веридий.

— Не обращай внимания, — отвел взгляд Клавдий.

— Ты меня удивляешь, Лис, — недовольно зыркнул на друга Ливуазье, но не стал развивать мысль. — Идем, нет времени на великосветские беседы.

— Не пойму: куда ты спешишь?

— Никуда, просто не люблю пустую болтовню, — ответил Веридий и выпрыгнул в окно. Следом за ним, как тень, последовал и Батури.

* * *

Черные всадники приблизились к Вестфалену на закате, но проходить в город не спешили и остановились у закрытых ворот. Дождавшись, когда солнце опустится за горизонт, они растворились во мраке, исчезли и лишь воронные жеребцы говорили о том, что всего мгновением раньше здесь были люди.

В этот же миг вокруг поместья Ливуазье появились тени. В густеющих сумерках их было трудно разглядеть, но бдительные эстерцы, бродившие в поздний час по улицам города в поисках чумных, все же распознали в этих тенях исчадий Мрака. И тогда церковники забили в колокола, направили к дому праведника святых братьев, чтобы они уберегли покой богобоязненного Веридия Ливуазье, избавили его обитель от нашествия детей Ночи. Но помощь прибыла слишком поздно, впрочем, как и сам герцог.

Прорицание четвертое

Лагода осталась за спиной и потянулась серой змейкой дорога. Она то приближалась к обрыву, на дне которого бурлила река, то отдалялась от него и подходила вплотную к редкому, росшему по правую руку, лесу, но нигде не убегала так далеко, чтобы не было слышно дико ревущего Ситха.

Вода в реке, отделявшей Хельхейм от Валии, с шумом ударялась об уступчатые скалы, пенилась и громозвучно текла все ниже, где водопадом низвергалась с утеса и, утихая, впадала в Белое море. Перекрикивая Ситх, галдели многочисленные перелетные птицы. Для них шла последняя перед приходом холодов и долгим путешествием на юг охота. Птицы кружили над обрывом, камнями падали вниз, на лету хватали форель, тут же глотали ее и кричали все громче, будто хвастаясь друг перед другом. За всем этим шумом различить стук копыт, собачий лай и возгласы всадников не сумел бы даже альв, но Назарин ориентировался не на слух.

— Сворачиваем в лес, — на секунду остановившись, сказал прорицатель. — Быстро!

Спутники выбежали на обочину и по неторной дороге помчались к лесу. Фея, решив не рисковать, провела рукой: следы ног исчезли, запах, по которому их могли разыскать ищейки, изменился, став мягким ароматом весенних полевых цветов, а ментальные отпечатки аур размылись, сделались нечеткими.

Всадники приближались быстро, но Назарин знал, что не опоздает. Он и его спутники скрылись в лесу в тот самый миг, когда вдали, у дороги, показались графские доберманы и фокстерьеры.

— Почему это монах вне закона? — из-за дерева наблюдая за псами, поинтересовалась Лайра.

— Так сложились обстоятельства.

— Ага, — цокнула языком ск'йере. — А что будет, если я откажусь идти с вами дальше? Зачем мне покрывать преступников?

— Откажешься помогать нам — выдам тебя властям. Или ты забыла, как поступают в этих краях с ведьмами? Их сажают на кол и сжигают. Можно поступить проще: Хананк нашинкует тебя, как морковь.

Назарин не церемонился, знал: момент, когда Лайра еще сомневалась в правильности своего поступка и выбора компании, ушел безвозвратно. Теперь фея, сбежавшая от соплеменниц, наплевавшая на нейтралитет и бессмертие, полноценный союзник в борьбе против нежити. Она уже не упустит шанса убить второй смертью как можно больше неуспокоенных.

— Когда привал?

— Через полчаса выйдем к поляне, там и остановимся.

— Что ж, не буду ждать... — с этими словами Лайра на ходу распахнула кафтан, под которым была рубаша обтянутая полосками кожи, туго охватившими торс. Полная, высокая грудь, конечно, мешала фехтованию, и ее приходилось скрывать, стягивать, но треклятые корсеты тоже были весьма неудобны и не давали свободно дышать. Освободившись, ск'йере вздохнула с облегчением. Все так же на ходу распустила волосы. Её пышные белые локоны засверкали в лучах солнца чистым серебром. Хананк на миг задержался, наблюдая за феей, несколько раз моргнув, прогоняя наваждение, и продолжил путь, неотрывно следя за грациозными движениями ск'йере.

Прорицатель не ошибся. Полчаса спустя спутники очутились на широкой поляне, устланной серой, пожухлой прелой листвой, уже сейчас начавшей гнить и источать неприятный запах. Ск'йере закружилась на месте и крохотный островок леса преобразился. Голые деревья пустили почки, земля поглотила опавшие листья, и на щедром удобрении быстро выросла зеленая, сочная трава.

— Не расходуя силы на дешевые фокусы, — доставая из мешка вяленое мясо, сухари и вино, недовольно пробурчал Назарин. Фея в ответ лишь фыркнула и манерно отвернулась.

После скудного обеда Назарин отдалился от спутников, остановился в противоположном конце поляны. Сев на колени, принялся медитировать: анализировать линии будущего, вылавливать из множества несбыточных и ложных поворотов судьбы тот, который непременно должен произойти. Хананк тем временем завалился на траву и собрался подремать. Лайра не дала ему насладиться сновидениями, ее слишком заинтересовал смертный, который сумел победить фею в равной схватке, ведь подобного еще никому не удавалось.

— Где ты учился мастерству? — приблизившись к Хананку, спросила ск'йере.

Кхет тяжело вздохнул и посмотрел на фею уставшим взглядом. От этого взгляда у Лайры кольнуло в груди. Девушка невольно отступила на шаг и повторила вопрос, но воин, все также глядя на нее невидящим взором, не проронил ни слова.

— Он не ответит, — закончив медитировать, сказал Назарин.

— Он что, немой? — скривилась Лайра.

— Ты угадала.

— Как это случилось? — изменившись в лице, взволнованно спросила фея.

Прорицатель вопросительно посмотрел на своего друга. Кхет кивнул.

— Что ж, — усевшись на зеленую траву, заговорил прорицатель, — если Хананк не против, я расскажу тебе его историю. Последние полгода он служил наемником в королевской армии Троегория, где быстро добыл славу лучшего мечника и стал охранителем принцессы. Король не учел, что любовь к женскому обществу может заставить моего друга забыть о долге. Уже полгода спустя Тодвиг узнал о позорной беременности дочери, приказал отрезать невыгодному зятю язык, чтобы он никому не рассказал о содеянном, и... В общем сделал так, чтобы Хананк больше никого не обрюхатил, и вышвырнул его из города. Но мой друг не из тех, кто забывает обиды. Под покровом ночи он проник во дворец, по стене взобрался в покои короля и ответил ему тем же. Хм, теперь Тодвиг немой король, который уже никогда не сможет зачать себе наследника... Он долго искал обидчика, снарядил для поиска лучших сыщиков, но с того дня о Хананке больше никто не слышал. Конечно, после знакомства со мной он стал неуловим, как ветер.

Кстати, он не остался передо мной в долгу и обучил фехтованию. Знаешь, даже элементарная техника, несмотря на свою простоту и незаурядность, дает мне превосходство над другими. Ведь я знаю наперед каждый последующий шаг соперника: каждое движение, каждый удар. Даже Хананку трудно меня победить...

Потеряв интерес к рассказу прорицателя, Лайра села напротив кхета и, прикоснувшись к его сознанию, повторила недавний вопрос:

— Где ты учился мастерству?

«У мастера Накато», — спокойно ответил Хананк, будто каждый день к нему обращались силой мысли.

«Мне ничего не говорит это имя. Но я еще ни разу не встречала смертного, который смог бы соперничать со мной в бою, а уж победить... Я думала такое невозможно».

«В мире нет ничего невозможного», — философски рассудил кхет.

«Скажи мне имя своего меча».

«Угрюмый», — кхет выхватил звенящее колокольчиками оружие, положил его перед собой и, достав из-за пояса короткий вакадзаси, добавил: — И Веселый».

«Лилия», — ответным жестом Лайра вытащила из-за спины свой меч и положила его рядом с клинками Хананка.

Назарин с интересом наблюдал за безмолвной сценой и криво улыбался. Иногда ему было мучительно больно знать заранее все, что произойдет, хотелось от жизни неожиданностей, сюрпризов. Но ему было ведомо, что еще несколько мгновений Хананк и Лайра просидят без движения, глядя друг другу в глаза, и начнут разговор, в котором вместо слов будут выпады, вольты, пируэты, финты и обманки.

«Угрюмый и Веселый рады знакомству», — улыбнулся кхет, продолжая неотрывно смотреть в глаза феи.

«Ты разговариваешь со своими мечами?».

«Нет, но мы с ними одно целое и мыслим одинаково».

«Я тоже рада знакомству...»

«Я видел, ты летала в бою, — в глазах Хананка заплескал огонь, когда он вспомнил о недавнем поединке. — Мастер Накато тоже обретал в сражении способность летать. Научи меня».

— Я фея, Хананк, фея! — расхохоталась Лайра и отвела взгляд, разрушив тем самым тонкую пелену концентрации. — Если ты не видишь моих крыльев, это не значит, что их нет!

— Осторожнее, — наставнически предупредил Назарин, когда их со ск'йере взгляды пересеклись.

Сперва Лайра не поняла, к чему клонит колдун в монашеской рясе, а в следующий миг Хананк схватился за мечи и пошел в атаку.

Назарин с улыбкой наблюдал за поединком кхета и ск'йере. Он знал, чем закончится бой, но интерес вызывало не ожидание финала, а сама грация идеально точных, выверенных движений двух фехтовальщиков, мастерство которых не знало себе равных. Фея играла, смеялась. Выпады ее были легкими и воздушными. Кхет был суров и сосредоточен, бил точно, коротко, скупое, словно боясь, что сил до конца боя не хватит. Лайра парила вокруг Хананка. Со стороны казалось, что ее превосходство неоспоримо, и победа — вопрос времени. Но мастер клинка парировал и отбивал, направлял свой меч в то место и в то мгновение, когда это было необходимо, не делал ни одного лишнего движения. Хананк ушел в глухую оборону, вид его стал еще суровее, нежели прежде, зато фея хохотала, откровенно насмехаясь над потугами кхета. Но было так лишь до того мига, пока Хананк не нанес свой первый и последний выпад. Изогнутый клинок застыл у шеи ск'йере. Фея замерла от удивления. Дважды проиграть смертному! Это не могло быть обычным везением. И это всего лишь ученик, не достигший последней ступени мастерства...

Хананк поклонился, неотрывно смотря в глаза Лайры. Впервые она увидела, как может преклонить голову тот, кто считает себя выше. По коже ск'йере невольно пробежал холодок — столько силы было в этом взгляде, столько внутренней гармонии и веры в себя, что фея против воли засомневалась в человеческой природе своего соперника. Он Ван-ди, не иначе.

— Спасибо за добрую беседу, — поклонилась в ответ ск'йере.

— Хватит любезничать, нам пора, — встрепенулся Назарин. — К вечеру будем у башни, а дальше — снова в леса.

К одинокой, высокой и тонкой, как минарет, башне, шпиль которой был увенчан крупным шаром, спутники вышли на закате дня. Светящаяся в верхушке здания сфера излучала мутное, бледное сияние, которое уползало множеством щупальцев к обрыву, вливалось в Хельхеймский купол и наполняло его магической энергией. Назарин боялся даже представить, что будет, если чародейские башни перестанут питать границу Силой. Но твердо знал, что сегодня одна из них лишится своего хозяина.

— Нас заметят, — заволновалась ск'йере, когда Назарин вывел всю компанию на открытую местность.

— Уже, — Назарин пошел быстрее: графские ландскнехты с собаками уже пустились в обратный путь и вскоре должны быть здесь.

— А пустят?

— Помолчи! — Назарин и сам не заметил, как полюбил тишину, как привык к Хананку, который никогда не доставал вопросами. А вот неумолкающая фея уже начинала бесить прорицателя, но ее роль в кампании еще не была сыграна — приходилось терпеть назойливость ск'йере. — Если я иду, значит пустят.

Вскоре вся компания вошла под свет магического шара, и его бледно-белое сияние стало отдавать синевой.

— Мне здесь не нравится, — заволновалась ск'йере.

— Ты когда-нибудь замолкаешь?

- Когда ем.
- Тогда пожуй чего-нибудь. Не видишь, я думаю.
- Хм, если честно, то не вижу. По тебе сразу и не скажешь.

Прорицатель резко остановился, не дойдя до ворот нескольких шагов, и внимательно посмотрел на магический шар, который уже отчетливо светил синим огнем и не посылал к куполу энергетических импульсов. Назарин, даже не обладая большими колдовскими талантами, почувствовал, как слабеет Хельхеймская защита.

- Сейчас откроют, — подойдя к двери, сказал Назарин и, как всегда не ошибся.

Обитые клепаными металлическими пластинами створки не сдвинулись с места, зато в правом углу врат распахнулась едва заметная крохотная дверь. Из нее, с трудом протиснувшись через узкий проем, вышел крупный мужчина в широком камзоле, полы которого доставали до земли. Пограничный маг приблизился к незванным гостям и смерил их недовольным взглядом узких, хитрющих глаз. Лицо его было круглым, как шар на шпиле. Голова гладко выбрита, но на затылке росла длинная, до пояса, коса. Внешностью он был весьма похож на Хананка, только кожа отдавала заметной желтизной, а глаза у были у же, но взгляд не менее упрям и пронзителен.

- И чего вам надо? — недоброжелательно спросил маг.
- У меня к тебе предложение, Зарахат, — заговорил Назарин.
- Ага, жрец Симионы неплохо осведомлен.
- Я знаю о тебе все, драконоборец. И именно поэтому здесь.

— Выкладывай, что у тебя, — маг сощурился, отчего глаза его и вовсе превратились в две неразличимые щелки. Зарахат, улыбаясь, внимательно осмотрел всех, кто к нему пожаловал. Крепкий, жилистый кхет с длинным и коротким мечами на поясе. Девушка, на удивление хрупкая, нежная, с телосложением не подходящим для фехтования, но при оружии. Зеленые глаза ее горели огнем, а за спиной распростерлись атрофированные магические сгустки — остатки волшебных крыльев. Ск'йере. Редкая гостья.

— Мне надо, чтобы ты пошел с нами... — начал было Назарин, но горгоротец, расхохотавшись, не дал ему договорить:

— Надо? Тебе? А может еще и фее с язычником? — Зарахат никогда не отличался хорошими манерами, а с тех пор, как был подряжен охранять и подпитывать одну из пограничных башен, так и вовсе стал невыносим. — Пожаловала странная компания под покровом ночи, и теперь я должен все бросить и отправиться с вами? И не подумаю!

— А подумать бы стоило, — в тон ему ответил Назарин. — Я предлагаю тебе заняться тем, что ты делаешь лучше всего.

— Да? И что же это? Удиви меня! — Зарахат не скрывал ехидства, он знал, что его истинным талантам уже никогда не найти правильного применения. Он — драконоборец, боевой колдун с исключительными, но узконаправленными способностями. Все, что он умеет, все, на что хватает его талантов — это убивать великих существ. Одна беда: их больше не осталось. Зарахат знал это. На его руках была кровь королевы драконов. Когда-то он остановил Огнедышащие войны, но, сделав это, лишил свою жизнь смысла. Теперь горгоротская гильдия магов нашла его талантам иное применение, и Зарахат, лучший из драконоборцев, был обязан тратить свои колдовские силы на поддержание купола, закрывшего некромантов в их исконных землях. Так великий маг превратился в раба, узника одинокой башни, стоявшей на краю мира.

— Удивлю, — вырвал Зарахата из размышлений голос монаха. — Ты нам нужен, чтобы убить дракона.

- Издеваешься? Драконов больше нет, последний умер от моего клинка.

— Это ты так считаешь, но один все же остался. Я покажу. — Прорицатель подошел вплотную к драконоборцу и приложил руки к его вискам.

Зрение ненадолго покинуло Зарахата, мир вокруг окутала тьма. Но вскоре тьма рассеялась, и горгоротец увидел, как огромный ящер поднимается в небо и парит над людским войском, убегаящим от огня в разные стороны; увидел, как его башня погружается

в едкое пламя, а за ней — башни других магов. И с каждым новым мигом защита купола становится все слабее...

— Хватит! — Зарахат резко шархнулся в сторону. Сердце его учащенно заколотилось. Он был дико взволнован. Нет, за купол он не переживал, ему было плевать на башни. Зарахат, пожалуй, даже порадовался бы, превратись его узилище в пепел. Но дракон... Неужели существует еще одно вечное создание? Еще одна мишень, которая хоть на короткий миг подарит его жизни смысл? Надежда затеплилась в сердце драконоборца, но он никогда и никому не верил на слово. — Говори правду и не смей мне лгать, — приказал Зарахат и прикоснулся пальцем чуть выше носа Назарина. — То, что я видел, правда?

— Правда может стать таковой, — покорно отозвался храмовник.

— Откуда ты знаешь об этом?

— Я прорицатель. И вижу будущее таким, но его можно изменить. Все в твоей власти.

— Ты не лжешь, — Зарахат убрал палец с «третьего глаза» прорицателя. — Хорошо, я согласен идти с тобой, но мне нужно время, чтобы дождаться смены.

— Пока ты здесь, ее не будет. Никто не отпустит пограничного мага, который скорее каторжник, чем колдун. Тебе, Зарахат, надо покинуть пост сейчас, никого не дожидаясь.

— Но купол... — драконоборец задумался. По большому счету поддержание границы его не волновало, все, кто был ему дорог, уже покинули этот мир, а судьбы остальных людей Зарахата не заботили. Идеи, за которые он когда-то готов был сложить голову, и страна, которую любил больше жизни, умерли вместе с последним драконом. Драконоборца бросили все: враги, друзья, правители, гильдия магов, обычные обыватели. Герой стал изгоем сразу после того, как в его услугах перестали нуждаться. Стоит ли теперь беспокоиться за их судьбы? Заслужили ли они безопасности, купленной ценой того, что Зарахат гниет в этом узилище? Нет, не заслужили. А сам Зарахат уже устал быть рабом башни, которая день ото дня выкачивает его магические силы. Жизнь цепного пса его утомила.

— Без одного накопителя защита не станет слабее, — уверял Назарин, но колдун уже не нуждался в уговорах.

— Ждите, — уронил горгоротец и скрылся в узком дверном портале.

— Я и не сомневался, — улыбнулся Назарин и посмотрел на задумчивую ск'йере. — Что-то не так, фея?

— Прорицатель? Фанатик? Ты не остановишься не перед чем, чтобы достигнуть своей цели.

— Если эта цель — спасти человечество, то ты права, фея. Ничто и никто не остановит меня.

— Надеюсь, твой фанатизм не приведет к катастрофе, — бросила Лайра и отвернулась, дальнейший разговор ее не интересовал.

— К катастрофе приведет бездействие, но, поверь мне, её не будет, — улыбнулся Назарин и уставился на вход в башню, где уже стоял драконоборец, облаченный в начищенный до блеска «зеркальный» доспех.

— Идем, — поторопил Зарахат, напяливая на голову шлем с забралом в виде демонической маски.

— Не спеши с доспехами. Все самое интересное начнется еще не скоро, а привлекать лишнее внимание нам ни к чему.

— Идем, — натужно повторил Зарахат. — Скоро здесь будут маги.

— Лайра, замети следы.

Ск'йере уже собиралась отказать, а то и вовсе покинуть невеселую компанию, но посмотрела на Хананка, который слепо верил своему другу, и поняла, что отказ будет означать для него гибель.

— В последний раз, — зло процедила фея и вдруг поняла свою роль в затее прорицателя...

Глава 12. Фаворит королевы

Виконт Жерар III (1248/1253 — 1273/1278, Амиц), старший сын графа Бэлиана де Пикиньи.

Род его шел от видамов Амьена. Во времена восхождения Альберта Трижды Великого к трону Хельхейма де Пикиньи выступили на стороне узурпатора и при его поддержке захватили власть в графстве. Господствовали в Амьене до конца правления Трисмегиста, а позже, как и остальное дворянство, потеряли свои привилегии: Балор Дот, проводивший политику «людских свобод», лишил их власти, земель, доходов, сохранив лишь титулы и имя. Несмотря на подобную немилость, де Пикиньи не изменили своей семейной традиции, по которой отдавали старших сыновей в обучение некромантам.

В дни Красного путча Жерар III был назначен на пост коннетабля. Командовал обороной Хельгарда, где снискал героическую славу.

«Графы де Лармон-Пикиньи» Сен-Картен Виго

Огненный взрыв окрасил лиловым горизонт. Разгораясь, он все быстрее охватывал кровавым пламенем лигу за лигой, проникал в глубь мира мертвых, наполняя его божественным гневом. Огонь бушевал, ярился, освещал сумерки, разгонял тени, но остановился у безлюдной крепости, за которой скрылась многотысячная армия. Засвистал ветер, исполняя грубую песню, серые тучи быстрыми тенями сковали солнце и за миг погубили красное зарево. Хельхейм вновь погрузился во мрак.

— Командуй, Барклай, — кивнул рыцарю смерти Арганус.

Темный лорд махнул рукой и сотни неупокоенных, идущих в ровном марше, без единого звука рванулись вперед. Скелеты, зомби, псы и драугры были безмолвны, но от грома их шагов содрогнулась земля, а звон мечей и доспехов разнесся вокруг на многие лиги.

Гарнизонные скелеты с луками и мечами наизготовку выстроились на крепостной стене. У них был приказ: «Стоять до конца», они его выполняют. Вот только некромант, веками ранее отдавший это указание, даже представить себе не мог, что его немертвые воины будут сражаться с себе подобными. Нападавшие были рядом. Те, что держали таран, без всякого прикрытия и защиты бежали впереди. Скелеты гарнизона отпустили тетивы, и сотня стрел обрушилась на войско Барклая. Лорд гортанно расхохотался. Древки стрел беспомощно застряли меж костей, бесполезно воткнулись в мертвую плоть проржавевшие наконечники. Погиб последней смертью всего лишь один — наконечник проткнул ему глазницу, красное око, связывающее с Хозяином.

А в следующее мгновение скелеты, несшие таран, несокрушимой волной обрушились на ворота. Нечеловеческая сила позволила им быстро выломать створки и ворваться в крепость. Гарнизонные лучники, выполняя бессмысленный приказ, все еще отстреливались, но это сопротивление вызывало у Барклая лишь хохот.

Арганус следил за штурмом молча, оценивая будущие перспективы. В первой крепости нет ни драугра, ни некроманта — защита слаба. Но на пути к Хельгарду будет еще немало фортификаций. По донесениям Ди-Дио, в замках, расположившихся ближе к столице, на стенах не было немертвых. Казалось бы, великолепная весть. Но Арганус знал, что все обстоит не так радужно: в этих замках есть маги-полководцы, которые не выставили воинов напоказ. Последующие штурмы могут затянуться. Главное успеть захватить Хельгард до того, как Фомор вернется с войсками из своей далекой и глупой кампании...

Скелеты-лучники бесполезно обстреливали штурмующих, мечники сражались с врагами в ближнем бою с гораздо большим эффектом. Барклай долго наблюдал за разворачивающейся картиной, но не выдержал и пустил коня вскачь. Рыцарь не может не убивать! Не убивать целых пять веков! Это слишком долгое время, проведенное без битв.

Остановившись у раскуроченных ворот, Барклай спешил и сорвал притороченные к

седлу два тяжелых фламберга. Взяв по одному мечу в каждую руку, ринулся в самый пыл сражения, но толком не успел насладиться битвой, которая закончилась, как ему показалось, слишком быстро. Рыцарь смерти, закованный в непробиваемый полный доспех, стремительно вклинился в ряды последних защитников. Под многочисленными вражескими ударами, высекающими на литом нагруднике снопы искр, гордо и победоносно прошествовал, разя неупокоенных наповал, легко, как нож, разрезающий масло, вырубая в плотном строю противника широкую брешь. Барклай попал в свою стихию, почувствовал себя рыбой в воде. И сейчас мечтал только о том, чтобы бой никогда не кончался.

Арганус, которого сражения ничуть не забавляли, а скорее нагоняли тоску, потерял интерес к штурму. Погрузился в мысли, в расчеты, которые должны посадить его на трон Хельхейма. Все было готово и продуманно. Остался лишь маленький нюанс и головоломка разрешится: кусочки мозаики, как всегда, сложатся в верном порядке и откроют цельную картину. Лишь маленький нюанс...

Арганус взял в руки прозрачную сферу, в которой поселился мутный дым, и всмотрелся в переплетающиеся между собой, закручивающиеся в маленькие вихри, туманные линии.

* * *

Потянулись неразличимые, похожие друг на друга, как капли воды, бесконечные коридоры, в которых невозможно было сориентироваться. Без чужой помощи Сандро и Дайрес не нашли бы путь наружу, не вдохнули бы чистый горный воздух, но их вели провожатые, которые сами создавали эти ходы и знали их, как пальцы собственных рук.

Вскоре, прошествовав запутанной сетью лабиринтов, вся компания оказалась в широкой комнате, которая, судя по каменному столу с фигурными ножками, и сиденьям, искусно вырезанным из грубого базальта, была столовой братьев Ивальди. Освещали ее лампы, горевшие на высоких подсвечниках с длинными треногами, и затухающий огонь изящно выложенного камина из редкого черного мрамора. На стенах висели многочисленные мечи, алебарды, топоры и секиры, сталь которых была украшена великолепными травлениями, гравировками, инкрустациями. Любой экземпляр, несомненно, послужил бы гордостью для самого изысканного коллекционера.

— Неподражаемо... — восхищенно протянул Дайрес, прикоснувшись к лезвию тонкого прямого меча с витиеватой, вырезанной в виде дракона, позолоченной гардой.

— Ха! — усмехнулся Хемдаль. — Сразу видно: в душе ты карла.

— Нет, что ты. Просто мой отец великолепный фехтовальщик... Только меня не захотел обучать владению оружием...

— Не стал обучать? — задумчиво переспросил Хемдаль. — Не Диомеда ли ты сын?

— Он самый! — улыбнулся имитатор. О том, что Диомед небезызвестная личность Дайрес знал всегда, но вест о том, что с его отцом знакомы даже карлы-отшельники, приятно порадовала.

— Печально... — тяжело вздохнул Хемдаль.

— Что ж в этом печального? — насторожился имитатор.

— Уважаемые, давайте все же перейдем к делу, — встрял в разговор Сандро и без приглашения уселся на коротконогое сиденье.

— Всему свое время! — воскликнул Хемдаль. — Делами займемся после еды и выпивки.

С этими словами он ловко снял доспехи, неаккуратно, даже небрежно, побросав их прямо на пол. Подошел к камину, раздул огонь и сыпанул в него неизвестного порошка, который, ярко вспыхнув, заставил пламя разгореться быстрее. Дайрес неотрывно следил за карлой, за тем, как тот ловко на весу шинкует морковь и репчатый лук, обжаривает их с кусками мяса в крупном, почерневшем от времени и частых готовок казане, закидывает в него какие-то неизвестные белые, мелкие зерна и все это заливает водой.

Тем временем Сандро, о чем-то наскоро потолковав со старшим Ивальди, ушел в его компании из столовой, а Брок стащил из корзины Хемдаля морковину, похватал доспехи брата и, жуя, поспешил в оружейную, чтобы сбросить лишний груз и со своих плеч.

— Прости... — заговорил Дайрес, оставшись с Хемдалем наедине, — но что опечалило тебя в судьбе моей семьи?

— Эх, не люблю сообщать дурные вести... Видишь ли, малыш, ко мне прилетал Хьюгин.⁶ Да-да, мы с ним часто беседуем. Он рассказал мне, что видел моего старого знакомого, твоего отца... видел в кругу мертвых. А что это может значить? Только то, что Диомед заодно с некромантами. Переметнулся к ним...

— Это невозможно! — воскликнул Дайрес и до хруста сжал кулаки. — Даже говорить такого не смей! Отец никогда бы не пошел наперекор своим заветам.

— Говорю же: печально. — Оставив варево на огне, Хемдаль подошел к имитатору и дружески положил руку ему на плечо. — Да ты сам, думаю, не дурак, знаешь, что Хьюгин никогда не врет.

— Он мог ошибиться или неверно истолковать увиденное...

— А что тут не так толковать? Все ясно: переметнулся, да и переметнулся. Кто знает, какие у него причины? Да ты нос раньше времени не вешай: шаман — ловкач. Видать, решил как-то исхитриться.

— Зря я ушел из дому. — Дайрес замолчал, смахнул с лица одинокую слезу, несколько раз глубоко вздохнул и заговорил вновь: — Не рассказывай об этом Сандро. Не хочу, чтобы он подумал обо мне плохо.

— Чего тут плохого-то? Дети не виновны в поступках родителей. Да ты не переживай, от меня он ничего не услышит.

— А твои братья? Они не расскажут?

— Нет, конечно, они же не знают! Ладно, сейчас покушаешь плотно, эля выпьешь, а там и жизнь наладится.

— Хорошо бы, — криво улыбнулся Дайрес, — чтобы наладилась.

* * *

А в это время Синдри допрашивал незваного гостя:

— Зачем ты здесь?

— Я уже говорил, — вздохнул Сандро, — мне и Дайресу пришлось скрыться от непогоды.

— Я спрашиваю не тебя, — сказал карла и повторил свой вопрос: — Зачем ты здесь?

— Нам нужна ваша помощь, — отозвался Трисмегист, принимая видимый облик.

— Здесь ты ее не найдешь. Ты зря пришел, Тривеликий.

— Синдри, ты пережил многих своих соплеменников, и должен помнить, что многие из них умерли от рук некромантов. Ты воевал, был генералом в Последней войне. Неужели, тебе не хочется довести дело до конца и покончить с неупокоенными?

— Свое дело я сделал: некроманты — пленники в своих же землях.

— Надолго ли? — вмешался Сандро, поняв, наконец, какие цели преследовал Трисмегист, когда заманил своего же ученика в опасные пещеры. — Да, цепь ошейника, на который посадили некромантов, крепка. Но ведь не вечна.

— Неубедительно. Мне говорили это сотни раз. Придумай нечто новое.

— Повелители мертвых убили твою семью: отца, жену, сыновей, — запальчиво заговорил друид. — Их убил тот, кому мы идем мстить.

— Арганус сделал это по твоему приказу.

⁶ **Хьюгин и Мьюнин** — говорящие вороны, которые облетали весь мир, возвращались к Ёдину и рассказывали ему об увиденном.

— Мой рассудок был затуманен. Я не был собой.

— Как и Арганус, — добавил Синдри. — Ненавидеть тебя, Тривеликий, у меня гораздо больше причин, чем его. Но я помню не только зло, которое ты сотворил, но и добро. Поэтому и не прикончил тех, кого ты привел.

— Былого не воротишь, — заметил друид.

— Теперь другое время, но беда та же, — подхватил Сандро. — Некроманты не успокоятся пока не получат полную власть; пока не превратят всех людей в своих рабов...

— И что с того? Мы с братьями не вмешиваемся в дела Большого мира. Мы вечны и переживем не только людей, но и некромантов.

— Да ты обыкновенный трус! — скривился в гримасе презрения юноша. — Трус, который скрывается за высокими идеями.

— Никто не смеет называть меня трусом! А если хочешь проверить мою храбрость, выходи на бой!

— С удовольствием! Но если проиграешь, то пойдешь с нами.

— Идет! — одобрил Синдри, зная, что бессмертного невозможно победить.

— Я бы не делал этого, — прошуршал в голове некроманта голос Трисмегиста.

— Поздно...

Сандро не знал, как победить, но не хотел отступать. Три бессмертных умелых воина и полководца будут хорошим дополнением к его малочисленному отряду. Такой подарок судьбы, или же не судьбы, а Трисмегиста, нельзя было упустить.

— Убивать я не стану, но быть тебе битым, — предупредил Синдри, отошел на десяток шагов от некроманта и приготовился к бою.

— Начнем, — кивнул юноша и сплел первое заклинание.

Карла со скоростью рыси рванулся вперед. За какое-то мгновение преодолел расстояние в пять шагов и уже размахнулся топором, когда огненный шар поглотил его целиком. Сандро попятился, опасаясь, что подобная волшебная не сможет ему помочь. Так и оказалось. Когда пламя истаяло, Синдри стоял цел и невредим, лишь подвижный нагрудник раскалился на нем докрасна и, судя по всему, нестерпимо жег плоть.

— А может и убью... — задумчиво выговорил карла, медленно приближаясь к некроманту.

Сандро выкрикнул новое заклинание, на этот раз из стихии воды. Ледяная стужа сковала Синдри, заставила его идти медленнее, но не остановила. С трудом передвигаясь, карла с каждым мигом становился все ближе. Сандро наколдовал Волну смерти и не поверил своим глазам, когда Синдри с виртуозностью ловца кинжалов принял выпущенный гримуар на пику своего топора и, ловко взмахнув, направил магию обратно на заклинателя. Чародей нейтрализовал собственное творение и, пятясь, поочередно ударил Стрелой хаоса, Нежностью Лилит и Плетью Хель — все безрезультатно.

— Тебе конец, полумертвый, — отбиваясь, уворачиваясь, а порой попросту оставляя магию без внимания, Синдри подошел вплотную к некроманту и размахнулся топором.

Сандро закрыл глаза, уже не рассчитывая открыть их снова, но в последнюю секунду, за миг до того, как сталь коснулась головы, выговорил формулу: выпустил в мир еще одно заклинание.

— Я победил, — открыв глаза и шумно выдохнув, сказал Сандро и обошел вокруг замершего без движения карлы. Улыбнувшись, дотронулся костяным пальцем до лба Синдри и что-то невнятно прошептал.

— Что ты со мной сделал, поганец! — взорвался криком карла.

— Всего лишь заклинание оцепенения, — пожал плечами Сандро. — Ты согласен, что я выиграл?

— Нет!

— Тогда у тебя будет целая вечность, чтобы еще раз обдумать свое решение, — с этими словами некромант развернулся и пошел прочь.

— Стой!

— Ты что-то хотел? — обернувшись, спросил юноша.

— Да, — пыхтя от злости, выдавил сквозь стиснутые зубы карла. Синдри уже несколько веков не доводилось признавать поражения. Тем более делать этого перед заносчивым, неопытным и малолетним колдуном. Но какой у него оставался выход? — Я согласен на ничью...

— Если так, то братья Ивальди пойдут войной на Хельгард?

— Да...

— Тогда ничья! — обрадовался некромант и снял действие чар.

— Осталось только уговорить братьев, — угрюмо уронил Синдри.

— На этот счет у меня есть идея, — подал голос Трисмегист и подошел ближе к старшему Ивальди: — Слушай...

* * *

— Слушай меня, слушай... — до сознания Морены доносился голос, больше напоминавший скрежет, но пробивались в нем знакомые интонации.

Властвующая королева догадалась, кто к ней обращается. Но сейчас она была слишком далека от своих покоев, чтобы призвать ментальную сферу-проводник. И, широко распахнув свое сознание, попыталась мысленно найти Хозяина и ответить на его Зов.

— Да, мой повелитель, — с покорностью рабыни отозвалась королева.

— Кто управляет Хельгардом в отсутствии Фомора? — до Морены донесся ласкающий голос учителя, к которому она прониклась не только уважением, но и любовью.

— Виконт Жерар де Пикиньи, — лаконично ответила королева и приготовилась слушать, чтобы продлить удовольствие от разговора. Арганус здесь, рядом. Уже скоро он дойдет до стен Хельгарда, возьмет столицу штурмом и подарит Морене свободу, а быть может еще и взаимность. Ах, она мечтала об этом больше всего на свете...

— Не позволяй ему связаться с Фомором. Наместник не должен знать, что я приближаюсь к Хельгарду и захватываю приграничные крепости.

— Да, повелитель, я все исполню в точн... Мерзкий паршивец! — выругалась Морена, поняв, что Арганус закончил сеанс связи, даже не попрощавшись. — Чтобы ты не задумал, милый, ты будешь моим! — пообещала она и поспешила в тронную залу, где надеялась разыскать Жерара.

Виконт был на месте. Он озадаченно ходил из одного угла в другой и нервно постукивал костяными пальцами по рукояти висевшего на поясе меча. Жерар был одет в черный с красными вышивками плащ, под которым виднелся красный камзол с геральдическим драконом на груди, на челе — обычном голом черепа — красовалась скромная диадема из белого золота без инкрустаций — знак временной власти. Это был новообращенный лич с хорошими магическими задатками. Но он мог похвастаться лишь грубой силой, а не умением плести витиеватые, тонкие гримуары.

— Морена! — увидев королеву, обрадовался виконт. — Королева, мне, вашему скромному почитателю, нужен ваш совет.

— Говори, — властно отозвалась некромантка.

— О, повелительница мертвых, хранительница душ и...

— Хватит! Выкладывай, что у тебя. И покороче.

— С одной из приграничных крепостей прервалась связь. Я опасаясь, что это вражеское нападение...

— И что ты хочешь от меня услышать? — иллюзорные брови Морены удивленно изогнулись.

Всем некромантам: и пребывающим в столице, и живущим вдали от Хельгардских фонтанов, было известно, что королева Хельхейма ненавидела свою мертвую личину и скрывала ее под магией. Морена была мастером иллюзий и, с помощью воистину неподражаемого колдовского таланта, без труда воссоздала свою прежнюю, человеческую

красоту.

— Совет, моя королева. Совет — это все, о чем я прошу, — учтиво поклонился Жерар, исподлобья взглянув на налитую жизнью грудь, маняще скованную тугим корсетом.

— Ты получишь его, — проследив за взглядом виконта, призывно улыбнулась Морена.

— Мой меч у ваших ног! — преклонив колено, воскликнул Жерар.

Морена долго и пристально смотрела на виконта и только теперь поняла глубину чувств, которые испытывал к ней новообращенный лич, еще не утративший человеческое начало. Он по-прежнему видел в ней женщину, утонченную и изысканную. С годами, веками, это чувство остынет, канет в небытие, но сейчас оно было крепко в погибшем сердце виконта. Морена с готовностью приняла этот неожиданный дар. Она подошла ближе к молодому личу, который еще не успел растерять человеческой любви к красоте, провела рукой по его костяной щеке и надменно посмотрела в глаза.

— Жерар, ты должен остановить Аргануса, перебить его воинов всех до одного. И сделай это сам, без помощи наместника, опередив его. Не говори ему ни о чем. Молчи. Ты заберешь его славу, а позже, когда Балор Дот вернется из Залов Аменти, тебе достанется не только слава Фомора, но и его место в Совете.

— Нет создания коварнее женщины! — восхищенно сказал виконт и послушно поднялся, повинувшись легкому касанию руки, тепло которой он чувствовал, даже понимая, что перед ним иллюзия. Он прижался к раскрытой ладони, не желая, чтобы тепло человеческой плоти его покидало.

— Ты преувеличиваешь, Жерар, — снисходительно улыбнулась Морена. — Мы, женщины, просто не любим, когда наши фавориты плетутся в хвосте. Поэтому всячески помогаем им подняться выше остальных.

— Фавориты? — переспросил виконт, смакуя это слово, как терпкое вино. — Мне нравится этот неожиданный поворот, моя королева! Я сделаю все в точности, как вы сказали.

— Что ты, милый, — прерывисто вздохнула Морена и приложила руку к груди, будто у нее кольнуло в сердце. От этого движения тугой корсет еще крепче сдавил женские прелести, отчего Жерару в один миг даже показалось, что завязки не выдержат и лопнут. Морена могла бы оказать виконту подобную услугу и наворожить соответствующую иллюзию, но не стала делать этого раньше времени. — Это полностью твое решение, Жерар. Твой план, твое осуществление, твоя слава. Я — всего лишь тень, которая в случае необходимости отведет от тебя удар.

— Вы лучшая из теней! — воскликнул Жерар и выхватил из ножен меч. — Славься королева!

— Славься... — Морена нежно провела по плечу виконта и, развернувшись, пошла прочь.

А Жерар с радостью и восхищением смотрел ей вслед. Его истаявшее сердце дико кричало. Вот она, та, о которой он мечтал! Но что может предложить девушке мертвец? Много! Очень много! И для того, чтобы заслужить ее расположение, он умолчит. Ничего не скажет Фомору, а сам примет бой и победит. Несомненно, победит! Во славу королевы. Во славу лучшей из красавиц!

Глава 13. Ночная охота

В те дни в городе бушевала чума. Познавшие кровь, почуяв чужие боль и страдания, страх и отчаяние, примчались на зов смерти, прилетели в усадьбу самого добродетельного из вестфальцев, чтобы обратить его в свои ряды, сделать порождением Мрака. Но, грех скрывать, прибыли в час лихой святые братья и изгнали детей Тьмы. Посему герцог, кроме как материально, не пострадал.

Приходская книга Вестфальского Собора

Тени кружили вокруг усадьбы Ливуазье, как опавшие листья, подхваченные ветром;

плясали в мерном, завораживающем танце; высматривали, наблюдали. Увидев достаточно, посчитав, что время пришло, они с соколиной скоростью обрушились на особняк. Зазвенело стекло разбиваемых окон, закрипела, захрустела ткань раздираемых занавесок, с гулким эхом рухнули входные двери.

Охота началась.

Окно в спальне разлетелось на мелкие осколки. Из ночи вышли человеческие силуэты, окруженные серой магической дымкой. Анэт закричала во все горло. Марта, не успев испугаться, схватила ребенка в охапку и рванулась к двери. На пороге ее встретил вампир, обнаживший в издевательском оскале сверкающие белоснежные клыки.

Марта попятилась.

— Отдай ребенка, — потребовал тот, что стоял у двери. — Отдай по-хорошему.

Немая помотала головой.

— Не отдашь? — зачем-то уточнил улыбчивый вампир и, резко прыгнув вперед, дернул за пеленки, пытаясь вырвать ребенка из рук Марты. Но немая крепко прижимала дитя к груди. — Дрянь! — выкрикнул кровосос и ударил девушку по лицу. Выпустив младенца, она упала навзничь.

— Не тронь её! — вскрикнула Анэт, сделала шаг вперед, но от молниеносного удара в затылок потеряла сознание и рухнула на пол.

Над ней, оскалившись, завис вампир и облизнулся.

— У тебя, милашка, должно быть вкусная кровь...

Сев на Анэт сверху, он провел языком по тонкой шее девушки и с жадностью умирающего от жажды впился мертвым поцелуем в ее плоть.

— Прекрати, Стригой! Не время... — попыталась остановить его Алекто, зачем-то, словно боялась собственной внешности, закрывшая лицо маской. Но вампир, не слушая ее, продолжал пить девственную кровь. — Регин, хоть ты его вразуми!

— Я занят, — уронил Высший и отпихнул от себя Марту, вцепившуюся ему в ноги, не дающую уйти, унести ребенка. — Прилипла, как клещ! — с негодованием прошипел он и ударил девушку в живот.

— Где эти молокососы? — нервно спросила вампирша. — Им и надо-то всего одну живую притащить. Чего телятся?

— Пойду, проверю, — подал голос Райоль, брезгливо наблюдавший за разворачивающейся картиной, и вышел за дверь.

Цепляясь за ноги вампира, Марта подползла к кровати и незаметно достала из-под нее тонкий серебряный кинжал с извилистой гравировкой на клинке, который спрятала в спальне младенца, узнав о том, что ее возлюбленный вампир. Ничуть не страшась возмездия, подняла руку на проклятую нежить.

* * *

Лаборатория Ливуазье располагалась в подвале, за погребом и винной мастерской, в которой герцог, соединяя элитные сорта винограда, создавал новые изысканные букеты. Когда на первом этаже послышались звон стекла и крики, Энин только-только распечатала зашифрованные замки и вошла в лабораторию. Сперва она не придавала посторонним звукам значения. Кто знает этого сумасшедшего вампира, хозяина усадьбы? Может, ему взбрело в голову наорать на бедную служанку и избавиться от лишней посуды? Крики повторились, и Энин все же решила проверить, что происходит наверху. Поднявшись на первый этаж, колдунья вмиг забыла об алхимии и опытах. В особняке царил хаос. Двери были выломаны, на полу блестели осколки битого стекла, а темно-серые драпри усеяли бисеринки крови.

— Эта шлюха убила Регина! — со второго этажа раздался незнакомый женский голос, и Энин рванулась туда.

Первых вампиров она встретила на лестнице.

— Постой, красавица, — улыбнулся, оголив клыки, кровосос. — Не хочешь

потанцевать нагишом под луной?

— Я не танцую с пеплом, — оскалилась Энин и, что-то тихо прошептав, взмахнула руками.

С пальцев колдуньи соскользнул гримуар. И вампира поглотило лунное сияние, которого он так сильно жаждал. Магия окружила его непроницаемым коконом и сдавливала тело до тех пор, пока не превратила в бесформенную грудку окровавленной плоти. Энин, не дожидаясь смерти первого кровососа, швырнула новое заклинание — Симфонию Хроноса, сочетавшую в себе магию огня и воздуха. Второго ночного охотника охватило внутреннее пламя, вмиг превратившее органы в тлеющие уголья. Когда гримуар вступил в следующую фазу, Энин уже столкнула поджаренного изнутри вампира с лестницы, а сама понеслась по коридору в спальню сестры. Кровососа за ее спиной раздуло от воздушных потоков, и вскоре его разорвало на сотни рдеющих частичек. Теперь Ливуазье было не избежать ремонта: его рогатые демоны, удерживающие свод, оживающие от игры теней балясины лестницы, картины с портретами беловолосых мужчин — все было безнадежно испачкано кровью.

В коридоре, у самих дверей в покои сестры, Энин встретила еще одного вампира, но на этот раз ей не удалось захватить противника врасплох и справиться с ним в два счета. Кровосос атаковал первым, привычной для этой братии темной магией. Энин блокировала лезвия Мрака, отразила осколки Тьмы, чуть не пропустила ментальное вмешательство в разум, но умело абстрагировала сознание от чужой волшбы. И только тогда у нее появилась первая возможность ответить на выпады противника. Она воспользовалась стихией огня и соткала стрелу Хаоса. Вампир одним взмахом уничтожил колдовство и вновь атаковал. На этот раз, уже поняв, что столкнулся с опытной соперницей, он действовал изощреннее и искуснее. Первым пустил в ход поцелуй Бездны, от которого Энин с трудом отбилась щитом Тривеликого; вторым — гримуар Дыхание Каэля. Магия окутала узкое пространство смертоносным ядом, который, проникнув в организм, поражал мышцы глаз, глотки и гортани, вызывая паралич дыхания и неминуемую гибель.

В последний момент Энин закрылась непроницаемым для любого колдовства коконом Ше лоб и все магические силы теперь тратила на его поддержание. Эликсир «недоросли» сохранял и концентрировал достаточно энергии, но даже этого было мало, чтобы долго защищаться от бесконечных атак Высшего. Когда сил почти не осталось и казалось, что смерть близка, Энин вспомнила о подаренных Арганусом двух эллипсоидных магнитных камешках, которые всегда носила с собой. Она достала их из лифа и кинула в вампира.

Комнату наполнил резкий, неприятный звук, исходящий от соприкасающихся и тут же отталкивающихся друг от друга юбер-орб. Вампир, не успев проанализировать магию соперницы, защитился сразу тремя блоками, полностью закрыв себя от колдовского воздействия, но щиты оказались бессильны. Зачарованные Трисмегистом магниты рассыпались на миллионы мельчайших осколков и поглотили Высшего в непроницаемой для волшбы сфере. Сфера становилась с каждым мгновением все у же, все меньше — все чаще крупинки юбер-орб бились о вампирскую плоть. Гримуар «дыхание Каэля», уже не получающий энергетической подпитки заклинателя, разрушился, и Энин наконец смогла снять с себя защитные чары.

— Хватит, Стригой! — громче магнитного скрежета прозвучал голос из комнаты. — Нет времени для игр. Уходим!

— Я не бросаю пищу!

Энин ворвалась в спальню сестры и увидела молодого, демонически красивого парня, бережно обнимающего Анэт и пьющего ее кровь. Заметив в дверях девушку, он метнулся в окно, прихватив с собой и жертву. Следом за ним выпорхнула вампирша, прижимавшая к груди ребенка. Высшие были настолько молниеносны, что Энин даже не успела бросить им в спины заклинания. Переборов секундное оцепенение, колдунья рванулась вниз, тая надежду поймать беглецов в саду. Вместо этого поймали ее — эстерцы.

Они схватили девушку на лестнице. Энин напрасно попыталась вырваться, даже попробовала применить магию, но церковники оказались полностью непроницаемыми как

для темной, так и для стихийной волшбы, а других школ молодая колдунья не знала. Священники выволокли ее на улицу и потащили к воротам. Один, с внешностью и повадками гоблина, то лапал Энин за грудь, то бил в лицо, то хватал за волосы и тащил вперед. Колдунья уже подумала, что ей не миновать паладинского кострища, но похоронила она себя раньше времени.

— Что здесь происходит? — спросил возникший из ниоткуда Батури и преградил эстерцам путь.

— Как это понимать? — возмутился Ливуазье. — Что за вторжение в дом праведного человека? А это еще что? Как вы посмели бить мою ученицу!

Веридий знал о нападении, знал, что мгновением раньше происходило в его особняке, и первым изъявил претензии, чтобы не дать такую возможность святым братьям.

— Здесь были исчадия Мрака, — оправдываясь, промямлил «гоблин» и, с удивлением обнаружив, что его руки покоятся на груди пленницы, отпустил девушку от греха подальше.

— А еще священник, — зло процедила Энин и резким ударом разбила эстерцу нос.

— И почему вы поймали мою ученицу, а не исчадий Мрака?

— Ну... это... Мы...

— Мы уже уходим. Простите за вторжение, герцог, — вмешался другой церковник, взял за локоть своего товарища, напрасно пытавшегося остановить капающую из носа кровь, и в сопровождении остальных святых братьев поспешно покинул усадьбу.

Как только эстерцы потерялись во мраке ночных переулков и исчезли из виду, Веридий метнулся в особняк. Энин схватила Клавдия за рукав и куда-то потащила.

— Быстрее!

— Что здесь стряслось? — оттолкнув от себя слишком назойливую девушку, спросил Батури.

— Тут были вампиры...

Клавдий не поверил. Он даже представить себе не мог, что на Ливуазье, единственного представителя дома Атис, нападут ночные охотники. У Высших достаточно ума, чтобы не делать этого, а у Низших — недостаточно смелости.

— Я убила трёх. Но двум удалось сбежать. Идем, идем за мной, мы еще успеем их догнать — ты успеешь.

Батури не слушал. Его внимание привлек Ливуазье, который вышел из особняка с обмякшим телом Марты на руках. Лицо вампира искривилось в гримасе страдания. Из глаз его катились слезы. Взгляд Веридия был бездумен, переполнен болью и отчаянием. Никогда за всю свою долгую жизнь Батури не видел подобного взгляда. Ему вдруг показалось, что на него смотрит пустота — безумная и яростная... пустота.

— Они убили Марту, — сделав несколько шагов, Веридий рухнул на землю и уронил мертвую девушку, словно у него не было сил, чтобы держаться на ногах. Подполз к возлюбленной, обнял за плечи и прислонился ухом к недвижимой груди. — Сердце не бьется, — прошептал он голосом, лишенным эмоций. — Как у нас, Клавдий. Не бьется. Мертва. Они убили ее...

— Вижу, — уронил Батури и рванулся в сторону особняка.

Двери были выломаны. Готический холл представлял из себя омерзительную картину. Кровь была повсюду: на полу, на стенах, на потолке. Клавдий не взбежал — взлетел по лестнице на второй этаж. На секунду задержался у новообращенного, корчившегося в предсмертных муках, вампира. Добил. И поспешил дальше: к спальне Анэт, к спальне Долорис.

Клавдий подбежал к колыбели, но никого в ней не нашел. Комната была пуста. Ни души. Лишь горстка пепла лежала у кровати в кругу крови, а в ней пылился кинжал с искривленным лезвием. Стрелой Батури метнулся обратно в сад.

— Где ребенок? — вампир подбежал к Энин, схватил ее за плечи и начал с силой трясти. Девушка не реагировала, уставившись на мертвое тело Марты и с ужасом думая о том, какая участь уготована для ее сестры. — Я спрашиваю тебя: где ребенок?!

— У Каэля, — вместо колдуньи ответил Веридий, сидевший, уронив голову на грудь, у труп возлюбленной и ливший горькие, мучительные слезы.

— Ты... — глаза Батури налились кровью, клыки удлинились, предвкушая скорую битву. — Это ты натравил на их меня, направил по моему следу. Поэтому и пытался поскорее вышвырнуть из города. Ты... — желваки на скулах Клавдия напряглись, он с силой, так, что костяшки на пальцах побелели, сжал кулаки. — Проклятый предатель...

— Прости, — равнодушно отозвался Ливуазье.

Батури прыгнул на друга, как дикий зверь, повалил на землю и начал бить по лицу, вымещая злобу и ненависть. Веридий не сопротивлялся: со смертью Марты внутри него оборвалась струна, тянувшая к жизни, заставлявшая бороться до конца, идти на предательство. Со смертью Марты истлело все.

— Прости... — отплеываясь кровью, твердил Веридий, — прости...

Батури избивал Ливуазье и не мог остановиться. Клавдий сам столько раз предавал, не друзей, но союзников, столько раз нарушал клятвы, что потерял счет изменам. И все же не мог до конца поверить в поступок Веридия. Сотни лет дружбы, пуды съеденной на двоих соли и бочки выпитого вина. Казалось, их жизни и судьбы неразрывно связаны. Неужели этого было мало, чтобы остаться верным до конца?

— Почему? — дрожащим голосом выдавил Батури и опустил руки. — Почему, Куница? Почему?

— Они были здесь до твоего прихода, — сплюнув тягучей кровавой слюной, ответил Веридий. — Шавки Каэля. Он знал, что ты придешь ко мне. Лисы всегда убегают другой дорогой, запутывают следы, но ты оказался плохим лисом: сам пришел в ловушку...

— Ты мог меня предупредить, — процедил сквозь стиснутые зубы Батури и нащупал на поясе смертоносный кинжал с искривленным, зигзагообразным лезвием. — Мог предостеречь.

— Прости... я не мог иначе. Они бы не оставили жизнь ни мне, ни Марте... — взгляд Ливуазье скользнул по возлюбленной, которая была рядом, на расстоянии вытянутой руки, но в то же время — бесконечно далека. — Теперь она мертва... я ее не уберег...

Из глаз герцога с новой силой покатались слезы. Батури выдернул из-за пояса кинжал и приставил к шее Ливуазье. Веридий этого даже не заметил, все его внимание было обращено на Марту, на ее неморгающие бледно-голубые глаза. В них не читалось страха, лишь холодная уверенность. Марта знала, что погибнет, но решилась на смертельный шаг, чтобы защитить чужого ребенка. Она всегда любила детей. Жаль, не успела родить своих. Не смогла. Из-за него. Из-за Веридия.

Ливуазье посмотрел на друга мутным взглядом и криво улыбнулся.

— Ты хочешь меня убить?

— Не хочу, чтобы ты меня снова предал.

— Тогда сделай это. И не медли.

— Проклятье! Куница, как ты мог?! Я исправлю твою ошибку... — Батури резко встал, спрятал кинжал обратно за пояс и, обратившись в кожана, взмыл в небо.

— Стой! — вслед ему прокричал Веридий и метнул в друга огненный шар.

Батури не успел увернуться. Пламя пожрало черный силуэт, но быстро исчезло. Огромных размеров кожан рухнул на зеленую траву магического сада, медленно обретая человеческое обличье.

— Ты не друг, Ливуазье, ты — дерьмо, — мыслеречью сказал Батури: огонь прожжет ему горло.

— Один ты не справишься. Я полечу с тобой, и мы вместе освободим девушку и ребенка.

— Я не приму твоей помощи. Не хочу бояться удара в спину...

Решив не дожидаться, когда регенерация восстановит обожженную кожу, Клавдий стал медленно плести заклинание, исцеляющее мертвую плоть.

— Они поставили на тебя ловушку, не лезь к ним раньше времени...

— Оплакивай свою дохлую кошку! — зло процедил вампир, когда залечил полученные раны. — Я обойдусь без твоих советов.

Энин молча наблюдала за разворачивающейся картиной, в десятый и в сотый раз прокручивая в голове сцену, когда Высший пил кровь ее сестры. Теперь Анэт обречена. Ни святая Симиона, ни великодушный Эстер, ни друиды, ни целители не смогут остановить вампирский яд. Анэт либо умрет, либо ее иницируют и сделают одной из кровососов. Но мысли ни о смерти, ни об обращении в нежить почему-то не пугали Энин. Наоборот. В ее голове возникла шальная идея.

Колдунья подошла к Батури, опустила перед ним на колени, нежно провела по его густым волосам и посмотрела в кристально-голубые глаза.

— Укуси меня... — осторожно попросила Энин и подставила шею, но Клавдий лишь отвернулся. — Укуси! — схватив Высшего за плечи, уже потребовала она. — Анэт рассказывала мне, что ты предлагал Сандро превратить меня в вампира, так почему отказываешься от своих слов? Кусай!

— Пошла вон! — Батури оттолкнул от себя колдунью. — Я дразнил мальчишку. Издевался над ним. Знал, что он откажется. Или ты подумала, что я говорил всерьез? Не смейся! Я повязан с тобой клятвой. Если ты станешь вампиршей, то я буду обязан вечно тебя защищать. Мне хватит и твоей сестры...

— Укуси, — из последних сил сдерживая слезы, взмолилась Энин, подползла к вампиру и повисла у него на шее. — Укуси, я полечу вместе с тобой и вызволю сестру. Я стану бессмертной и мне уже не нужна будет треклятая алхимия и эликсиры, чтобы поддерживать жизнь.

— Хочешь, я сделаю это вместо него? — вмешался Веридий. — И ты будешь бояться солнца, пить кровь детей и их матерей. Когда не найдешь людей, будешь кусать животину. А потом устанешь от такой жизни и выйдешь на балкон во время рассвета. Хочешь, я подарю тебе вечность?

— Хочу. — Энин поднялась, подошла к Ливуазье и поставила под укус оголенную хрупкую шею.

Веридий смотрел на девушку и видел, как набухают под ее тонкой кожей жилы. В нем вновь проснулось давно забытое желание напиться горячей человеческой крови, чистой, без привкуса вина и сывороток.

— Нет, Куница, не делай этого...

Ливуазье уже не слышал друга. Он раскрыл пасть и оголил два острых, отравленных проклятием бессмертия клыка. Клавдий оказался быстрее и отпихнул опьяненного жаждой крови вампира прежде, чем он укусил добровольную жертву.

— Приди в себя, Куница! — зарычал Батури и для острастки ударил герцога ногой в живот. — Хочешь потерять голконду? Снова стать кровососом?

— Я не привык отказывать дамам, — скривился в подобии улыбки Веридий. — Тем паче предложение было столь заманчивым...

— Ты та же мразь, какой был раньше, — брезгливо уронил Батури. — Я уйду на охоту. А ты отдашь девушку в руки священникам. И если прикоснешься к ней хоть пальцем, я сотру тебя в порошок и не вспомню о давней дружбе. Тебе известно, на что я способен. Прощай!

— Стой! Дождемся утра, отдадим ее Бенедикту и вместе полетим в замок Каэля. Одному тебе не справиться, а я жажду мести...

— Нет, Куница, я не нуждаюсь в помощи изменника. Мучайся. Я знаю, каково это: чувствовать себя клятвопреступником и предателем, но понимать, что не мог поступить иначе. Именно поэтому я тебя и не убил. Чтобы ты вечно помнил тот миг, когда стал таким же, как и я. Прощай, Куница. И пусть воспоминания об этом дне преследуют тебя вечно...

Батури взмыл к небесам. И на этот раз Веридий его не остановил, лишь с силой сдвигал кулаки, проклиная себя за совершенный поступок.

Глава 14. Дары темных альвов

И поселились они на краю мира, в недрах бездонных, в теле Имира. Цвергами звать их, темными альвами. И живут они там, света бела не видя, и роют все глубже, подбираясь к корням Иггдрасиля. Добывают в глубинах драгоценные камни и руды, и нет счета их несметным богатствам. И поделятся с тобою серебром и золотом, ежели сможешь разыскать их в жилах Имира. Но не спеши в гости к цвергам: примешь дары их — не выпустят тебя из подгорного царства, навеки заточат в лоне пещерном, а их безобразные жены зачаруют тебя, заставят ублажать их до конца времен, до рождения нового мира. Посему, ежели рок заведет тебя в жилы Имира, не прельщайся дорогими подарками, не бери в руки дары темных альвов, ибо навеки останешься в подземельях бездонных и будешь угодником бородастых колдуний.

«Байки о цвергах» народное творчество

Здесь жила магия. Неведомая никому, чарующая, обворожительная магия. Она была во всем: в сверкающих стенах, в бликах начищенной стали, в блеске горного хрусталя. Все благодаря освещению. Умелые карлы точно подгадали, где разместить светильники, в каком месте базальт необходимо разбавить лабрадором, куда поставить хрустальные вазы и шары.

Наблюдая за игрой бликов, прислушиваясь к убаюкивающему потрескиванию огня в камине и шипению фитилей в светильниках, Дайрес погрузился в некое подобие транса. Он упустил из виду вернувшегося в столовую Брока, не заметил пришедших и о чем-то тихо перешептывающихся Синдри и Сандро. Уже сидя за столом, не обратил внимания, как вокруг расселись остальные и принялись трапезничать. Ди-Дио пребывал в блаженном, ностальгическом расположении духа, вспоминал родные пещеры, домашний очаг, отца и мать. Он не слышал голосов и звона посуды, хотя без труда различал шум огня...

— Парнишка не в себе? — хлебнув эля, поинтересовался Брок и ложкой указал на имитатора.

— Оставь его в покое, — жуя, пробурчал Хемдаль.

— Что ты ему наговорил, Хем? Небось, опять читал стихи, которые сочинил для Вилеры? Да уж... после таких откровений любой полдня ходит в ступоре.

— Ничего я не читал! И вообще, чем тебе не нравятся мои стихи?

«Поставить пива жбан
На стол для всех друзей.
На вертеле баран...»

— Кончай болтать, налей! — перебил Брок и расхохотался.

— Ни беса ты не понимаешь в поэзии...

— Налей, говорю! — одной рукой тыча в кружку, а другой — держась за живот, сквозь смех пророкотал Брок.

— Вонючий хряк! — Хемдаль со злостью швырнул в младшего брата кружку, но промахнулся, чем еще больше его рассмешил.

— Прекратите паясничать, — сердито вмешался Синдри.

— Все, все, — развел руками Брок, — молчу.

— Да-да, а стоило бы заткнуться раньше, или вообще не разевать рот, — пробурчал Хемдаль, посмотрел на полную до краев кружку Дайреса и, пока тот заморожено наблюдал за бликами и не обращал на окружающий мир внимания, передвинул ее к себе и от души отхлебнул эля.

За время скитаний Сандро весьма изголодался, поэтому молчал до тех пор, пока не набил желудок, и заговорил, лишь покончив с едой:

— Я все хотел спросить. Почему вы не выходите на поверхность? Чем занимаетесь здесь, в этих горах?

— Многим, — отозвался Синдри. — Я — кузнец, доспешник и оружейник. Хемдаль — рудокоп, знаток тайных свойств минералов, мастер-инкрустатор. Младший, Брок, специализируется на механизмах. А вместе мы создаем настоящие шедевры...

Сандро хотел перевести беседу в нужное ему русло, заговорить о том, что карлы не только мастера, но и воины. А тем, кто привык сражаться, негоже уходить от битв и сидеть в четырех стенах. Но его сбили с мысли.

— Я вижу, — приходя в себя, заворожено протянул Дайрес. — Это на самом деле настоящие шедевры.

— О, крепкий малый! — с воодушевлением воскликнул Брок. — Всего полчаса просидел с задуренной башкой. Выходит, стихи Хемдаля на него почти не подействовали...

— Опять начинаешь?

— Ладно, молчу, — усмехнулся в бороду карла.

— А над комнатой я работал долго, — с улыбкой заметил Хемдаль. — Копать и обтесывать пришлось немало, а вкрапление в стены лабрадора для многих... Да что там для многих! Для всех, кроме меня — непосильная задача.

— Есть секрет? — спросил Сандро, надеясь повлиять на разговор.

— Конечно, есть! Все думают, что копать можно только вниз. Но я копаю вверх! Наперекор канонам!

Сандро изумленно посмотрел на рудокопа, но так и не разгадал ход его мыслей.

— Да-да, испокон веков все краснолюды бурили вниз, к земным недрам, — продолжал карла, — но мне известно, что там находятся не только земные колонны, удерживающие свод мира, но и жуткие твари, которым нет числа. Поэтому я обхитрил всех и стал копать вверх.

— А что будет, когда дойдешь до вершины?

— Как что? Начну копать вниз.

— Но там же жуткие твари... — напомнил некромант.

— Та, — махнул рукой карла, — пока я до них еще докопаю.

— Железная логика, — кивнул Сандро и, поняв, что разговор не даст никаких результатов, в лоб спросил: — Простите за нескромный вопрос, но почему вас называют «Безумцами»?

Нелестный ответ, касающийся умственных отклонений, так и крутился на языке некроманта, но он не решился озвучить свою догадку.

— Кто?! — Брок привстал, грозно оперся о столешницу и с вызовом посмотрел на Сандро. — Кто называет?

— Ответ прост, — вмешался Трисмегист. — Братьям Ивальди в бою неведом страх. И они с безумной храбростью идут в атаку.

— Так и есть! — Брок, даже не заметив в тоне друида язвительности, довольно улыбнулся. — В сражениях мы с братьями не раз убивали по тридцать, а то и по пятьдесят врагов — каждый!

— Да-да! А если выпить, то и по сто! — уточнил Хемдаль.

— Это у тебя в глазах двоилось... — отмахнулся Брок.

— Хватит бесцельно сотрясать воздух. Кто из вас помнит, когда в последний раз шел в бой? Когда это было? — старший Ивальди смерил братьев пристальным, испытывающим взглядом, от которого младшие карлы повесили носы и потупили взоры. — Молчите? Вот и я забыл... А знаете почему? — Синдри сделал продолжительную паузу и, не дождавшись ответа, заговорил вновь: — Опять молчите? Что ж, я скажу вам: потому что мы покрылись пылью в этих горах! Стали историей! Сказкой! Мы — прошлое! Этого хотел наш отец? Ради чего, спрашивается, мы, мудрейшие из краснолюдов, живем?

— Чтобы копить знания! — заметил Брок.

— В старке и эле ты не найдешь знаний.

— Хорошо, — нахмурился младший Ивальди, — что ты предлагаешь?
Синдри перевел взгляд на некроманта и спросил:
— Куда ты идешь, полумертвый?
— Воевать с нежитью, — ответил Сандро.
— Слышали? Он идет в бой. Один против тысяч.
— Воевать... — благоговейно протянул Брок. — Эх, давно мы не воевали, братцы.
— Да-да, — согласился Хемдаль. — А помните, на Лысой горе? Эх, и задали мы тогда альвам трепки!
— Точно! — припомнил Брок. — Оберон потом целую луну не мог собрать свое войско воедино. Все разбежались, наплевав на свою легендарную гордость.
— Сейчас начнется, — шепотом обратился к некроманту Синдри.
— А при Великих Кодубах! — сладко улыбнулся Брок. — Людей тогда отбили, как мячик для пинто.
— Да-да, двоих в тот день в хирде недосчитались, а хумансов не меньше трехсот положили.
Синдри поднял руку вверх и, дождавшись, когда раззадоренные братья утихомируются, заговорил:
— Вот что я вам скажу, братцы: долго мы живем в Черных Кряжах, слишком долго. Пора нам выйти на бой с нежитью и вернуть роду Ивальди былую славу. Решайте: идем с полумертвым или и дальше будем отсиживаться в горах?
— Идем! — не задумываясь, ответил средний карла.
— А ты, Брок, что скажешь?
— Пойду, но только если Хем выкинет свою палицу и в поход возьмет топор или бердыш.
— Не понял, — удивился зеленобородый и скорчил недовольную гримасу. — А чем это тебе мой моргенштерн не понравился? Я им столько голов смял, сколько тебе, братец, и не снилось.
— Ага, вот и мни головы скелетам. Сечь надо. Или рубить. А от твоей палицы толку нет. На кой бес нам бесполезный воин?
— Брок прав, — согласился Синдри. — Перед отправлением надо хорошо подготовиться. Взять с собой все, что может пригодиться, а остальное бросить здесь.
— Бросить?! — вознегодовал Хемдаль. — Все, что веками наживали? И вот так, все скопом — бросить? Я на такое не пойду!
— Оставайся, — махнул рукой Брок.
— Так как же тогда твое условие? — хитро сощурился рудокоп. — «Пойду, если Хемдаль выкинет палицу»?
— Ой, не придирайся к словам. Лучше пораскинь умом: как с ходячими трупаками проще всего справиться? Додумался?
— Но она меня столько раз выручала... — обижено промычал Хемдаль. Сандро даже показалось, будто на глазах карлы выступили слезы. — Не брошу!
— Ладно. Но топор с собой возьми. Лишним не будет.
— Значит, сборы! — воскликнул Брок и ударил по столешнице с такой силой, что кувшин с элем перевернулся, а из тарелок вывалилась еда. — Всем в кузницу, примерять наряды!
Против ожиданий Сандро, оружейная находилась довольно далеко. Пройдя по длинному туннелю, вся компания вышла к бездонной пропасти. Внизу, во мгле, шумела вода и слышались звуки падающих камней. Некроманту вдруг показалось, что выступ, на котором он стоит, рушится и земля уходит из-под ног.
— Не дрейфь! — хлопнул юношу по плечу Брок. — Порода осыпается всегда, но восстанавливается быстрее.
— Разве такое возможно? — удивился Сандро.
— Ба! Ты что, не знаешь мифов?

— И поселились они на краю мира, в недрах бездонных, в теле Имира... — задумавшись, процитировал Сандро. — Из тела его получилась земля, из крови — реки, а из волос — густые леса.

Брок хотел многозначительно ткнуть некроманта пальцем в лоб, но понял, что не дотянется, и ограничился словами:

— В точку, туголобый!

— А вы, значит, могильные черви, которые поедали тело Имира?

— Сам ты червь! — огрызнулся Брок и взялся за рукоять короткого широкого меча, висевшего у него на поясе. — За оскорбление ответишь!

— Так говорят легенды, — развел руками Сандро, ничуть не страшась вспыльчивого карлы.

Пока младший Ивальди и некромант спорили, Синдри опустил рычаг и активировал механизм. Каменная плита над головой вздрогнула и, на тросах опустившись вниз, поравнялась с парапетом. Карлы, не долго думая, бесстрашно шагнули вперед.

— Поторапливайтесь! — гаркнул Брок.

— Неужели, нельзя было протянуть обычную канатную лестницу? — не доверяя механизмам, закатил глаза Сандро, но все же взошел на каменную плиту. Дайрес тяжело вздохнул и последовал примеру некроманта.

— Держитесь крепче, — напутствовал Синдри, не указав, правда, за что именно следует держаться, ведь ни поручней, ни перил не было.

— И затяните пояса, чтобы не обмочиться, — хохотнул Брок.

В следующее мгновение каменная плита зашевелилась, на удивление мягко тронулась и за считанные секунды доставила всю компанию на противоположную сторону. За это время ни Сандро, ни Дайрес не успели даже испугаться.

— Великолечно! — восторженно воскликнул Ди-Дио.

— Как работает механизм? — заинтересовался Сандро.

— Двойной кабестан на системе шестерней и гирь, — заумно пояснил Брок. Увидев непонимающие взгляды некроманта и имитатора, махнул рукой: — А, недалекие! Все вам разжуй да в рот положи. Спускаем рычаг, гиря начинает колебаться и на пружине вращает шестерню — плита движется. Еще раз опускаем рычаг, шестерня уходит вверх и больше не крутится — плита стоит. Ясно?

— Ясно, — соврал Дайрес: подробности его не интересовали. — А есть еще что-нибудь похожее?

— Полно! — засиял Брок, но тут же принял привычно суровый вид: — Но это не место для развлечений...

Молчаливый Синдри, указывающий путь, свернул налево и вывел спутников в удивительный коридор, по-над стенами которого бесконечной вереницей выстроились статуи воинов-карл. Дайрес заворожено глазел по сторонам, вглядывался в морщинистые, суровые лица, всматривался в удивительные доспехи с разнообразными гербами и рисунками на груди. Ди-Дио с удовольствием задержался бы в этой зале, но карлы спешили и не остановились ни на секунду. Вскоре комната Славы осталась позади и взору имитатора предстала оружейная, совмещавшая в себе и кузницу.

— Брать только самое необходимое, — еще раз напомнил старший Ивальди. — А я тем временем преподнесу нашим гостям подарки.

С этими словами Синдри прошел к стоящему в углу комнаты сундуку и, порывшись в нем, извлек странный предмет. Присмотревшись, Сандро распознал в этой вещице чешуйчатую перчатку из странного, переливающегося на ярком свете множеством цветов и оттенков, сплава.

— Это единственная сохранившая часть от доспеха Оберона, — многозначительно пояснил Синдри и вручил подарок некроманту.

— Одна перчатка? — не сдержал улыбки Сандро. — А одного сапога у вас нигде не завалилось?

— Да он издевается! — возмутился Брок.

— Ничуть. — Сандро присел на каменную скамью, снял с ноги кожаный сапог и показал карлам.

— Чего тычешь? — недовольно пробурчал Брок. — Хочешь, чтобы мы задохнулись?

— Да помолчи ты, — перебил его Синдри, забрал сапог некроманта, взвесил в руке и посмотрел на ногу Сандро: — Все ясно! Ты залил в башмак свинец, чтобы уравнять вес тела.

— И длину ног, — кивнул некромант.

— Хо-хо! — воскликнул Хемдаль и, заинтересовавшись, подошел ближе. — И что это значит?

— Мертвая сторона легче: на ней нет плоти. И по этой же причине она короче. Пришлось исхитриться.

— Отлично! — обрадовался Хемдаль. — Мы уже давно не получали заказов и с удовольствием возьмемся за дело. Какого эффекта тебе не хватает? Ядовитое жало в носке? Шипы, чтобы ходить по скалам? Выдвижные крылья, чтобы пикировать при падении? Меняющий свойства металл, чтобы утяжелять ногу при ударе? Ртутная примесь, чтобы держать равновесие?

— Достаточно обычного сапога...

— Тьфу! — раздосадовано сплюнул карла. — Ты не ценишь труд краснолюдов! Не будем же мы, самые умелые из подгорного народа, делать обычные железяки?

— А почему нет? Я же не прошу большего.

— Что ж, — задумчиво протянул Синдри, — полумертвый просит башмак, сделаем ему башмак. Да такой сбалансированный и точный, что он удивится нашему мастерству.

— Да-да, идеальный баланс — наш конек! — вдруг решив, что им все-таки достается работа, достойная руки мастера, с улыбкой заметил Хемдаль и поспешил в соседнюю комнату, чтобы раздуть горн.

— А тебе, имитатор... — Синдри смерил Дайреса оценивающим взглядом. — Да, тебе, думаю, как раз по росту будет. У нас есть особый подарок, сделанный специально для твоего отца — прямая обоюдоострая сабля, с секретом.

— Мы назвали ее «шпага», — Брок стянул со стены меч с витой гардой и тонким клинком и протянул его Ди-Дио. — Неоценимая вещь в бою.

— Но она мне ни к чему, — замялся Дайрес. — Я имитатор. Любые вещи меня ограничат. Я же не смогу из-за них менять облик.

— Постой, — уронил Сандро. — Ты меняешь облики, а что же происходит с твоей одеждой? Почему она не портится?

— Он голый! — гортанно расхохотался Брок. — Великий Имир, только погляди, с кем приходится иметь дело! Твои ученики, Тривеликий, с каждым разом становятся все глупее.

— Одежда, которую ты на мне видишь — моя кожа, — смущенно пояснил Дайрес. — Я имитирую даже ее.

— Удивительно, — заинтересовался Сандро и, подойдя к Ди-Дио, притронулся к его плащу. — На ощупь, как настоящий...

— На вид, на прикосновение, на свойства — он во всем, как настоящий. Такова моя природа.

— И что, вы совсем не носите одежд?

— Нет, почему же. Дома мы одеваемся, а ткацкое искусство Ди-Дио не знает себе равных...

— Да шарлатаны вы все! — возмутился Брок. — Никакого искусства у вас и в помине нет.

— Неправда! — возразил Дайрес. — Просто многие не видят того, что выходит из-под рук Ди-Дио. Был даже такой случай: наши ткачи создали для одного человеческого короля настоящий шедевр — самый невесомый наряд, который когда-либо существовал. Но ни придворные, ни народ не видели этих одежд: их слабое зрение просто не могло уловить столь тонкой ткани. Все посчитали, что король голый.

— Ага, он и был голый, — добавил Брок. — И хватило ж ему ума пройти нагишом через весь город! Хотел бы я хоть одним глазком взглянуть на этот парад...

— Есть у Ди-Дио мастера!

— Да-а, именно поэтому тех ткачей и выгнали с позором из города. Не выдумывай! Имитаторы не тот народ, чтобы создавать шедевры...

— Наболтаетесь в пути, а сейчас о деле, — вмешался Синдри. — С тебя, полумертвый, и с тебя, Ди-Дио, мы снимем мерки и перекуем для вас доспехи из старых запасов.

— Но я уже говорил, что не могу носить вещи, — напомнил Дайрес.

— Ты не знаешь, кто перед тобой? — сурово спросил Брок. — Мой старший брат — «Мастер, оживляющий металл».

— На тебе будет не обычный доспех, а живой, — пояснил Синдри. — Он сумеет принимать те облики, которые ты пожелаешь.

— Тогда я согласен!

Сандро скептически посмотрел на Дайреса, перевел взгляд на Синдри и тихо сказал:

— Не будем тратить на ковку время, у нас его не так много.

— Два-три часа ничего не решат, — заметил Трисмегист. — А братьям Ивальди не понадобится много времени, чтобы снять мерки и перековать уже имеющиеся доспехи. Они — я имею в виду карлы — знают свое дело и за века отточили кузнечские навыки. Тем более, перед дорогой тебе и Дайресу не мешало бы выспаться.

— Хорошо, — сдался Сандро и только теперь почувствовал, что борьба с непогодой, царившей снаружи, долгий путь через скалы, а в довершение ко всему сытная еда и отдых — все это вконец его утомило. Он ощущал страшную сонливость, которую до этого момента старательно отгонял от себя.

Получив согласие, Синдри тут же принялся за дело: закружился вокруг гостей, осмотрел их от головы и до пят, а некроманта даже заставил раздеться, чтобы увидеть точную структуру его тела. Все это заняло не так много времени, но Сандро настолько вымотался, что с трудом стоял на ногах и, добравшись после всех дел до кровати, тут же провалился в глубокий и безмятежный сон.

Сандро проснулся с ощущением, что за ним наблюдают. Он осторожно, без единого шороха, перевернулся набок и открыл глаза. Перед ним сидел Дайрес, уронив голову на грудь и, не говоря ни слова, шевелил губами, будто молча читал какое-то заклинание. Сандро прислушался и различил тихий, сбивчивый шепот Дайреса:

— Я не буду этого делать... не буду... это против правил дружбы... против правил отца...

— Что-то не так? — поинтересовался некромант.

— Все в порядке, — криво улыбнулся имитатор, неумело скрывая ложь.

— О чем ты говорил?

— Я не говорил... Думал. Не хотел тебя будить.

— Нашел из-за чего переживать, — вставая, пробурчал Сандро. — Так что, карлы подогнали доспехи?

— Да! Свои я даже примерил. Как рыцарь из легенд!

— Ладно, рыцарь, идем, посмотрим, насколько хороши наши кузнецы.

Несмотря на то, что изначально Сандро скептически отнесся к затее с тяжелым снаряжением, результат его приятно удивил. Доспехи сидели на нем, как литые, ничуть не сковывали движения, а металл, из которого они были сделаны, оказался легким, почти невесомым.

— Сталь прочная? — постучав по нагруднику, усомнился некромант.

— О, будь покоен, — довольно улыбнулся Хемдаль, — крепче ты нигде не найдешь. Этот сплав мы называем Титаний, в честь королевы альвов, сила и могущество которой вошло в легенды.

— Что ж, поверю на слово... — осматривая себя, протянул некромант.

Первым делом Сандро проверил наручи. Были они с перфорированными крыльями

наплечников и привязанными налокотниками в форме «открытой раковины». Задние крылья были довольно крупными, доходили до самих лопаток, где, перекрывая друг друга, весьма надежно защищали слабый, с глубокими вырезами в стыковочных местах, наспинник. Правая перчатка, предназначенная для мертвой кисти, была составлена из мельчайших, наложенных друг на друга пластин, которые точно имитировали драконью чешую. Большой палец и запястье открывались и крепились на специальных шарнирах. Левая перчатка несколько отличалась от правой. Была она с латунной окантовкой, выступами на суставах и с фестончатой отделкой краев. Большой палец так же крепился на шарнире. Порадовали поножи: несмотря на внешнюю идентичность, они различались по весу и размерам. Кроме того обеспечивали полную защиту: с налядвенником из двух частей и подвижными пластинами при наколеннике. Подбородник шлема, выполненного в форме салада, крепился к нагруднику и был снабжен опускающейся деталью, которая улучшала защиту шеи. Лицо обороняло подъемное забрало, края которого украшала декоративная латунная полоска. В последнюю очередь Сандро осмотрел основную броню — подвижный готический нагрудник с юбкой и без срамной капсулы. Удивительно, но Синдри нашел время даже для того, чтобы вытравить на груди рисунок: кобру, обвившуюся вокруг меча в ножнах и угрожающе раздувшую капюшон.

— Что означает этот герб? — заинтересовался Сандро.

— Деревянный меч в ножнах, перетянутый лентой — символ мира, — не дожидаясь ответа карлы, речью ликтора заговорил Трисмегист. — Но вместо ленты мы видим кобру, готовящуюся к нападению. Вместе змея и меч означают, что носитель герба ценит мир. Ценит его до тех пор, пока его не спровоцируют на конфликт.

— Хм, мне подходит, — согласился некромант с придуманной для него геральдикой.

— И еще. На змее, на мертвом языке, я написал: «Мир, как и война, нуждается в оружии», — добавил Синдри, — а на ножнах: «Место, где смерть охотно помогает жизни».

— *Locus est, ubi mors gaudet succurrere vitae*, — прокрутил в голове Сандро, а вслух произнес:

— Спасибо, Мастер! Я перед тобой в долгу.

— Будет тебе, — отмахнулся «оживляющий металл». — Не хочу, чтобы тебя нашинковали в первой же битве, вот и позаботился о твоей защите.

— Посмотри, Сандро! — восторженно воскликнул Дайрес и подбежал к некроманту. — Моя шпага. Их две! — с этими словами имитатор неразличимым движением провернул рукоять.

Сперва показалось, что витиеватая гарда надломилась, но позже она изменила рисунок и раздвоилась, а эфесы преобразились: один с ровной крестовиной и защитными кольцами; другой — изогнут, с крюком для вырывания чужих клинков.

— Правда, великолепно? — не мог нарадоваться Дайрес. Сейчас он напоминал Сандро юного восторженного мальчишку, который связался с дурной компанией и играет в злые игры.

— Ты хоть умеешь обращаться с оружием? — некромант попытался остудить пыл имитатора, но не тут-то было:

— Хемдаль обещал меня обучить.

— И обучу, — заверил карла.

— Понравился доспех? — улыбаясь, спросил у имитатора Брок. — По душе пришлись наши подарки?

— Конечно! — наивно отозвался Дайрес, а Сандро насторожился: тон карлы ему не понравился, да и взгляд рыжебородого переменялся, стал зловещим, не предвещающим ничего доброго.

— Принимаешь дары краснолюдов? — наседал Брок.

— С радостью! — незамедлительно ответил имитатор.

— А ты, нежить? Принимаешь?

В глазах карлы заплясали бесы, поселился в них страшный, угрожающий огонек.

Сандро не стал спешить с ответом. Он подумал, хорошо подумал и сказал:

— Принимаю.

— Отлично! — с едкой ухмылкой на морщинистом лице воскликнул Брок. — Теперь вы останетесь в наших горах навеки!

— Почему же? — с непроницаемой маской спокойствия на лице спросил Сандро.

— Как? — наиграно изумился Брок. — Ты совсем не знаешь легенд? Или тебе обо всем надо напоминать?

— Не бери в руки дары темных альвов, ибо навеки останешься в подземельях мрачных и будешь угодником бородатых колдуний, — процитировал слова из прочитанной байки Сандро. — Ты хочешь сказать, что это правда?

— Конечно!

— И не противно оно? С бородатыми? — скривился некромант и расхохотался.

— Да я тебе! — разозлился Брок и, вскинув топор, направился в сторону Сандро.

— Не горячись, — утихомирил его Синдри. — Сам нарвался на колкость. А ты, полумертвый, не бери в голову всякие бредни, которые о нас рассказывают глупцы и невежды.

— Я и не брал их в голову, — сказал Сандро. — Все знают, что карлы создают на заказ разные вещи. Кто бы к ним обращался с подобными просьбами, если б знал, что останется навеки под землей?

— Больно умный? — сплюнул Брок.

— Хватит перебранок! — не выдержал Синдри. — Нам уже пора, а в пути наговоритесь с избытком.

— Всё, значит? — осматриваясь, останавливая взгляд на каждом мече или топоре, с грустью вымолвил Хемдаль. Его не интересовали беседы, уже не интересовал поход. Ему жаль было расставаться со всеми сокровищами, нажитыми веками, но и сидеть бесконечно в горах он тоже устал, ведь помнил, как в рядах непобедимого хирда громил светлых альвов в их собственных лесах, помнил вкус свежего воздуха и яркий свет солнца.

— В путь! — Сандро ободряюще похлопал Хемдаля по плечу и зашагал впереди, по левую руку Синдри.

Металлические ботинки некроманта весело зацокали о камень, разнесли далеко вокруг дребезжащее эхо. В сознание юноши невольно вторглась нерадостная мысль: «Так звучали шаги Аргануса, любившего облачаться в доспехи». Вспомнив об учителе, Сандро с ненавистью сжал кулаки. Он отомстит д'Эвизвилу за свое уродство, за убийство родителей. Отомстит... Это вопрос времени, сил и, несомненно, удачи, но Арганус будет повержен!

* * *

— Арганус будет повержен... — сидя в своей комнате в хельгардском замке, тихо повторял одни и те же слова Жерар.

Вокруг властвовал мрак. Виконт не зажигал свечей и не пользовался магическим светом — тренировал зрение. Не останавливаясь, не разгибая спины, он писал послания. Всех некромантов и драгров следовало собрать в столице, чтобы дать достойный отпор войскам Кровавого лорда. Пограничные крепости придется сдать без боя. Шаг трудный, но необходимый. Иногда надо пожертвовать рукой, чтобы спасти голову...

Жерар пытался просчитать все возможные варианты, максимально подготовить столицу к многодневной осаде и продолжительным штурмам, но мысли были заняты другим. Точнее: другой — Мореной. И все же старший сын графа де Пикиньи каждый раз заставлял себя думать о защите королевского трона, возвращал непокорные мысли в нужное русло. Война. На войне нет места для чувств и эмоций. Тем более некроманту, которому чужды человеческие, плебейские, слабости. И не просто некроманту — де Пикиньи, который, наконец, получил шанс вернуть своему роду статус и положение! Этот шанс нельзя было упустить...

Покончив с последним посланием, Жерар подозвал драугра и вручил ему пергаменты.

— Снаряди гончих, — приказал он, глядя на мертвеца. — Да поживее! — Жерар замялся, удивившись собственному каламбуру, но быстро поправился: — Быстро! Послания должны быть доставлены в кратчайшие сроки.

Коротко кивнув, драугр скрылся из кабинета, и Жерар вернулся к своим размышлениям.

Пять дней, в худшем случае — неделя, и в Хельгарде будут войска — воины из приграничных крепостей. Хотя, что воины? Куда важнее маги! Вот только Гильдия некромантов превратилась в тлен и взяться им уже неоткуда. Кто бы мог подумать? Еще вчера Хельхейм был силен, его держали в крепкой хватке хельская дюжина могущественных колдунов, а теперь из всего Совета уцелело лишь четверо. Причем трое из них оказались ренегатами, и лишь один сохранил верность короне — граф Крюс Лармон из побочной ветви де Пикийни, более известный по прозвищу Фомор. Но в опасное для Хельхейма время граф не сможет поддержать племянника — обращаться к дяде за помощью запретила великолепная, обворожительная Морена.

Стоило виконту вспомнить о ней, и мысли вновь завертелись сумасшедшей каруселью вокруг чарующего образа. Свою победу он посвятит королеве мертвых, которая, впрочем, как и Жерар, не хотела терять человеческие корни. Конечно, пройдут годы, и сердце Морены очерствеет, остынут и чувства де Пикийни. Он и сам прекрасно понимал это. Но гнал прочь подобные думы, уверял себя, что любовь и дальше будет крепка, а королева продолжит платить взаимностью.

— Опять, опять эти мысли... — де Пикийни с силой сжал кулаки и нервно ударил по столешнице. — Война! Вокруг бушует война, а моя голова забита...

— К чему такая ярость? — Жерар замолчал, когда услышал этот ласковый, дурманный голос.

— Королева! — воскликнул лич, вскакивая со стула и вытягиваясь во весь рост.

— Тише, дорогой коннетабль, тише, — Морена грациозной походкой подошла ближе к виконту и фривольно села на край стола. — Как обстоят дела с защитой столицы? Что слышно о передвижениях Аргануса?

Жерар заметил, что при упоминании о д'Эвизвиле глаза Морены загорелись страстью... Но нет, этого не могло быть! Просто он не распознал в этом блеске ненависти, которую королева должна была испытывать — и, несомненно, испытывала! — к предателю.

— Оборвалась связь с еще одной крепостью, — после короткой паузы заговорил виконт. — Я отослал гонцов, чтобы они собрали оставшиеся в других гарнизонах войска и привели их на защиту столицы.

— Какая глупость! — Морена спорхнула со стола. Вскинув подбородок, встала напротив Жерара и сложила руки на груди.

Ее поза сперва показалась виконту смешной, деревенской, ничего общего не имеющей с дворянскими корнями. Такими повадками могли похвастаться слуги, но не лорды. И все же, несмотря ни на что, Морена выглядела надменно, царственно, жестко. От одного ее взгляда у Жерара кружилась голова, а руки переставали слушаться. И причина была не в теплых чувствах, а в страхе.

— Какая глупость! — повторила королева и холодно продолжила: — Вы сдадите все крепости без боя? Виконт, вы не посмеете сделать так, иначе вас нарекут трусом.

— Это необходимая мера... Сейчас в Хельгарде нужны все силы...

— Не говорите со мной в таком тоне, виконт, — сталью прозвучал голос Морены. Жерар даже не понял, чем именно он так разгневал королеву, почему еще минуту назад любезная и близкая, уже сейчас она перешла на «вы» и отстранилась.

— Но чем вам не понравился мой тон? — не смог скрыть удивления Жерар.

— Не стоит грубить королеве, виконт. Это чревато дурными последствиями...

— Да, моя королева, — учтиво поклонился Жерар, посчитав, что лучше принять игру Морены, чем вступить с ней в конфликт. — Что же вы прикажете мне, вашему верному

подданному?

— Ментально свяжитесь с видами крепостей и прикажите им стоять до конца.

— Боюсь, моя королева, это невозможно. Мои колдовские таланты скудны. Я в силах обращаться с невероятными объемами энергии, но плохо работаю с тонкой магией.

— Коннетабль, не способный приказывать на расстоянии? — язвительно уточнила Морена.

— Увы, — развел руками Жерар.

— Тогда пишите послания, — грубо приказала Морена, но, подумав, что перегибает палку и рискует оттолкнуть от себя виконта, сменила тон: — Пойми, Жерар, ты должен сделать это не только для себя, но и во славу Хельхейма. Мы не можем показывать перед предателем своей слабости. И если уж Арганусу суждено дойти до стен Хельгарда, тогда непревзойденный полководец, сильнейший маг — ты, Жерар, разгромишь его у ворот и обретишь величайшую славу.

— Так тому и быть! — с готовностью согласился Жерар. И тут же, чтобы Морена не усомнилась в правдивости его слов, положил на стол чистый пергамент, макнул в чернильницу перо и принялся писать.

* * *

Вскоре жилище карл опустело. Видно было, что хозяева спешили и собирались впопыхах. На столе они оставили свидетельства недавней трапезы и собственной неаккуратности: разбросанные столовые приборы, из которых вывалилась еда, и перевернутые кувшин и кружки. Неубранной осталась и оружейная, расположенная в другом крыле подгорной обители: на полу валялись топоры и алебарды, щиты и доспехи. Не успел остыть горн, в пламени которого несколькими часами ранее карлы перековывали снаряжение для гостей.

Краснолюди повели спутников тайными лабиринтами, воспользовались скрытыми дверями и туннелями, и по истечении дня вся компания выбралась наружу, на свежий горный воздух, где ни ветра, ни метели уже не было.

Мир укутался в белоснежное покрывало, замер в холодном оцепенении. Повсюду, насколько хватало взгляда, постелился нетронутый серебряно-белый снег. Природа словно уснула, с головой окуналась в дремотную дымку. Ничто не нарушало тишины и безветрия — тонкой зимней гармонии. Вокруг не было ни людей, ни зверей, ни птиц, лишь сама исполинская Мать-природа, сила которой в этой части света была безгранична.

Секунду помедлив, Сандро спустился с предгорья и пошел по насту, с недовольным видом разгребая сугробы. Вскоре к нему присоединились угрюмые карлы, которые хотели сражений, а не путешествий по снежному океану. С криком и звонким смехом, отразившимся от горных вершин, Дайрес прыгнул в сугроб, на лету превращаясь в белого волка, и, весело завывая, побежал впереди всех.

— Хоть кому-то весело, — с недовольством в голосе заметил Брок.

— Не будь занудой, братец! — подбодрил его Хемдаль и побежал вперед, напрасно пытаясь поспеть за имитатором.

— Ведет себя, как дитя! — сплюнул Брок. — Эх, бесы! Меня подожди! Куда прешь! — выкрикнул он и рванулся следом за братом.

— Что собираешься делать дальше, полумертвый? — спросил Синдри, когда остался с некромантом наедине. — Как думаешь победить нежить?

— Для этого мне придется вступить с ней в союз, — с готовностью отозвался Сандро. Он уже ждал этого разговора и даже удивлялся, почему старший Ивальди не начал его раньше. Времени для этого было достаточно.

— Враг моего врага — мой друг?

— Именно так.

— Погоди ка... — Синдри невольно замедлил шаг и посмотрел на некроманта. — Но

Хельгард у нас за спиной. Мы идем в обратную сторону.

— Ты прав, Синдри, но здесь нет ошибки.

— Эх, полумертвый, не знаю, что у тебя на уме, но я обещал тебе помощь, а братьям — сражения. Мне без разницы, в каком направлении идти, но запомни: если попытаешься нас обмануть — лишишься головы.

— Может, мне ты поведаешь о своих планах? — поинтересовался Трисмегист.

— Изначально я хотел заручиться поддержкой Фомора, но не так давно понял, что будет проще договориться с другим полководцем.

— С Сиквойей? Но он раб Аргануса и не сможет противиться воле Хозяина.

— Знаю, Альберт. Но именно в этой дерзости и скрыт ключ к успеху. Поверь мне, все обернется даже лучше, чем мы с тобой думали.

— Что ж, я тебе верю, только прошу: будь осторожен, не лезь головой в пчелиный улей.

Сандро улыбнулся:

— Но именно это я и собираюсь сделать...

Глава 15. Жажда крови

Однажды, идя ночью по горной тропе, Познавший Кровь встретил воина, закованного в доспехи с крестом на груди. Увидав Познавшего, воин выхватил меч и приготовился драться.

— Кто ты? — спросил Познавший Кровь, и холод его слов заставил человека съежиться.

— Я из тех, кто убивает твоих детей, о проклятое создание! — воскликнул воин и замахнулся мечом. Но сталь лишь скользнула мимо Познавшего.

— Чем тебе не угодили мои создания? Они никому не принесли зла.

— Не принесли Зла?! Давай спустимся в деревню, что лежит у подножья этих гор, и ты увидишь, что творят те, кому ты дал власть над кровью.

И спустились они в деревню, и прошли по ее улицам. Кровь покрывала землю и стены домов, обглоданные кости валялись под ногами, вспухшие, искалеченные трупы с вырванными кишками, высосанные до последней капли крови младенцы.

— Вот, что творят твои дети! — вскричал рыцарь. — И только такие, как я, хоть как-то можем остановить этот кошмар.

— Но я не вижу ничего предосудительного, — пожал плечами Познавший Кровь. — Они всего лишь идут по пути Познания...

Книга Эреба «Евангелие от Ламии (гл. 5 ст. 3:3)»

Ночь перепачкала небо темными красками. Звезды потухли, спрятались за грузными чернильными тучами. И даже не выглядывали: боялись смотреть на костер, стеснялись наблюдать за пламенем, в котором сгорает бездетная Марта. Горькой у нее была жизнь, и смерть оказалась не слаще — с привкусом крови и крепленого вина.

Веридий жадно отхлебнул бенедиктина, который не только утолял вампирскую жажду, но и хмелем туманил рассудок, что сейчас было вдвое важнее. Мало вина. Мало... Ливуазье одним глотком осушил оставшиеся полбутылки и швырнул пустой сосуд за ограду. В сонной городской глуши шумно разбилось стекло, но раненное сердце герцога раскололось во стократ громче. Веридий соткал и бросил в погребальный костер огненный шар. Пламя, дико взревев, поднялось до грязных небес, на миг осветило их чистым сиянием погибшей души и потухло так же быстро, как взъярилось секундой раньше.

Ливуазье стоял и наблюдал за тем, как холодный ветер хватает в свои объятия пепел и прах и уносит их далеко за границы города, за границы Хельхейма, чтобы Марта

переродилась в более счастливом месте, а ее душой пропиталась каждая крупица проклятого мира.

Из глаз герцога потекли красные слезы. Слишком много крови он выпил этой ночью, непозволительно близко подошел к черте, за которой заканчивается голконда, умирает рай и начинается привычный для вампиров извечный голод. Веридий упал на колени и подполз к рдеющим углям, оставшимся от его возлюбленной. Рухнул в тлеющее кострище. Вслух зарыдал, обнял уголь, пепел и прах, будто страстную женщину, и начал целовать грязь, представляя сладкие губы любимой. Но ее больше нет. Ее нет. Остался лишь антрацитовый уголь. И память.

Веридий встал, на подкашивающихся ногах, весь перемазанный в золе и саже, поплелся в погреб, чтобы откупорить новую бутылку бенедиктина. Сегодня он утопит мысли о Марте в вине, забудет на ночь о смерти, забудет о той, которой больше нет. А если завтра вспомнит о ней, то напьется вновь и будет напиваться снова и снова, пока сладкая дымка забытья не разрушит рассудок и не вычеркнет из памяти её образ. Ах, Клавдий был прав: вампиру нельзя жить среди людей, он становится слабым, эмоциональным, зависимым от человеческой любви, ласки и тепла. Но как жить иначе? Как жить в родном особняке, если в нем нет никого и ничего, кроме глухих стен и одиночества? Веридий не знал. И не хотел знать. Но теперь, по-видимому, узнать ему придется...

Пьяный вдрызг вампир ввалился в винный погреб и прокатился по нему шумным ураганом. Он не давал Энин сосредоточиться на преобразованиях, которые ей просто необходимо было проделать над металлами именно сегодня. Завтра она покинет Вестфален, но перед уходом должна позаботиться об эликсире, тормозящем развитие чумы.

— Рыжая! — из соседней комнаты донесся громогласный окрик Ливуазье. — Составь мне компанию! Мне скучно!

С трудом уняв бьющую изнутри ярость, Энин ничего не ответила. Ей нельзя было отвечать, чтобы не провоцировать разбушевавшегося вампира. Делание не терпело, когда нарушали молчание или не соблюдали внимания, когда у алхимика не было достаточного знания или твердой уверенности в своих делах. Энин и без того нарушала все правила алхимии, выведенные Альбертом Великим, нельзя былошний раз идти на поводу у эмоций и вступать в перебранку с перепившим герцогом.

И все же эмоции одолевали. Правда, другие. Что будет с Анэт? Теперь, после укуса, она обречена на «проклятие крови», ей суждено умереть или стать вампиром, не мыслящим жизнь без человеческой пищи. Спасет ее Батури или нет, но Анэт уже не вернуть. Она ступила на тонкий путь, ведущий в лоно Темных Богов. У Энин больше не было сестры.

— Рыжая!

Ливуазье бросил бутылку в стену, чтобы звоном битого стекла заставить девушку обратить на себя внимание. Но Энин отстранилась от посторонних звуков и сконцентрировалась на преобразованиях олова и меди. Она уже в третий раз делала все так, как было написано в рецепте Сандро, но никак не могла добиться желанного результата. Эликсир получался не ярко-зеленым, а черным, как ночь. Энин не отчаивалась, начинала Делание вновь, надеясь, что на этот раз достигнет поставленной цели.

— Эй, лабораторная крыса! — орал за стеной вампир. — Мне нужна твоя компания! Присоединяйся!

Энин снова не удалось создать эликсир «недоросли», словно рецепт, который она разгадала прошлой ночью, содержал неведомую ошибку. Быть может, девушка что-то напутала? Нет, это невозможно! Все было предельно просто, ясно, обосновано и логично. С ее результатами не смог бы поспорить ни один алхимик. Так Энин считала и, несомненно, была права. Но если бы она удосужилась прочесть книгу Трисмегиста «Все об эликсире Бессмертия», то поняла бы свою оплошность.

Плюнув на преобразования, решив, что, раз уж составляющие смешаны правильно, то цвет не имеет значения, Энин перелила полученный эликсир в кожаную флягу. В тот же миг, видимо, устав кричать и ждать появления девушки, Ливуазье с шумом вломился в

лабораторию и, с трудом удерживаясь на ногах, доковылял до рабочего стола.

— Я что, щенок, чтобы звать тебя и не получать ответа? — кроваво-красными безумными глазами вампир упрямо посмотрел на Энин, но она выдержала его взгляд и с презрением ответила:

— Ты хуже щенка, ты жирный пес, не знающий удержу. Меня тошнит от твоей пьяной рожи. Иди и проспись!

— Ты кто такая?! — Веридий одним небрежным движением скинул на пол алхимические приборы, уничтожив все расчеты колдуньи. — Ты кто такая, чтобы командовать в моем особняке?

— Гостья. И если тронешь меня хоть пальцем, Батури свернет тебе шею.

— А кто он мне? Сила и закон? Плевал я на его угрозы, — вампир демонстративно сплюнул красной то ли от крови, то ли от вина слюной. — Он уже не вернется. С Казлем ему не справиться.

— Вижу, ты гордишься своей безнаказанностью, предатель, — с презрением бросила девушка и собралась выйти из лаборатории, но вампир схватил ее за руку, опрокинул на пол и, сам потеряв равновесие, завалился сверху.

— Пошел вон! — попыталась отбиться от него Энин, но не смогла скинуть с себя расслабленное тело Веридия.

— Будь со мной, — потребовал вампир, разорвал на девушке кафтан и, перевалившись, задрал подол ее платья. — Родишь мне сына, — заверил Веридий, одной рукой держа Энин, а второй стягивая с себя штаны.

Колдунья не стала покорно ждать, когда вампир овладеет ею, переборов секундную оторопь, выговорила заклинание Касание ветра, и Ливуазье отбросило в другой конец комнаты. Он ударился об стену. С разбитых стеллажей со звоном попадали пробирки и банки, но Веридий по-вампирски быстро пришел в себя и молниеносно, словно за короткую секунду успел протрезветь, рванулся в сторону девушки. В последний момент она успела сотворить магический огонь, и Высшего окутало едкое пламя, которое, впрочем, его не убило — уж слишком много в нем было Силы, полученной от выпитой крови. В ответ Ливуазье послал в колдунью заклинание паралича и соткал подряд три Громовых удара. Защита девушки не выдержала. Энин упала на колени, и из ее ушей потекла кровь. Веридий обратился к ментальной магии и без труда взял обессиленную жертву под контроль. Но он не учел того факта, что колдунья принимала эликсир бессмертия и уже сейчас была в шаге от гибели, на полпути к обращению в лича, невосприимчивого к магии разума. Энин подчинилась лишь телом, в котором еще теплилась жизнь, но наполовину мертвое сознание не поддавалось чужому воздействию.

— И что теперь, тварь? — зло покосилась на вампира Энин, не чувствуя собственного тела, понимая, что не принадлежит сама себе. — Изнасилуешь меня, как и свою служанку? Силой и магией заставишь меня вынашивать твоих ублюдков? Как делал с ней?

— Замолкни! Ты ничего не знаешь, — огрызнулся вампир, подошел ближе к пленнице и хищно облизнулся. — Батури умеет выбирать себе угодниц...

— Да, он не любит серых и молчаливых мышей, которые позволяют себя насиловать и терпят обиды.

— Не смей говорить о ней так!

— Батури смешает тебя с пеплом. Пеплом твоей бездетной служанки.

— Языкатыя дрянь! — стиснув зубы, процедил Веридий и несколько раз ударил Энин по лицу.

Мысли о той, которой уже нет, мысли о Марте не давали покоя. Ливуазье был в ярости. Рыжеволосая бестия умело давила на болезненные, свежие раны, но именно эта злость пусть и не отрезвляла, но возвращала рассудок.

— Хочешь найти себе новую потаскуху, пока пепел старой еще не успел остыть? Я не сгложусь на эту роль. При первой же возможности вгоню тебе в сердце осиновый кол.

— Он не поможет, — выдохнул Веридий и, шатаясь, пошел прочь из лаборатории. —

Приведи себя в порядок! — снимая свое заклинание, из-за двери выкрикнул он. — Завтра ты предстанешь перед святыми людьми.

Ливуазье на секунду задержался у винного склада, стянул бутылку бенедиктина. Подумав, взял еще одну и побрел в спальню Марты, в спальню, в которой трижды зачинал себе наследников, но ни разу не увидел в колыбели у кровати родного ребенка. Лишь однажды там ночевал чужой младенец, который теперь по вине герцога обречен на смерть.

* * *

Холода пришли в одночасье. Казалось, еще вчера природа была погружена в унылую и пасмурную осень, а уже сегодня лютовала зима, которая щедро развеивала вокруг снежные хлопья и наполняла ветер невыносимой стужей.

Клавдий спешил. Он жаждал крови. И не обязательно на клыках — достаточно на клинке. Батури мчал по горячим следам, надеясь догнать похитителей до того, как они скроются в замке Каэля. В противном случае справиться с ними будет во стократ сложнее.

Лютый, нутжно завывающий ветер, несущий с собой крупные снежные хлопья, глушил все звуки и застил глаза непроницаемым белым покрывалом. И все же удача улыбнулась Батури. Он не увидел преследуемых, не услышал стука копыт, но уловил ругань, брань и крики. Клавдий спикировал ближе к земле и закрыл себя магическим щитом, чтобы чувствительные к опасности вампиры не смогли его учуять.

Вскоре Батури различил в белой стене снегопада семь коней, которые мчали галопом и были быстрее разбушевавшегося ветра. Казалось, животные не обращают внимания на непогоду, а всадникам плевать на то, что путь невозможно разглядеть. Видимо, им не нужны были глаза, чтобы видеть прочерченную во внутренних взорах стезю.

Конных было трое. Один из них молчал и ехал впереди, двое других ссорились. Позади скакали четыре жеребца, к седлу одного из них была привязана Анэт. Сперва Клавдий не увидел ребенка, но чуть позже заметил, что его держит в руках молчаливый всадник.

— Зачем ты взял с собой этот балласт? Стригои, твою мать! Я к тебе обращаюсь!

Этот тонкий женский голос был знаком Клавдию. Он знал ту, что напала на особняк Ливуазье и выкрала ребенка, и не только знал, но и любил. Это была Алекто.

— Каэль сказал привести девушку, этим я и занимаюсь, — оправдывался Стригои.

— Ему была нужна рыжая!

— Так почему ты ее не повязала? Она была перед тобой, а ты сбежала, как крыса с корабля.

— Ты сбежал первым!

— Конечно! — воскликнул Высший. — У нее были магниты Тривеликого, а связываться с неизведанной магией мне не с руки.

— Трус, — зло выдавила Алекто. — Удивляюсь, как такой поддонок смог прожить так долго.

— Трус, — не стал спорить Стригои, — потому и жив. Я же не могу добиться защиты, раздвигая ноги то перед Баутри, то перед Каэлем. У меня, видишь ли, органы не приспособлены для такой любви.

— Ах, ты скотина! — Алекто потеряла терпение и приготовилась скинуть вампира с коня заклинанием, но ей помешали.

— Прекратите! Оба... — рявкнул ехавший впереди всадник и принялся, словно ищейка. Некритто Носферо ощущал опасность и близость боя, но не мог понять, с чем связано это чувство: погони не было, об этом говорила и магия, и артефакты, которыми он предусмотрительно запасся. — Я что-то чувствую...

Снегопад валил беспроглядной стеной, протяжно выла вьюга. Стучали копыта скакунов. В облике крупного нетопыря, прячась за жеребцами, Батури продолжал преследование. Магический щит, укрепленный энергией «смерти Каэля», действовал безупречно и делал вампира невидимым как для обычного, так и для магического зрения.

Клавдий слушал громогласных, перекрикивающих ветер всадников и ждал подходящего для нападения момента.

— И почему нами командует никому неизвестная шавка? — закатил глаза Стригой.

— Замолкни, и не мешай мне слушать, — приказал главарь ночных охотников, одним взмахом руки лишив Высшего голоса. И не было ясно, какого рода магию использовал вампир. — Верну дар речи, когда посчитаю, что ты достоин со мной говорить.

Алекто ударила коня в бока и поравнялась с главой колонны.

— Носферо, пусть Стригой оставит девушку. Она только мешает.

— Нет.

— Если мы ее выбросим, то сможем обратиться в летучих мышей и уже к рассвету будем в замке, — стояла на своем вампирша в кошачьей маске. Алекто не хотела, чтобы Батури видел ее лицо, когда будет умирать, а пришли они именно за тем, чтобы лишить его жизни. Алекто повезло: Клавдия она не повстречала, хоть и не сомневалась, что он пустится в погоню и скорой встречи не миновать.

— Я все сказал.

— Это неправильно, Каэль не одобрит...

— Я. Все. Сказал, — с расстановкой повторил Некритто, и на этом разговоры закончились.

Выюга усилилась, окутала мир беспроглядной стеной снега. И тогда Батури решил действовать. В облике нетопыря он опустился на жеребца и принял человеческое обличье. Конь не испугался, даже не вздрогнул: Каэль не поскупился и выделил ночным охотникам чистокровных, не боявшихся нежити, роверцев.

Клавдия заметили не сразу, отводящая взгляды магия выкроила ему мгновение, необходимое для плетения заклинания. Батури не стал размениваться на такую простую волшбу, как стрела Хаоса или Огненный шар — сразу обратился к высшим арканам. Мертвая стужа, которая по легендам обволокла сердце Хель, поглотила в своих колючих объятиях и Стригой, и его жеребца. Превратившись в ледяную статую, роверец рухнул наземь и разлетелся на сотни мельчайших кристально чистых осколков. Но по неведомым причинам, будто Стригой защищала чья-то могущественная, непобедимая магия, заклинание на него не подействовало. Потеряв коня, Высший кубарем покатился по земле и, попав под копыта мчащих позади неоседланных роверцев, лишился половины головы. Вампир не умер, но теперь он еще не скоро оправится от полученных ран и увечий, не скоро сможет отомстить графу за подлый удар в спину.

Батури повторил аркан, но колдовство истаяло едва сорвавшись с пальцев. Всадник, которого компаньоны между собой называли Некрито Носферо, развернул коня и взмахнул рукой. В Клавдия ударил луч света, и был этот свет настолько чистым, что превратил мрачную ночь в яркий день. Батури принял чужое заклинание на лезвие своего кинжала, но даже артефакт, блокирующий любую волшбу, не смог совладать с неведомой магией противника. Встретившись с клинком, колдовство раздробилось на десятки светлячков. Эти светлячки, несмотря на дикую скачку, окружили Батури со всех сторон и с каждым мгновением становились все ярче, все крупнее. Дорастая до огромных размеров, они безжалостно жалили мертвую плоть, оставляя болезненные ожоги, которые не поддавались вампирской регенерации и не спешили зарастать. Чаще всего Батури успевал вовремя выставить клинок и защититься от светлячков, но искр от этого не становилось меньше: они делились на десятки осколков и, как и все другие, начинали расти и разгораться все ярче. Гримуар возрождал сам себя. И нельзя было причислить его ни к стихийной волшбе людей, ни к друидским чарам жизни, ни к природной волшбе альвов, ни к колдовству смерти мертвых, ни к магии крови вампиров. Гримуар чем-то напоминал магию эстерцев. Но не мог же вампир обладать святым словом!

Аркан Носферо окружил Батури со всех сторон светящимся коконом. С каждым мигмом сопротивляться чужой магии было все сложнее, но Клавдий не сдавался. От него зависела жизнь маленькой Долорис, в которой уже сейчас наблюдался огромный потенциал колдуньи.

Из девочки выйдет замечательная ученица, великолепная дочь. Батури воспитает ее в любви и строгости, научит всему, что знает сам, сделает Высшей, добьется для нее голконды...

Думая о Долорис, Клавдий бесконечно отбивался от нарастающего заклинания, уже поджарившего почти все его тело, но по неведомым причинам не повредившего одежду. И вдруг светлячки стали медленно тускнеть, гаснуть и вскоре рассеялись. Натянув поводья, Батури остановил роверца и огляделся.

Лилово-красный солнечный диск освещал заснеженную равнину. С неба, весело кружась, падали снежинки. Ни ветра, ни вьюги уже не было. Вокруг царствовала девственно-чистая природа, не омраченная присутствием людей.

— Скрылись, — Батури недовольно сплюнул и, ударив жеребца в бока, пустил его вскачь.

Клавдий знал, куда похитители держат путь — в замок Каэля. Несомненно, там ждет ловушка, но другого выхода, кроме как сунуть голову в пчелиный улей, попросту не было.

* * *

Бенедикт заметил Ливуазье издали. Глава дома Атис шел, сильно опираясь на плечо худощавой рыжеволосой девушки, и широко, выставляя напоказ клыки, улыбался. Бенедикт незаметно для остальных набросил на своего Мастера иллюзию, сделав вампирскую челюсть человеческой. Но даже этой меры предосторожности было мало, чтобы святые братья не обратили на гостя внимания, а городские стражники, выстроившиеся вокруг площади, не вытянули спины и не взялись за мечи.

Бенедикт подскочил к герцогу и схватил его за руку, заставив его стоять смирно, не шатаясь из стороны в сторону.

— Что с тобой, Ливуазье? Своим видом и поведением ты ставишь под удар не только меня, но и свою спутницу. Убирайся отсюда, пока не накликать беды.

— Как ты со мной разговариваешь, плебей? — напрасно пытаюсь сфокусировать на священнике мутный, невидящий взгляд, промышчал Веридий. — Ты забыл, с кем говоришь? Я напомню...

— Тише! — Бенедикт притронулся ко лбу Ливуазье, что-то невнятно прошептал. Отвернувшись, посмотрел в сторону служителей порядка и вполголоса сказал: — Отведите господина герцога домой, ему нездоровится.

Городские стражники подхватили Веридия подмышки и поволокли в сторону его усадьбы. Вампир безвольной тушей повис в руках служителей порядка, а позже, когда его уже вывели с площади, даже уснул.

— Мне говорили о двух живых, — обратился Бенедикт к Энн, когда опасного для конспирации Ливуазье утащили с эспланады. — Мы ждали только вас двоих, но я не могу и дальше оттягивать час отправления. Сколько ей надо времени?

— Я ухожу одна. Анэт не придет... — пытаюсь придать голосу максимальную твердость, ответила колдунья.

— Тогда отправляемся, — облегченно выдохнул Бенедикт и дал сигнал стражам и святым братьям. — Через две недели будем у границы, если, конечно, Эстер убережет от трупоедов и неупокоенных, — обнадежил священник, взял растрепанную девушку под руку и заговорил лилейным голосом, которым так легко подкупал прихожанок: — Скажи свое имя, дитя мое...

Странствия Энн начались. И не только Энн, но и чумы, которую она несла в себе.

Прорицание пятое

Команда Назарина расположилась у границы леса. Сейчас, когда кроны деревьев оголились, он служил плохим прикрытием. Но прорицателя это не волновало. Он знал, что в

случае опасности ск'йере без труда собьет с пути любых преследователей.

Издали доносился шум ревущего Ситха. Порывы по-зимнему холодного ветра хватали брызги и разносили их далеко вокруг. Воздух наполнялся влагой и приятным свежим речным ароматом.

Зарахат, дыша полной грудью, вдыхая свободу, зорко наблюдал за ночным, уже начинающим светлеть небом, будто ожидая, что там появится обещанный ему дракон. Хананк отрывисто, высекая искры, водил точильным камнем по лезвию меча. Лайра сидела без дела и, теребя молочно-белые локоны, молча следила за тем, как кхет вострит клинок. Назарин пристально смотрел на каменную глыбу пограничного форта, окруженного высокой крепостной стеной с множеством округлых башен-донжонов. Аребрус. Это был надежный оплот людей, но даже он не выстоит, если на штурм пойдут многотысячные армии мертвых.

Оторвавшись от созерцания неприступных бастионов, прорицатель посмотрел на фею и тихо сказал:

— Ты нам больше не нужна. Можешь уходить.

— Что значит — больше не нужна? — с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, выдавила ск'йере и взглянула на кхета, будто в нем выискивая поддержку. Хананк пожал плечами, поднялся и, сделав шаг вперед, встал между прорицателем и феей.

— Так и быть, — выдохнул Назарин. — Но, Хананк, ее общество не принесет тебе счастья. Хотя... ее, конечно, лучше держать при себе. У женщин длинные языки.

— Не длиннее, чем у тебя!

— Ладно, ладно, — добродушно улыбнулся Назарин. — Нам пора. В Аребрусе мы должны быть до рассвета.

Когда путники остановились у запертых ворот, на востоке разгоралось ало-красное рассветное солнце. Прорицатель трижды постучал в створки ворот, и в них тут же открылось смотровое окно.

— Доброе утро, Райль, — поприветствовал караульного Назарин и, не обращая внимания на недоуменное лицо стража, просунул в окно пергамент. — Возьми и отнеси его Марку. Он уже читал подобное письмо, но с интересом прочтет еще раз.

Райль принял послание и, оставив пост на других стражах, поспешил с докладом к капитану. Будить Марка с самого утра не входило в его планы. Если капитан встанет не с той ноги, рвать и метать он будет весь день. Но пришедший так удивил Райля, что он даже не подумал отправить раннего гостя на все четыре стороны. Против ожиданий, прочитав письмо, Марк не стал гневаться, а велел привести к нему неизвестного.

Уже спустя четверть часа Назарин был в кабинете капитана.

Закрытые из-за наступивших морозов ставни не пропускали рассветные лучи. Марк сидел за столом, остановив усталый, сонный взгляд на хрустальном графине с вином. Он думал о том, какие вести принесет ему новый храмовник. Да, в последнее время капитана начало волновать чрезмерное внимание служителей Симионы к Аребрусу. Конечно, это могло означать все, что угодно, но Марк не тешил себя радужными мыслями. На его бледном лице отражались блики от тонкого огонька одинокой свечи, стоявшей в посеребренном канделябре. Ее мутного, безжизненного света было недостаточно, чтобы озарить весь кабинет, и по углам сплелись змеиным клубком призрачные тени.

Назарин, не представляясь, прошел в глубь комнаты и сел напротив капитана. Марк небрежным, размашистым движением взял графин и неаккуратно, проливая вино на стол, наполнил два бокала. Оценивающе осмотрел пришельца и только после этого спросил:

— Чем обязан?

— Думаю, вам будет интересно услышать, каким даром я обладаю? Так вот, я тот, кто ведает будущее — прорицатель.

— Даже так? — наиграно изумился капитан и, взяв в руки бокал, жестом предложил гостю угощаться. — И чем ты можешь это доказать?

— Значит, бумаг от Храма и моих слов недостаточно... Что ж, я докажу свой дар одним прорицанием, которое сбудется в считанные минуты.

— Внимательно слушаю, — капитан улыбнулся, но не глазами, а кончиками губ. Он не верил в пустые слова, зато был наслышан о шарлатанстве храмовников.

— Солнце сегодня не взойдет, — нарочито важно заговорил прорицатель. — Но вам, Марк, этого будет мало, чтобы поверить в мой дар. А вот когда в комнату войдет солдат, заговорит о целителе и, не досказав, упадет мертвым, вы внемлете моим словам.

— Эх, молодой человек, — тонкие губы Марка изогнулись в издевательской улыбке, — шутки шутить изволите? Люди просто так не гибнут. Да и не может такого случиться, чтобы солнце не взошло.

— Откройте ставни.

Офицер нехотя встал, подошел к окну и, распахнув ставни, не поверил своим глазам. За считанные секунды на уже показавшееся над горизонтом солнце накатилось темное пятно. И мир, едва начавший светлеть, погрузился в полный мрак. Лишь огонек свечи, замерцавший на появившемся сквозняке, бледно освещал за спиной комнату. А в следующее же мгновение в дверь постучали. Марк недоуменно покосился на прорицателя и дрогнувшим от удивления голосом прокричал:

— Войдите!

— Господин капитан! — едва протиснувшись в кабинет, громким речитативом отчеканил солдат. — Разрешите говорить... — Рядовой скривился и притронулся к горлу, будто последние слова дались ему с трудом.

— Давай! Не тяни!

— Целитель Аарон... просил прибыть вас... — не договорив, солдат с трудом втянул в грудь воздух и, закашлявшись, колодой рухнул на пол.

— Рядовой! — взревел Марк и сделал шаг по направлению к обмякшему мужчине.

— Не стоит. Ваш подопечный уже отдал Симионе душу.

— Что ты с ним сделал?

— Сердце... — пожал плечами Назарин и невольно нащупал в кармане пустой флакон, который когда-то ценой одной жизни забрал у Вэльвы. Перед тем, как войти в покои капитана, прорицатель смазал дверную ручку смертоносным ядом, который был опасен лишь несколько мгновений, быстро выветривался и не оставлял следов. — Если не хотите, чтобы все ваши люди разделили его судьбу, прислушайтесь к моим словам. Я могу изменить будущее. Но одному мне это не под силу.

— Хорошо... — Марк прошел к столу, взял бокал и осушил его одним глотком. — Говори, что стряется с моим гарнизоном? Что ждет моих людей?

— Вас, да и всю Валлию, ждут тяжелые испытания, — велемечиво заговорил Назарин, — но именно эти испытания и станут для вас, Марк, ключом, который откроет ворота славы. Если будете следовать моим советам, вы вернете себе утраченное положение. И не только! — прорицатель многозначительно поднял указательный палец. — И не только положение, Марк, — с воодушевлением повторил Назарин, и глаза его засияли добротой. — Вы станете героем, о котором начнут слагать баллады, ваши подвиги войдут в историю, легенды о них матери будут на ночь рассказывать своим детям. Вы же хотите этого, Марк?

— Весьма заманчиво... Что от меня требуется?

Назарин выдержал долгую паузу. Марк успел еще раз наполнить и осушить бокал, но прорицатель так ничего и не сказал. Капитан, заинтересовавшись неожиданным предложением, нервно пожевал губы и заговорил сам:

— Без лишней лести замечу, что я умелый воин и еще лучший полководец. Мой меч и мечи моих солдат всегда готовы послужить во славу Валлии.

— И не только Валлии? — хитро сощурился Назарин.

— И не только ей, — кивнул Марк, налил в бокал вина и с жадностью отхлебнул. — Этот форт для меня — ссылка. Меня, потомственного коннетабля, главнокомандующего Горгоротским корпусом! Меня! После двух неудачных сражений, исход которых от меня никак не зависел, сослали в это Эстером забытое место. Ах, прошу простить, вы придерживаетесь другой веры...

— Я верю в реальность. И реальность такова, что некроманты выйдут из-под купола. Выйдут. Но первыми пустят людей, чтобы замылить нам глаза. Капитан, вы не должны пропустить ни одного человека, пришедшего из мира, раскинувшегося по ту сторону смерти.

— Значит, мне придется убивать всех и каждого, кто надеется на помощь себе подобных? Кто ищет спасения? Кто любит жизнь и хочет защитить себя и свою семью от гнета некромантов? Убивать стариков, женщин, детей?

— Именно так.

Назарин встал и протянул капитану раскрытую ладонь. Марк несколько мгновений смотрел на прорицателя тяжелым, задумчивым взглядом, а после принял рукопожатие.

— К целителю, который, смею заметить, все еще ждет вас, я схожу сам, — напомнил прорицатель, но не сдвинулся с места.

— Что-то еще?

— Мне нужен пропуск. А позже я приду за пропусками для всех своих людей.

— Ах, да! — спохватился капитан и за несколько минут набросал на пергаменте пару строчек, от волнения сломав два пера. Получив письмо, Назарин удалился, оставив Марка наедине с покойником и мыслями о величии и славе.

Как и предполагал прорицатель, брат, сражающийся в это время за жизни заболевших чумой, встретил его без особого энтузиазма. Аарон вывел родича из лазарета, чтобы не рисковать его здоровьем, и провел по широкому коридору в подсобную комнату, больше напоминавшую коробку.

— Зачем ты здесь, Назарин? — мучительно скривившись, спросил целитель. Ему тяжело дались эти слова, но он не смог смолчать: — Брат, вспомни, что говорила Вёльва: наши судьбы разделились, мы не должны быть рядом. Это опасно для Валлии. Пойми меня. Я больше всего на свете хочу, чтобы ты остался. Но тебе надо уйти...

Назарин взял брата за плечи и запальчиво заговорил.

— Аарон, тебя привела сюда вера, меня — знание. Ты веришь, что твоя судьба исполнится в этих стенах, я — твердо знаю, что здесь осуществится моя. Я знаю, Аарон. Ты — веришь. Почувствуй разницу. Кому из нас лучше остаться?

Целитель ушел из братниных объятий.

— Порой вера важнее знаний. Я остаюсь. А тебе советую уйти.

— Я не воспользуюсь твоим советом. Мне слишком дорога твоя жизнь, чтобы им воспользоваться.

— Тогда оставайся. Только не переиграй в ту игру, которую затеял, не возводи себя в ранг бога. Это чревато дурными последствиями. Ты не знаешь всего. Всё известно лишь Симионе, вера в которую живет в моем сердце, а рукам приносит дар.

— Ты слишком доверчив, Аарон. Нельзя верить всему...

— Пусть так! Вера опасна, знаю, но оставлю все, как есть. И тебе советую с этим смириться.

— Я надеялся встретить здесь брата, а нашел храмовника, — отворачиваясь, проронил Назарин и, не желая больше ничего слышать, вышел за дверь.

— Ты нашел здесь брата, — оставшись в одиночестве, прошептал Аарон. — Но мне не надо быть предсказателем, чтобы понять: Тьма заполонила твою душу. Она руководит тобой, брат, указывает не то будущее, которое ждет нас, а то, которое ты хочешь увидеть. В этом твоя беда, брат. Твоя, и всей Валлии...

Глава 16. Рабские пути

Эту славную божественную науку и учение святых, тайну философов и лекарство врачей презирают глупцы, ибо не знают, что это. Такие не получают благословения и она будет далека от них; эта наука не для неискушенных, ибо каждый, кто неосведомлен в ней, её враг, и не без причины. Ибо Философ сказал: «Осмеяние науки есть причина всякого невежества, и не надо давать листья салата ослам,

ибо им хватает чертополоха, не надо хлеб для детей ставить перед собаками, не надо метать бисер перед свиньями; такие насмеешники не причастны этой благородной науке, ибо сделавший тайны этой науки известными недостойным станет, нарушившим небесную печать, также не должен Дух этой мудрости входить в грубое тело, не сможет почувствовать её глупец из-за порочности своего разума».

Фома Аквинский «Восходящая Аврора»

Низкие, хмурые тучи, готовые вот-вот разразиться снегопадом, цеплялись за пики гор и медленно, будто усталые, изнеможенные путники, кочевали на запад, в сторону Хельгарада. Бесшабашный, неунывающий ни на миг ветер из всех сил старался их подогнать, ускорить их плавное, ленивое движение, но все его потуги оказывались безрезультатными. И лишь устлавший землю снег, с недовольством подчиняясь его неиссякаемой энергии, закручивался в вихри и метался по ущелью, как испуганный, угодивший в ловушку зверь.

Эти снежные вихри донимали Сандро. Он постоянно щурился, иногда закрывал глаза и несколько мгновений брел вслепую, представляя внутренним взором встречу с армиями Сиквойи, размышляя о том, как заручиться поддержкой лича, подбирая слова, которыми попытается его убедить. Но юноше не хватило воображения, чтобы предугадать будущее.

— Нежить! — громогласный крик Брока вырвал Сандро из задумчивости.

Рыжебородый, вопреки всякой логике, напрочь забыв об инстинкте самосохранения, в одиночку рванулся вперед. Напрасно Синдри и Хемдаль пытались его остановить, утихомирить — неудержимый родич не слушал их и, размахивая алебардой, помчался навстречу несокрушимым ордам мертвых. Карлам ничего не осталось, кроме как броситься за ним следом и хоть как-то помочь брату в неравной схватке.

— Стоять! — проорал Сандро, наблюдая за тем, как свартальвы, вскинув оружие, несутся втроем против целого войска, и, поняв, что разгоряченных воинов ему не остановить, тоже рванулся навстречу бесчисленной армии.

— Это безумие! — с испугом воскликнул Дайрес и на ходу вытащил из ножен шпагу.

— Потому они и Безумцы! — прорычал некромант и, не удержавшись на ногах, рухнул в сугроб. С трудом поднявшись, выругался, поминая треклятые доспехи самыми нелестными словами, которые только знал. Но Сандро даже не догадывался, что, будь его снаряжение выкованным из обычной стали, то он не сумел бы встать без чужой помощи. Это его мало заботило. Гораздо больше волновало, что спокойным переговорам, на которые он рассчитывал, уже не бывать.

Лучники Сиквойи встретили приближающихся врагов сотнями стрел. Но карлы даже не обратили на них внимания: острые наконечники беспомощно отскочили от литых нагрудников, сломались, не найдя ни единой щели в непроницаемых доспехах свартальвов. С безумным кличем, низкорослые воины клином ворвались в ряды скелетов и сразу доказали свое превосходство: их зачарованное оружие разрубало кости неуспокоенных с той же легкостью, с которой нож разрезает масло. Войско нежити, прореженное бесстрашными карлами, быстро затянуло образовавшуюся брешь, и братья Ивальди скрылись из виду за ровным строем мертвых.

— Что делать? — остановившись, проблеял Дайрес и, уловив на себе сотню, тысячу пустых, пожирающих взглядов, в страхе попятился.

— Что, что? Спасать! — выкрикнул некромант, взмахнул надо головой посохом и начал нараспев читать слова заклинания.

Неожиданно костяную кисть пронзила резкая, невыносимая боль, прошла вверх по руке к предплечью и диким, оглушительным шумом зазвенела в голове. Сандро заскрежетал зубами, но не сбился с четкого речитатива, лишь мимолетно, сперва не поверив в то, что мертвая часть его сущности способна хоть что-то ощущать, посмотрел на драконью перчатку. Подаренный карлами артефакт, как присосавшийся клещ, вытягивал из некроманта энергию и с болью сторицей возвращал ее обратно.

Когда Сандро почти закончил чтение гримуара, резкий приступ заставил его тихо вскрикнуть. Тонкая пелена концентрации разрушилась, и заклинание получилось не тем, которое собирался сплести юноша. Магия вырвалась из глаз кобры черным сиянием, окружила чародея непроницаемым коконом, а в следующее мгновение разрослась сотней, тысячей щупалец, которые, извиваясь будто змеи, поползли к рядам скелетов. Стоило им дотянуться, прикоснуться к прогнившей плоти или костям, и неупокоенные падали, получая в подарок вторую, последнюю гибель. Арганус когда-то корил своего ученика за то, что тот не запомнил формулу идеального умерщвления, но сказанное однажды заклинание вновь нашло лазейку в сознании мага, обрело новое отражение, новую мощь.

Юноша, погруженный в болезненный, мучительный транс, поплелся вперед. Вяло переставляя ноги, пошатываясь, не помня себя, он пробирался все дальше и дальше вглубь армии нежити и могущественным колдовством расчищал себе путь от врагов. Следом за некромантом, с испугом и недоверием наблюдая за черной магией, шел Дайрес.

— Сиквойя! — не своим голосом прокричал Сандро. Его клич, многократно усиленный колдовством, разнесся далеко окрест, пробежался эхом по ущелью и еще долго, не умолкая, блуждал меж скал. — Сиквойя! Прикажи своим воинам сложить оружие! Я пришел с миром!

Неупокоенных вокруг становилось все меньше. Полководец, увидев опасность, решил сохранить свою армию и приказал рабам не приближаться к обезумевшему магу. Вскоре Сандро увидел карл, уже позабывших про клин и сражающихся в кругу. Зомби ударом щита опрокинул Хемдаля. Тут же к поверженному свартальву подскочили скелеты и начали лупить его мечами по доспеху. Броня зеленобородого выдержала все вражеские атаки, но под градом ударов Хемдаль уже не смог подняться. В следующий миг три волкулаки набросились на Брока, отчаянно пытавшегося защитить брата, повалили его наземь и с невероятной злобой принялись грызть шлем, рвать когтями налядвенники и наручи. Только Синдри хватило опыта и сил, чтобы и дальше ловко отбиваться от наседающих врагов. Но ясно было, что даже ему не выстоять в одиночку.

— Сиквойя! — громче прежнего выкрикнул некромант. — Прикажи мертвым опустить мечи! Иначе не получишь свободу, о которой просил!

Ренегату из Гильдии Хельхейма не понадобилось много времени, чтобы принять решение: уже в следующее мгновение его рабы опустили оружие и больше не выказывали никакой агрессии. Остановив ток своего заклинания, краем глаза заметив, как черные щупальца угасли, осыпались на снег седым пеплом, Сандро выронил из ослабевших рук посох, пошатнулся и от магического истощения не устоял на ногах.

— Почему они послушали? — перепугано спросил Дайрес, подмышками схватив Сандро.

— Повелитель мертвых предлагал мне сделку, теперь я ее приму. Но на своих условиях...

— Ты что натворил, полумертвый? — быстро оправившись от неудачного сражения, Брок подбежал к Сандро и схватил его за шею. — Я спрашиваю тебя: что ты натворил?!

— Спас твою задницу. Пусти, иначе я не смогу договориться с Сиквойей.

— Договариваться с нежитью? Не бывает этому! За этим мы шли с тобой? Чтобы ты точил ляды с некромантами? Да я лучше сломаю тебе шею...

— И сделаешь из меня лича? — Сандро правой рукой, закованной в драконью перчатку, выкрутил Броку запястье и вынудил карлу отпустить его.

— Не горячись, — подбежав, Хемдаль схватил младшего брата за плечи и оттащил от некроманта. — Остынь...

— Иногда, чтобы победить зло, надо стать злом, — философски заметил Сандро.

— И ты готов им стать, полуживой? — пренебрежительно спросил знакомый голос. Юноша обернулся и увидел перед собой Сиквойю.

Глаза лича ярко полыхали. Раб радовался своей победе и даже не пытался этого скрыть. Он еще не знал, какие требования поставит полумертвый, но верил, что обретет долгожданную свободу.

— Только наполовину... — хладнокровно ответил Сандро, неотрывно наблюдая за

lichem и собирая воедино все оставшиеся магические силы: на тот случай, если Сиквойя не захочет играть по его правилам. — На вторую половину я всегда буду человеком, которому чуждо зло.

— Что ж, не будем философствовать... Значит, ты изменил свое решение и готов помочь мне?

— Помочь? — зло процедил Брок, напрасно пытаясь вырваться из рук Хемдаля. — Ты, верно, шутишь, безмозглый скелетишка? От нас ты ничего не получишь. А если помощь и выскочит из-за угла, то я обязательно засуну ее в твой костяной зад!

— Ты должен будешь выполнить ряд моих требований, — не обращая внимания на вопли рыжебородого, сказал Сандро. — Получив свободу, отпустишь меня и моих спутников, а сам уйдешь с дороги Фомора и не станешь вступать с ним в сражение.

— И это все? — Сиквойя и без этих условий не собирался терять жизнь в заведомо проигрышном сражении, да и в убийстве освободителя не было для него никакой нужды. — По рукам!

— Карлы не идут на поводу у Проклятых! — выкрутившись из хватки брата, прорычал рыжебородый и поднял со снега алебарду.

— Стой! — потребовал Синдри. — Пусть полумертвый делает то, что решил.

— Ты не видишь, что он решил? — Брок сделал два осторожных шага в сторону Сиквойи. — Не видишь? — повторил Брок и еще на шаг приблизился к личу. — Своими поступками полумертвый доказывает свое родство с нежитью. Мы должны прикончить и его, и этого выскочку скелета. Это наш долг!

Сандро напрягся. Если карле удастся убить Сиквойю, все неупокоенные станут свободными. Этого нельзя было допустить.

— Замолчи! — гаркнул Синдри, устав от болтовни Брока. — Замолчи и опусти алебарду.

— Но брат...

— Пусть говорит полумертвый.

— Ты согласен с моими требованиями? — облегченно вздохнув, спросил Сандро.

— Да, — коротко ответил Сиквойя.

— Тогда уже сегодня ты освободишься от рабства. Только, прежде чем я возьмусь за изготовление эликсира, поклянись выполнить мои требования, — с этими словами некромант достал из заплечного мешка клеймо Эльтона и подошел ближе к личу. Сиквойя сразу понял, что за вещь в руках алхимика, но с готовностью согласился на выдвинутое условие.

— Клянусь не причинять зла ни тебе, полуживой, ни твоим спутникам. Клянусь отпустить вас и не мешать в странствиях. Клянусь не вступать с Фомором и его войсками в битву, если от этого не будет зависеть моё существование. Клянусь сделать все это, если ты сумеешь разорвать мою связь с Арганусом.

— Поклянись сдохнуть! — от себя добавил Брок.

— Он это сделал веками назад, — заметил Сандро, взял лича за руку и заклеил его костяную кисть: — Клятва принята.

— Времени у тебя до заката, — предупредил Сиквойя. — Каждый день с заходом солнца Арганус связывается со мной, чтобы получить подробный доклад. Он не должен знать, что мы с тобой плетем интриги за его спиной.

— Эликсир будет готов к сроку...

* * *

Алхимик отдалился от всех, чтобы никто не мешал ему в опытах, но Трисмегист, еще не смилившийся с тем, что ученик не нуждается в советах и поучениях, последовал за ним. Сандро устроился у скалы, образовавшей небольшой грот. Ветра здесь не было, а от снега, способного случайно смешаться с эликсиром и нарушить его чистоту, помогла магия.

— Этого времени недостаточно! — взволновано воскликнул Трисмегист. — Мы должны покинуть лагерь, иначе твоей миссии придет конец.

Сандро искоса посмотрел на наставника и в уме отметил, что друид сейчас походил на старика, переживающего за судьбу внука.

— Альберт, — с трудом скрывая улыбку, заговорил юноша, — не ворчи... И вообще, о какой такой миссии идет речь?

— Ты должен покинуть Хельхейм, — тут же ответил Трисмегист. — Война мертвых — не твое дело. Некроманты бесконечно будут грызть друг другу глотки, делить власть, сражаться за нее и этим лишь ослаблять Хельхейм. А вот твоя судьба в твоих руках. Хочешь стать человеком — беги отсюда, пока не поздно...

— Уже поздно, — заметил Сандро и провел рукой над разгоревшимся пламенем. Жара было достаточно. Юный алхимик, идя «сухим путем» кальцинации, приступил к черной стадии: уложил Первоматерь в платиновый сосуд и поставил его на короткую треногу.

— Тем более, — помолчав, продолжил юноша. — Я не собираюсь отказываться от своей затеи. Сиквойя, в противовес данному слову, поведет свои войска против Фомора.

— Как ты этого добьешься?

— Увидишь, — заверил Сандро и с недовольством глянул, как медленно расслаивается Черный Ворон.

Времени и впрямь не хватало. Алхимик сознательно пошел на риск и коснулся огня колдовским сознанием, заставил пламя греть сильнее, активнее. *Prima materia* быстро обуглилась, окончательно расслоилась и начала двигаться в сосуде подобно тому, как ворон размахивает своими крыльями.

— Сандро, почему ты не хочешь использовать свой талант алхимика для того, чтобы найти киноварь и стать человеком?

— Повторить твой подвиг? — с иронией спросил Сандро, добавил к Черному Ворону кислоту и стал неотрывно следить за реакцией, дожидаясь появления белого цвета, чтобы убедиться в том, что, вмешавшись в пережигание, не нарушил ток трансмутаций. Вскоре на свинце на краткий миг образовался белый налет, и алхимик облегченно вздохнул.

— Альберт, — вновь заговорил некромант, когда Белая стадия подошла к концу, а свинец в сосуде, окислившись, образовал Зеленого Льва, — ты не забыл, чем закончилась твоя попытка найти Философский камень? В Валлии появилась дыра, которую теперь называют Хельхеймом. Это началось с одного друида. Вторым я быть не хочу.

— Ты жесток, — с обидой сказал Трисмегист.

— Во мне говорит мертвая сущность...

Зеленый Лев покраснел. Винный спирт, выпарившись, растворил Красного Льва и в колбе остался лишь свинцовый сахар. Сандро, помня поэтапно все, что проделывал тремя годами ранее, переложил ацетат в обмазанную глиной реторту и стал его дистиллировать. Работа ненадолго смягчила алхимика, и говорить он продолжил уже учтивее, хоть и несколько отстраненно:

— Я знаю, Альберт, тогда ты думал о благе, которое подаришь людям, а не о том, что низвергнешь мир в огонь жестоких войн. Но я понял одну простую истину: мертвое знание не дарит жизнь. Алхимия мертва, в ней не найти спасения. Она опасна.

— Ты можешь пробовать эликсиры на других... — вкрадчиво предложил Трисмегист.

— На потомках венценосных альвов? — съязвил Сандро, напомнив друиду о том, как однажды он дал эликсир Бессмертия единственному сыну Оберона и Титании, чем превратил наследника правящих альвов в лича. — Я не буду подвергать опасности других. Миру хватит Черных Вдов, пожирающих невинные души, и Драконьих скал — единственного наследия, оставшегося от магических существ.

— Да, я совершил немало ошибок...

— И не проси меня их повторять. Я уже говорил и скажу еще раз: я не стану искать жизнь в мертвой науке.

— Амагрин Овен ее уже нашел — он создал эликсир Жизни.

— Пусть он будет единственным, кому это удалось, — не отрываясь от Делания, сказал Сандро.

Цепью преобразований сменились стадии Павлина, Единорога и Пеликана, все закончилось перерождением Феникса, когда черный Дракон пожрал свой хвост и дал новую жизнь Зеленому Льву. Круг трансмутаций завершился. Но понадобится еще один, чтобы закрепить свойства эликсира, сделать их постоянными.

— Если повезет, — продолжил алхимик, — я воспользуюсь творением Овена. Если удача отвернется, найду другой способ. Но не в алхимии, Альберт. Не в алхимии. И не будем возвращаться к этому разговору.

— Как знаешь...

Спустя полчаса вторая цепь преобразований закончилась. Некромант отложил в сторону эликсир «разрыва», но не остановился на достигнутом, а приступил к изготовлению нового зелья: подбросил в костер дров, поставил на огонь две платиновые миски и растопил в них снег. Закинув в полученную воду клевер удачи и забросив клубни мандрагоры в небольшой дорожный конденсатор, посмотрел на Трисмегиста и улыбнулся:

— Только не говори, что зельеварение и алхимия — одно и то же...

— Зачем тебе эти зелья? Зачем давать Сиквойи свободу?

— Он приблизит осуществление моей цели.

— Какой цели? — поинтересовался друид.

— Я мечтал о многом... — помолчав, заговорил в ответ Сандро. — Сперва — избавиться от рабства, покинуть Хельхейм и вернуть себе прежний облик, стать живым... Но теперь все изменилось. Я мечтаю отомстить тому, кто убил мою семью, а меня превратил в уродца, в нежить.

— Ты человек, Сандро, не нежить. А человека делает Цель, даже не она сама, а путь к ее достижению. Но месть — это плохая цель, не имеющая созидательной силы. Она разрушает изнутри и не дает никакого развития. Месть — это утопия, которая по достижению превратит тебя в ничто.

— Но я выбрал ее своей целью и по твоему совету, буду держаться решения до конца.

— Что ж, я буду лишь рад, если Арганус проиграет войну. Только будь осторожен: не потеряй в своих черных желаниях себя.

— Не переживай: покончив с Арганусом, я вернусь к своим целям и исполню их.

— Да услышат тебя Эстер и Симиона...

— Пусть слышат, или заткнут уши — их слух никак не отразится на мне: я достигну успеха. А что же... какая, по твоему мнению, цель имеет созидательные корни?

— Жизнь, — не задумываясь, ответил друид. — Жизнь и любовь...

— Любовь?

— Именно она и ведет тебя по пути добра. По крайней мере — пока. Впрочем, любовь многогранна. Иногда она заводит в такой омут, что никакие силы Тьмы не смогли бы сплести узел зла туже.

— Но для меня любовь — добро? — заинтересовавшись, уточнил Сандро.

— Для тебя — да. Твоя любовь к Энин держит тебя на плаву.

— Энин... — тихо прошептал юноша, и имя возлюбленной, будто игла, укололо сердце, холодом сковало грудь. Тянувшая тоска болью разлуки промчалась по всему телу и неведомым чувством, сплетенным из желания и осознания того, что мечту не осуществить, улеглась внизу живота.

— Да, — глубоко вздохнув, с грустью заговорил Сандро, — именно она познакомила меня с жизнью. Подарила мне новую реальность, вдохнула в меня любовь, радость. Жаль, мне трудно, очень трудно выразить все эмоции словами. Нет тех слов, которыми можно передать ощущения, которые я испытываю, представляя ее образ. В эти мгновения мне вдруг кажется, что у нас все могло получиться иначе...

Сандро замолчал и надолго погрузился в раздумья. Отстраненно, блуждая в своих ярких, ведомых лишь ему фантазиях, помешивал зелье и все глубже и глубже проваливался в

воображаемый мир.

— А ее глаза, Альберт! — неожиданно воскликнул юноша. — В них нельзя не влюбиться. Они являются ко мне каждую ночь... Ее голос всегда зовет за собой. И знаешь, Альберт, я бы уснул, уснул, чтобы никогда не проснуться, лишь бы видеть перед собой Энин, лишь бы быть с ней рядом.

— Тогда почему ты оставил ее?

— Из-за страха, — коротко ответил Сандро, и красочный воображаемый мир, вспыхнув ярким огнем, быстро прогорел и сменился черной, липкой сажей, перепачкавшей не только фантазии, но и реальность. — Из-за страха, — повторил юноша. — Да, из-за него. Если бы остался, Энин отвергла б меня. В этом нет сомнений. Я не тешу себя иллюзиями — видел свое отражение в зеркале, а красавицы любят чудовищ только в сказках. В жизни все обстоит иначе. Энин попыталась открыть мне свое сердце, попыталась, но поняла всю тщетность этой затеи. И теперь она не любит, она — ненавидит. А я боюсь этой ненависти. Боюсь... и поэтому убегаю.

— Ты преувеличиваешь...

— Ничуть! Альберт, я видел, как она на меня смотрит. Ее взгляд преисполнен презрения. Не хочу, чтобы она на меня так смотрела, это убивает сильнее любого яда. А сейчас Энин углубилась в изучение темной магии... и ее сердце очерствело, а душа уснула...

— Рад, что ты трезво оцениваешь действительность.

— Но это несправедливо! — истово выкрикнул Сандро. — Да, действительность такова. Но почему?! Почему Арганус не выбрал другого? Почему убил именно мою семью? Почему именно меня превратил в полумертвое создание? Зачем взял Энин в ученицы? Чего хотел добиться? Ответь, Альберт...

Трисмегист не ответил.

— Я был бы человеком... — тяжело вздохнув, спокойно продолжил Сандро. — А людям проще жить друг с другом...

— Ты станешь человеком, — пообещал друид. — Обязательно станешь. Если есть цель, пути достижения найдутся.

— Но станет ли меня ждать Энин?

— Хватит о ней... — попросил Трисмегист, в душе понимая, что девушка никогда не разделит любви Сандро. — Думая об Энин, ты терзаешь и мучаешь сам себя. Тебе надо время. Со временем раны заживают, а чувства забываются.

— За три года я о ней не забыл. И жил только тогда, когда был с ней рядом. Альберт, мое сердце замирало, когда глаза видели ее. И мне было больно, нестерпимо больно понимать, что она уходит во Тьму и с каждым днем ее ненависть ко мне крепнет.

— Очнись! Очнись же ты, наконец! Ты же все прекрасно понимаешь. Зачем мучаешь себя? Живи! Живи своей жизнью. Живи без нее.

— Я заставлял себя, — рука Сандро дрогнула, и он чуть не пролил отвар трилистника мимо пробирки. — Заставлял жестко. Беспощадно. Безо всякой к себе жалости. Но не преуспел. Это свыше моих сил.

— Тогда оплакивай свою судьбу, но продолжай идти к цели.

— К мести? — уточнил некромант.

— К жизни, — поправил друид.

Сандро не ответил, лишь смешал два полученных зелья в одном флаконе.

— Что ты натворил? — воскликнул Трисмегист. — Ты испортил оба эликсира. Слившись воедино, они утратили изначальные свойства.

— О нет, Альберт, — улыбнулся Сандро и оценивающе взглянул на плод своих трудов. — Не так давно я понял, каким образом Арганус сумел подчинить себе часть советников Гильдии. Он по недомыслию соединил два моих изобретения: эликсир «разрыва» и зелье «подчинения», и ни одно из них не лишилось свойств. Арганус даже не догадывался, что это глупо и неверно, но ему неслыханно повезло: алхимия и зельеварение не мешали друг другу...

Закончив, Сандро спрятал за пазухой эликсир и отправился к войску мертвых. За спиной алхимика скрылось за горами холодное солнце. Пришли сумерки, которые по-зимнему быстро сменились ночной мглой. Срок, отмеренный Сиквойей, подошел к концу, но эликсир был уже готов. Вот только Сандро еще не знал, что именно в этот миг Арганус взял в руки мутную сферу, чтобы связаться со своим рабом.

Планы были нарушены.

* * *

Как и каждый вечер Арганус прикоснулся к сфере, внимательно взгляделся в неё и, сосредоточившись, заскользил по магическим потокам, выискивая в несметном множестве своих кукол ту, которую послал на верную гибель — лорда Сиквойю Дер'Итиля.

— Как обстоят дела? — спросил Арганус, когда раб ответил на Зов.

— С каждым днем мы все ближе к армиям Фомора, — с холодным спокойствием заговорил Сиквойя, настороженно и с нетерпением озираясь по сторонам в поисках полуживого. Надо было спешить: как можно быстрее разорвать связь с Арганусом. Но алхимика нигде не было, глупый мальчишка куда-то запропастился, не выполнил в срок взятые на себя обязательства. — Я чувствую, что они уже рядом. Не пройдет и двух дней, и наши воины сойдутся в битве.

— Ты должен, нет ты обязан одержать победу, — сказал д'Эвизвил, прекрасно понимая, что гибель раба неизбежна.

— Сделаю все, что в моих силах, — заверил Сиквойя, бегая взглядом по мертвой армии и выискивая в ней крупницу жизни — полулича.

— А теперь говори: что нового произошло со вчерашнего дня. Что случилось из того, что мне следовало бы знать? Что меня в состоянии заинтересовать?

— Не так давно я обнаружил место магической битвы. Погибли йотуны. И что удивительно, некоторые из них были подняты некромантом.

— Сандро? — с интересом уточнил д'Эвизвил.

— Вероятно...

— Когда это случилось?

— Недавно, — пространно ответил Сиквойя. — Насколько могу судить, скоро мои армии до него доберутся.

— Недавно... — повторил Арганус задумчивым голосом. — Точность! Мне нужна точность в докладе. Недавно — это когда?

— Неделью назад...

— И ты молчал? Молчал все семь дней? У тебя появились от меня тайны? Что ж, сейчас я это проверю. Открой мне свой разум...

Заметив спешащего к нему алхимика, Сиквойя ослабил магию смерти, при помощи которой существовал, отдалил собственное сознание от изуродованного временем тела. Глаза его погасли, красный огонь в глазницах истлел, но уже в следующий миг загорелся с прежней силой.

Первым, кого увидел д'Эвизвил глазами своего раба, был Сандро.

— Приветствую, ученик.

— Арганус... — прошипел в ответ Сандро и спрятал флакон с эликсиром за спину. — Пожаловал в гости самый бездарный из учителей.

— Ты ошибаешься. Я хороший учитель, поэтому мне и удалось воспитать сильного мага. Но ты, ученик, еще много не знаешь. Если вернешься ко мне, я открою тебе все тайны, которые мне ведомы. Ты станешь всемогущим.

— У меня уже есть наставник, который превосходит тебя и по силе, и по знаниям.

— Трисмегист? — Арганус рассмеялся скрипучим, рожденным магией, смехом, от которого по живой половине тела Сандро пробежали мурашки. — Ты напрасно ему доверяешь. Альберт всегда, даже будучи друидом, вынашивал недобрые мысли и мечтал о

власти. Теперь его сущность — сущность любого некроманта. Неспроста мы жаждем повелевать и быть выше остальных — все это отголоски характера Трисмегиста. Обучаясь у него, ты ходишь по лезвию ножа.

— Я тебе не верю, — подойдя на шаг ближе к Сиквойе, в которого вселился д'Эвизвил, сказал полумертвый. — Не верю, — повторил он, сделав еще один шаг. — Скажи: кто поджег мой отчий дом? Кто виновен в смерти моих родителей? По чьей воле я чуть не погиб? Почему меня отдали тебе, когда я был еще жив? Почему нарушили закон Балор Дота, не позволяющий забирать живых?

— Тебе понадобилось много времени, чтобы понять простую истину: от начала и до конца ты — плод моего гения, моего мастерства.

— Мастерства? Что ж, я убью тебя, мастер. Убью, не оставив даже пепла! — выкрикнул Сандро, но переборол в себе нарастающую злобу, выбросил из головы агрессию, которая, как говорил на своих уроках д'Эвизвил, часто мешает, и заговорил спокойным, холодным голосом: — Думаешь, ты вечный, Арганус? Нет. В этом мире все преходяще: люди рождаются и умирают, одни династии приходят на смену другим, вековые дубы гнивают, горы осыпаются под силой ветра и воды. Арганус, ты прожил немало. И мог бы прожить еще больше, но совершил ошибку и воскресил меня. Теперь бойся, Вечный, бойся. Я близко... и близок твой конец!

— Глупец! — расхохотался лич. — Не тебе, мальчишка, угрожать мне! Тебе, недоучка, не хватит ни сил, ни умений, чтобы справиться со мной в поединке...

— Я говорил не о поединках, — твердо отчеканил Сандро, — а о твоей неминуемой гибели.

— Ты излишне самоуверен. Ты находишься в центре моей армии. Одно мое слово — и ты умрешь.

— Твоя армия будет моей, — заверил Сандро и с этими словами, не дав личу опомниться, швырнул в него приготовленный эликсир.

Арганус резко вернулся в свое тело, и туманные линии в связующей сфере уже не шевелились. Несколько мгновений д'Эвизвил напрасно вглядывался в мутный шар, пытаясь найти линию, ведущую к рабу-полководцу, но не преуспел: Сиквойи больше не существовало.

Сандро вновь спутал карты, но это не изменит сути. Через два дня д'Эвизвил вплотную приблизится к стенам столицы, а через три, если не раньше, трон Хельхейма будет принадлежать ему и только ему!

Глава 17. Падение Хельгарда

Чтоб изготoвить студень, что назван мною «гремучим», который мягок и прозрачен, а свойствами своими взрывает и опасен, выполни следующее:

— Тщательно и аккуратно перемешай Идеальную серу с Кровью Единорога. Водоотнимающим братом удали из смеси воду и получи меланж.

— Отдельно от сего медленно нагревай на огне Старую деву, пока она не пустит слезы и не скинет с себя одежды, сделавшись девственно чистой.

— Охлади Деву меланжем.

— В полученный студень добавь древесного угля, закрой в стеклянном кристалле, смочи селитрой и, если кристалл при ударе взрывается огнем, считай свой опыт удачным.

Сандро Гайер «Записки молодого алхимика»

Последняя твердыня, защищавшая подступы к столице, пала без боя. Войска Аргануса, так и не ощутив действенного сопротивления, не прекратив бодрого марша,

беспрепятственно прошли всю округу Хельгарда. Впереди, в полудне пути, раскинулась последняя преграда, отделявшая Кровавого лорда от власти, — неприступная столичная крепость.

Арганус не страшился высоких стен и глубоких рвов, в его руках было оружие, способное любую твердыню превратить в руины. Он с нетерпением ждал штурма, судьбоносного мига, который откроет либо яркий свет тронной залы, либо беспроглядную тьму забвения. Он ждал. И знал: все решится уже сегодня...

* * *

— Как ты посмел? — ураганом ворвалась в кабинет коннетабля Морена.

— Что именно, моя королева? — наиграно удивился Жерар, будто не догадался, о чем речь.

— И ты еще спрашиваешь? — нахмурила иллюзорные брови некромантка. — Все гарнизоны герцогства пусты, а их воины толпятся в Хельгардской крепости.

— Да, так и есть. Они в точности исполнили мой приказ...

— А как же твое обещание? Как же те письма, которые ты писал? Почему приказ не был отменен?

— Был, моя королева, — с грустью отозвался Жерар. — Как и обещал, я отменил приказ, послал гонцов, но они не успели в срок, и армии выступили на марш.

— Ты обманул меня, — уронила королева. — Но в первую очередь — обманул себя. Гарнизоны задержали бы Аргануса, а быть может — победили его. Теперь ты — да не только ты, все, кто оказался в столице! — в тисках окружения, в осаде!

— Мы мертвы, моя королева, — заметил коннетабль, с печалью взглянув на живую иллюзию, которой окружила себя Морена.

Она была прекрасна, обворожительна, мила в своем истовом гневе и... жива. Королева была жива, пусть не внутри, но снаружи, а Жерар не мог похвастаться даже этим, хотя через год после перевоплощения все еще не чувствовал себя трупом. Как говорил дядя, человеческое сознание гибнет не сразу, проходят годы, иногда — века, но неживое мышление приходит неизбежно.

— Мертвы, — повторил Жерар. Ему даже показалось, что от печали сердце кольнуло в груди. Вот только сердца там уже не было. — Осада нам не страшна. Если же Арганус решится на штурм, то погибнет и он, и его армия. Хельгард был, есть и будет неприступной крепостью, оплотом королевской власти и силы.

— Что ж, возможно, ты прав, — легко согласилась Морена, на время забыв о гневе, который раскрыл бы Жерару глаза. — Только тебе стоит поторопиться: со дня на день Арганус будет здесь.

— Виконт... — зайдя в кабинет, с поклоном обратился к коннетаблю друг.

— Говори, — позволил Жерар.

— Со стороны заката показались вражеские войска.

— Распорядись, чтобы мне приготовили коня, и ступай на крепостную стену. Сегодня мы узнаем: хватит ли у Аргануса смелости, чтобы пойти на штурм?

— Хватит, — заверила Морена, и Жерар посмотрел на нее со скрытым удивлением. — За долгие годы рабства я хорошо его изучила. Если в пылу сражения мы встретимся в поединке, пусть никто мне не мешает.

— Ты кровожадна! — Жерар клацнул челюстью, напрасно попытавшись улыбнуться. — Идем, — он подал королеве костяную руку, и в нее легла изящная ладошка из плоти и крови, навешанной мороком. — Сегодня ты станешь свидетельницей моего триумфа! — пообещал коннетабль, а Морена лишь загадочно улыбнулась.

Спустя четверть часа Жерар уже стоял на крепостной стене и вглядывался в даль, где из-за горизонта выплывали все новые и новые войска мертвецов с красными светлячками в пустых глазницах.

— Сколько их? — спросил коннетабль у стоявшего рядом Дрея Аргона — рыцаря смерти, назначенного на пост генерала.

— Пока насчитали десять тысяч, но войска противника все прибывают, — отчеканил скелет в полном тяжелом доспехе, вылитом без единой бреши, выкованном так, чтобы его никогда не снимали. «Вечное служение» — девиз рыцарей мертвых.

— Каковы наши силы?

— Не считая бойцовских псов — девять тысяч. Из них пять — скелеты, три — зомби, сотня драугров, остальные — гули.

— Драугров выставить на стенах и у катапульт, чтобы они вразумляли тупоголовых скелетов. Зомби пусть ждут внутри крепости.

— Уже распорядился, — поклонился рыцарь, а Жерар отметил для себя, что не зря назначил Дрея на высокий пост.

— Запомни, генерал: мы должны выстоять.

— Если небо не низвергнется вниз, а крепость не рухнет под землю — выстоим, — без тени сомнений сказал Дрей и был, несомненно, прав в своих расчетах. Только он не ведал, что Кровавому лорду подвластны и недра, и небеса.

В небо взмыли камни катапульт. Дрей махнул рукой, приказав драуграм уничтожить валуны, но коннетабль остановил его:

— Они не долетят до стен, — сказал лич и оказался прав: ядра упали на землю за десять шагов от цели.

Канониры Аргануса повторили попытку, и на этот раз Жерар сам, собрав с полумагов их силы, одним взмахом превратил камни в хрупкие ледяные глыбы, которые, ударившись о крепкие стены, рассыпались мелким крошевом.

— Пристреливает катапульты, — повернувшись к Морене, пояснил Жерар и улыбнулся, но не губами, а одними глазами.

Королева мертвых перед боем надела роскошное, пышное платье, изменила иллюзорную прическу и подкрасила лицо, подчеркнув большие, миндалевидные глаза и затенив несколько грубоватые скулы. На краткий миг на этом восхитительном, точеном лице проступил испуг:

— Ведь Арганусу не удастся сломить нашу защиту? — с неким кокетством поинтересовалась Морена и выглянула из-за плеча Жерара, чтобы лучше разглядеть поле брани. Бой ее не интересовал, ровно как и ответ на вопрос: в победе Аргануса она не сомневалась. Была у нее другая цель. — Крепость непреступна, а в защите нет слабых мест. Ведь так?

— Слабые места есть всегда и везде. Но я обо всем позаботился и снизил опасность до минимума.

— Есть? — испугано выдохнула Морена.

— Не стоит так волноваться, моя королева! — Жерар хотел улыбнуться самой доброй, располагающей улыбкой, но, не сумев этого сделать, в очередной раз мысленно проклял личину мертвеца. — Жаль, мне уже не удастся устроить вам экскурсию по крепостным фортификациям, моя королева, но я надеюсь, вы поверите мне на слово, если я скажу, что в Хельгардской крепости есть только одно слабое место, и оно защищено отборными драуграми, которые никогда не подпустят к себе врага.

— Темные боги! — воскликнула Морена. — Где это страшное место? Я не хочу быть к нему ближе, чем на лигу!

— О, моя королева, не волнуйтесь же так, — снисходительным тоном отозвался Жерар. Он еще не привык к тому, что немертвые нечувствительны к страху. Ключнул на уловку Морены, принял ее лживую игру. — Этот опасный участок достаточно далеко, на востоке крепостной стены. Именно эта часть фортификаций была разрушена годами ранее и кладка там новая, непрочная. В остальном же, моя королева, будьте покойны: Хельгард неприступен. Никогда и никому за всю историю мира не удавалось взять крепость штурмом.

— Надеюсь, Арганус не перепишет эту историю по-своему, — прижав руку к

несуществующему сердцу, взволновано сказала Морена.

— Ах, как вы впечатлительны, моя королева! Но я уверяю вас: этот день войдет в историю Хельхейма как грандиозная победа над изменником и его рабами. Будьте уверены, именно так все и случится...

Пока коннетабль и королева вели беседы, у подножья крепости полыхала битва. Не обращая внимания на воркующих голубков, за ходом сражения внимательно следил генерал Дрей.

Скелеты, не знавшие ни страха, ни усталости, похватав тяжелые лестницы, мешки с землей, крюки и тараны, ринулись в бой. Всепоглощающей волной прокатились по равнине и, добежав до глубокого рва, в котором уже давно, с тех пор как к власти пришли некроманты, не осталось воды, разбились сотней брызг о несокрушимые крепостные стены.

Вражеских воинов было не счесть. Другры Жерара, ни на миг не останавливаясь, швыряли в войско противника огненные шары, выжигающие за раз по десятку мертвых, но скелетов не становилось меньше. Они все прибывали, копошились у ворот, засыпали ров, рвали крюками цепи моста, умирали, десятками, сотнями, — Арганус не жалел материал — гибли, но не прекращали работы.

— Катапульти! — приказал Жерар, манерно взмахнул руками и, собравшись с силами, принялся поливать армию противника огнем.

Дрей услышал команду, но не сдвинулся с места — все его воины без слов поняли, что им следует делать. Разом выстрелили два десятка катапульти, стоявших во внутренней площади крепости, и огромные глыбы, взмыв к небу, обрушились на многотысячную армию Аргануса. В тот же миг другры магией ударили по выжившим неупокоенным, не оставив ни единого уцелевшего врага.

Первая волна была отбита.

Арганус дал передышку. Больше часа его канониры палили из катапульти, а другры Жерара превращали камень в безобидный лед, не способный навредить крепким стенам.

— Чего он ждет? — потеряв терпение, нервно воскликнул коннетабль. — Неужели не понимает, что такая тактика ни к чему не приведет? Почему не нападает?

— Он хитер, милорд, — заметил Дрей.

— Он глуп, — возразила Морена и, взглянув на Жерара, кокетливо улыбнулась: — Нам не составит труда справиться с ним.

— Мы обязательно одержим верх, моя королева! — воодушевленно заявил коннетабль.

— Да, но у меня нет желания наблюдать за мерзостью, которое начнется здесь с минуты на минуту. Я хотела бы удалиться в свои покои. Ты не составишь мне компанию?

— Я? — опешил лич. — Но мои силы нужны здесь.

— Милый, маги справятся и без твоей помощи. Я уверена в их силах. Идем же. Видишь: Арганус вновь послал вперед своих скелетов. Сейчас начнется бойня, а у меня слишком игривое настроение, чтобы тратить его на созерцание битв. Эти зрелища не для женских глаз.

Секунду подумав, Жерар принял решение:

— Обо всем докладывать мне, Дрей. Если что-то пойдет не так, за это ответишь ты.

— Слушаюсь, милорд, — кивнул рыцарь смерти. — Вам не о чем беспокоиться.

* * *

Арганус отложил сферу, при помощи которого услышал разговор Морены и коннетабля от начала и до конца. Что ж, мало того, что Жерар выболтал, будто сплетница, все военные тайны, так он оказался достаточно глуп, чтобы пойти на поводу у женщины и в решающий момент покинуть место битвы. Теперь защитники остались без магической поддержки. Недальновидный коннетабль поплатится за это.

— Сто другров... На стенах — и того меньше... — д'Эвизвил задумчиво посмотрел на двух имитаторов, сидевших у его ног в обликах гончих. Ах, он всегда мечтал получить в

рабство Ди-Дио, но они были полностью невосприимчивы к магии и только благодаря эликсиру «подчинения» Арганус сумел-таки сделать из имитаторов слуг.

Решившись, Кровавый лорд приказал всем скелетам и зомби идти на приступ, чтобы они отвлекли внимание. И обратился к своим рабам:

— Отправляйтесь на стены. Убивайте полумагов. Они безоружны и не станут для вас легкой добычей. Уничтожьте их как можно больше, даже ценой собственных жизней. И не забудьте взять с собой оружие.

Диомед из всех сил постарался послушаться приказа, но не сумел перебороть магию подчинения. Дайра, уже разуверившись в своих возможностях, выполнила команду безропотно, без сопротивления. Две гончие, сидевшие у ног Аргануса, без слов превратились в двух крупных орлов и, взяв в когтистые лапы по мечу, взмыли в небо.

Когда орлы поравнялись с крепостной стеной, сражение было в самом разгаре. Зомби и скелеты тащили лестницы, ставили их на стены и бесконечным потоком карабкались вверх, с гулкими ударами, перекрывающими весь шум боя, били тараном по воротам. Защитники не сидели сложа руки: колдуны, плотно выстроившиеся на стене, сполна одаривали штурмующих магией огня, изредка отвлекаясь на каменные глыбы вражеских катапульти. Лестницы полыхали в магическом пламени, ломались, падали, но бесконечным потоком все новые и новые лестницы ложились на крепостные зубцы. Наподдающие с неиссякаемым рвением и рабской покорностью вновь карабкались вверх, но сгорали, так и не достигнув цели. Скелетам у ворот пришлось не раз и не два сменить своих погибших второй смертью собратьев, чтобы удары тарана ни на миг не прекращались. Но брама была так крепка, что все их потуги оставались бесполезными.

Генерал Дрей смотрел на разворачивающуюся картину не без удовольствия. Арганус, которому приписывали великий ум и немыслимые хитрость и коварство, показал себя как никчемный, ничем не примечательный полководец. Дрей ломал таких десятками. Но генерал изменил свои преждевременные выводы, когда заметил в дальнем конце стены непонятное мельтешение. Присмотревшись, он увидел как два странных существа с длинными, жилистыми конечностями, держа в руках по короткому, для ближнего боя, мечу, сеют в рядах драугров смерть. Были эти существа так быстры и ловки, что генерал, даже обладая абсолютным зрением, с трудом угадывал их движения. Дрей пришел в себя и понял, что маги, которые играют в этой битве главенствующую роль, гибнут один за другим, а их колдовство никак не вредит напавшим на них тварям. И тогда рыцарь смерти, забыв о генеральской перевязи, выхватил мечи и рванул туда, где драугры терпели поражение. Но ни помочь колдунам, ни исправить безнадежную ситуацию он уже не успел.

* * *

Диомед обладал завидными воинскими талантами. Он убивал неупокоенных быстро и хладнокровно, без лишних движений и замахов. В руках у него был обычный короткий меч, без каких-либо магических свойств. Но это не мешало шаману без труда расправляться с немертвыми. Ему достаточно было ударить драугра в темно-синюю глазницу, и полумаг падал замертво, быстро превращаясь в жалкую грудку рдеющих угольев и пепла. Утонченная Дайра, вышедшая из благородной семьи, убивать не умела, но неистово ненавидела немертвых и с радостью посылно лишала их тленного существования. Ловкость ликантропа, в которого она превратилась, не знала себе равных, а безоружные драугры, имеющие в арсенале лишь магию, никак не могли навредить ни ей, ни ее супругу.

Когда в первые же минуты боя имитаторам удалось положить больше двух десятков драугров, а остальные полумаги, почуввав опасность, перенесли всё свое внимание на Ди-Дио и перестали контролировать поле боя и уничтожать штурмующих, Дайра подумала, что в этом сражении им удастся выжить. Но надежда теплилась в её сердце недолго. Краем глаза она заметила падающий к основанию стены валун, а дальше случилось невероятное: пол под ногами дрогнул, мигом позже разлетелся вокруг каменной трухой, бесформенными глыбами

сорвался вниз. Дайру отбросило в сторону с крепостных фортификаций. Она зависла в воздухе в облике птицы и, найдя взглядом мужа, ужаснулась. Стена под Диомедом провалилась, и он, не успев подобрать подходящую личину, погрузился в глубокий развал и скрылся из виду за навалившимися на него валунами. Дайра метнулась на помощь, но в нее угодил один из каменных осколков. Глаза застелила тьма, и Дайра, так и не придя в сознание, с невероятной высоты рухнула наземь.

Арганус довольно потирал костяные руки, и глаза его ликующе сияли. Пресловутый Сандро все-таки сослужил своему учителю добрую службу. Когда полуживой изобрел взрывчатые кристаллы, Арганус отнесся к ним скептически, посчитав, что магия огня способна на то же самое. Но изменил свое мнение, узнав, что эти кристаллы разрушают камни, с чем колдовство зачастую не справлялось. Сейчас это изобретение пригодилось.

Когда имитаторы приняли на себя основной удар драугров, Арганус приказал зарядить катапульты необычными снарядами. Целью для атаки он выбрал наиболее слабое место в крепостной стене, то самое, о котором говорил де Пикиньи. Кладка там и вправду оказалось новой, менее устойчивой, но не расскажи об этом дефекте Жерар, Арганус даже не обратил бы внимания на то, что камень там светлее, чем на остальных участках. Результат превзошел все ожидания. Пристрелянные катапульты ударили в самое основание крепостной стены, и она разлетелась в стороны, будто была не твердыней, а бутафорией.

В образовавшуюся брешь тут же повалили скелеты и зомби Аргануса. Вскоре брама пала. Защитники переметнули силы на слабый участок, рассредоточились, сделав себя легкой добычей. Драугров у врага почти не осталось: одних убили имитаторы, другие погибли при взрыве стены. У Хельгарда больше не было реальной силы, чтобы противостоять воинству Аргануса. Скелетов, занятых срыванием петель с ворот, уже никто не останавливал. Решив, что победа близка, лич даже выпустил трех костяных драконов, которых берег именно для такого случая. Он гордился этими существами, особенно сейчас, когда живого материала для их создания не осталось. Уже нисколько не сомневаясь в своей блестящей победе, Арганус отдал приказ идти в наступление всем своим войскам. А сам, взяв в почетный караул десяток драугров и генерала Барклая, пошел в Хельгард, чтобы воочию увидеть свои новые владения, принять ключи от города и надеть на чело королевскую корону.

* * *

Морена оказалась столь благосклонна, что позволила своему фавориту отвести ее в королевские покои и не только отвести, но и остаться. Теперь новообращенный лич, уже умеющий пользоваться огромными количествами силы, но не научившийся искусной волшеб, сидел на кровати и пялился на то, как служанка с трудом развязывает королеве корсет, и пышная грудь, избавленная от тугих узилищ, вздымается в облегченном вдохе. Морена не поскупилась на игру иллюзий.

— Вы великолепны, моя королева! — воскликнул Жерар и с горечью подумал о том, что сущность скелета лишает его жизнь всех удовольствий. Не так давно, всего годом ранее, он проводил с женщинами немало времени и пользовался славой великолепного любовника, а уже сейчас он не был способен удовлетворить никого, да и сам не имел возможности почувствовать женское тепло и ласку.

— Ты преувеличиваешь, — взмахнула рукой Морена и посмотрела на коннетабля томным взглядом. — Мне известно, что у тебя было немало прекрасных дам. Хотя королевским титулом не могла похвастаться ни одна из них.

— Титулы тут не при чем! — горячо воскликнул коннетабль и, почувствовав, как кто-то пытается проникнуть в его сознание, от злости скрипнул зубами. Мало того, что жалкий рыцарь смерти, не искушенный в магии, может связываться на расстоянии, на что сам Жерар не способен, так этот выскочка Дрей еще смеет волновать его в самый неподходящий момент!

— Докладывай! — зло выкрикнул коннетабль, когда генерал сумел-таки достучаться до всего господина. — И быстро! У меня не так много времени...

Морена тем временем отпустила служанку и нашла внутри комода два магнитных эллипса. Эта игра в добродушную королеву, которая благоволит перспективному магу, ее уже порядком утомила. Партию пора было доводить до финала. Тем более, как раз подвернулся удобный момент.

— Проклятье! — загремел за спиной Морены Жерар, выслушав, наконец, доклад о том, что монолитные, непреступные фортификации теперь превратились в каменную труху. — Как? Как?! Что за магия смогла разрушить стены? — вопрошал он у Дрея, а генерал не знал, что ответить. — Жди! Держи оборону! Я скоро буду! — Жерар сорвался с места и, спохватившись, посмотрел на Морену: — Прошу простить меня, моя королева, но мне надо срочно уйти...

— Ты останешься, — надменно бросила она и с презрением посмотрела на лича. Теперь от той ласковой и отзывчивой королевы, которую нарисовал себе в воображении Жерар, не осталось и следа. Морена безукоризненно сыграла свою роль, но время пьесы подошло к концу. — Останешься и не сдвинешься с места.

— Что это значит, моя королева? — тихо-тихо, будто боясь получить ответ на свой вопрос, прошептал Жерар.

— Это значит, — Морена встала с пуфа и посмотрела в темно-синие зрачки коннетабля, — что ты уже отвоевался, друг мой, — сказала она и швырнула в Жерара юбер-орбы.

Коннетабль среагировал моментально. В мгновение ока он выхватил меч и, рубанув наотмашь, умудрился плашмя отбить оба эллипса. Морена быстро переборола оторопь и послала в Жерара несколько заклинаний, но маг с руной Силы на челе даже не заметил этих потуг: отбил их с невероятной легкостью.

— Королева, — со злостью сказал он, и зубы его устрасяюще закрипели. — Предательница! Как я был глуп! Как мог пойти у тебя на поводу? — сокрушаясь, Жерар даже не заметил, что Морена медленно ретируется и с каждым мигом все ближе подходит к двери. — Я исправлю свою ошибку... — пообещал коннетабль и собрал достаточное количество силы, чтобы раздавить изменницу, как клопа, но прежде чем магия сорвалась с костяной руки Жерара, Морена выбежала из комнаты.

За ее спиной дверь разлетелась в щепки, но королева уже запетляла по запутанным коридорам, скрываясь от магии мчавшегося позади коннетабля. Уповав только на удачу, боясь встретиться с Жераром лицом к лицу, Морена долго бегала по лабиринтам дворца, но, в конце концов, была вынуждена покинуть здание. Она вылетела на площадь Коронаций, широко раскинувшуюся вокруг королевской резиденции. Оказавшись на открытом пространстве и поняв, что дальнейшее бегство бессмысленно, остановилась, молча вознесла короткую молитву Темным богам и приняла бой.

* * *

Подойдя в компании десятка драугров и Барклая к королевскому дворцу, Арганус увидел Морену, из последних сил сдерживающую натиск некроманта, облаченного в доспех с гербами де Пикийни. Новообращенный лич давил королеву магическим прессом и та ничего не могла противопоставить своему противнику. Сперва Арганус хотел досмотреть, чем кончится этот поединок, но позже решил, что не стоит разбрасываться опытными и могущественными магами.

— Де Пикийни! — громко выкрикнул д'Эвизвил. Жерар взглянул в его сторону, не прекратив, впрочем, давить королеву своей превосходящей в силе магией. — Я вызываю тебя на поединок! Кто победит, тот получит власть над столицей и всем королевством.

Несколько мгновений Жерар сомневался, но решил принять вызов и отпустил Морену из колдовских сетей.

— Сражаемся по старому обычаю, — заявил коннетабль, обрадовавшись такому повороту событий: он уже и не надеялся, что ему удастся одержать победу в этой войне, а тут представился отличный шанс выиграть без особых затруднений.

— Как хочешь, — пожал плечами Арганус и выставил перед собой посох с детенышем красного дракона в наверху.

Как некромант, обладающий недюжинной магической силой, де Пикийни отринул витиеватые гримуары и тяжелые для запоминания формулы и атаковал грубой мощью. Арганус принял чужую волшбу на драконий посох, но даже он удивился тому, какой силой обладал его противник. Для того, чтобы выстоять против огромного потока энергии, который имел только одну цель — уничтожить, пришлось воспользоваться подпиткой драугров, но даже этого оказалось недостаточно. Жерар был весьма силен, но слишком наивен и до сих пор не научился играть без правил.

Повинуясь мысленному приказу своего Хозяина, Барклай зашел со спины Жерара. Пока коннетабль был занят поединком с Арганусом и все свое внимание сосредоточил на магии, рыцарь смерти незаметно подкрался к нему на расстояние удара и, размахнувшись, опустил оба своих меча на плечи де Пикийни. Черная магия, скрепившая кости лича, не выдержала той силы, с которой были нанесены удары, и две костяные руки упали на мостовую. Жерар, не устояв на ногах, рухнул на колени и, не сразу поверив в произошедшее, беспомощно посмотрел на д'Эвизвила.

— Это бесчестно! Это против закона поединка...

— Бесчестно? — расхохотался Арганус. — Вы, де Пикийни, не только самоуверенны, но и смешны. Считаете, что, если обладаете силой, то хитрость и коварство вам ни к чему? Я разочарую тебя, виконт. Сила далеко не всегда была решающим фактором. Я не имел достаточного могущества, чтобы вызвать на поединок Балор Дота, но теперь стану королем, а ему суждено быть поверженным...

Арганус замолчал, не закончив мысли, посчитав, что слова ни к чему, кивнул Барклаю, и рыцарь смерти одним ударом отрубил Жерару голову. Череп виконта покатился по мостовой и замер. В глазах его еще несколько мгновений светилось темно-синее пламя.

— Предательница... — с ненавистью выдавил поверженный коннетабль, и его глаза потухли, а вместе с ними развеялась черная магия, питавшая тело скелета подобием жизни.

— Барклай, — Арганус посмотрел на своего полководца, с трудом сдерживая ликующий крик. — Уничтожь оставшиеся королевские войска. Теперь они потеряли контроль и не смогут послужить нам добрую службу. А ты, моя королева, — взгляд его переметнулся на Морену. — Я разочарован в тебе. Ты не справилась с поставленной задачей, не совлала с де Пикийни... Я тебя прощаю. Все это в прошлом. Готовь церемонию коронации. Не хочу терять ни дня, ни минуты!

Короновали Аргануса раньше, чем последние королевские войска были уничтожены. На улицах Хельгарда еще гремели мелкие сражения, воины Кровавого лорда без труда справлялись с бесцельно блуждающими, потерявшими Хозяина неупокоенными. Д'Эвизвил сидел в тронной зале, где собрались не только верные ему воины и маги, но и придворные, не имеющие ничего, никаких талантов и привилегий, кроме призрачного, ничего не значащего, положения в мертвом обществе и умения лебезить перед сильным.

Арганус не стал размениваться на грязные пиры и фанфары, пышные одежды и дорогие декорации. Перед сумасбродами, которые называли себя «высшим обществом», он предстал в неизменном доспехе с геральдическим драконом на груди и красном плаще поверх него.

— Сегодня вы созерцаете великий момент! — велеречиво провозгласил Арганус. — Момент истины! Когда слабый повержен, а сильный занимает положенное ему место. Больше не будет закона «людских свобод», больше мы не будем стелиться перед человеческим отребьем. С этого дня я восстанавливаю институт Большой Магии, возвращаю всем некромантам, выступившим на моей стороне, возможность набирать и обучать воспитанников. Теперь Хельхейм заживет новой жизнью, нарастит силу и будет править над мирами: как миром мертвых, так и миром живых!

С этими словами Арганус опустил на свое чело королевскую диадему. И заполонившие тронный зал тусовы ликующе заорали, зааплодировали костяными руками — их хлопки больше напоминали скрежет. Д'Эвизвил, игнорируя противные звуки, окунулся в долгожданную славу, наслаждался обретенной властью. Но имеющий власть может мечтать только о еще большей власти. И даже в этот радостный момент Аргануса не покидала мысль, что не пройдет совсем немного времени, и он поднимет Хельхейм с колен, накопит силы и добавит к своим владениям вотчину живых — земли Валлии.

Пророчество исполнилось: бывший раб стал королем. Но любая власть не вечна, а иногда она заканчивается, едва начавшись.

Глава 18. Дорога без возврата

— Но это ужасно, то, что они сотворили! — сказал воин. — Они — порождения Зла!

— Добро и Зло в твоей душе, — покачал головой Познавший Кровь. — Ты можешь смотреть на мир сквозь призму Добра или сквозь призму Зла. Смотри же сквозь призму Добра.

И Познавший Кровь распял его на стене дома и вспорол живот, и вытащил оттуда кишки, и бросил их на землю, и переломал ему хребет и руки, и ноги. А рыцарь, смотрящий на все это сквозь райские кущи, лишь улыбался блаженству, что испытывал впервые в жизни.

— Видишь? Ты смотрел сквозь Добро, а теперь смотри сквозь Зло!

И сотворил Познавший волибу, и сросся хребет рыцаря, и затянулась рана на животе, и зажили все прочие раны, и ушел Познавший. Но не было конца кошмарным страданиям рыцаря, ибо видел он все через Зло, и хоть был здоров, катался он в муках по земле, не находя успокоения боли, которой нет названия. И долго искал рыцарь Познавшего Кровь, и нашел его, и попросил сделать его последним рабом, только бы не испытывать мук.

— Ты говорил о Зле, — молвил Познавший, — не зная его. Добро и Зло в твоей душе.

И снова Познавший заставил рыцаря видеть через Добро, и возрадовался тот, и спустился с гор в ближайшую деревню проповедовать людям приобретенное знание. И лилась кровь, и вспарывались животы, и ломались кости, ибо такова была проповедь рыцаря, некогда давшего клятву бороться с порождениями Зла.

Евангелие от Ламии (гл. 5 ст. 3:3)

Над Вестфаленом возвышались черные снеговые тучи. Город утонул в ночном мраке, уснул тяжелым, беспокойным сном. Пустынную тишину улиц нередко нарушали стоны людей, умиравших от чумы, хмельные крики мародеров, грабивших опустевшие жилища. Город спал, но сон его был диким, жестоким.

Напившись до беспамятства, Веридий вышел из ворот своего поместья и, крепко сжимая начатую бутылку бенедиктина, шатаясь, поплелся, не зная куда. Когда сознание на миг возвращалось, а руки переставали трястись, он останавливался, делал жадный глоток и брел дальше.

Проходя мимо дома с раскуроченной дверью и сорванными с окон ставнями, Ливуазье услышал звуки потасовки и, заинтересовавшись, заглянул внутрь.

— Не тронь! — выкрикнул кто-то грубым басом. — Не тронь его, кому говорю?

Справившись с головокружением, Веридий присмотрелся и заметил седого мужчину крепкого седого мужчину в одежде кузнеца. На его могучих руках видны были следы лопнувших бубонов. Он безуспешно пытался оттащить подвыпившего друга от черного

комка, забившегося в углу. Веридий сплюнул, помянув чуму и эстерцев недобрым словом. Тех, кого нельзя было спасти, оставили в столице, и теперь эти люди, обреченные на смерть, как могли наслаждались последними днями своего тленного существования.

— Сейчас сделаем ему кровопускание и переливание, — вырываясь, обезумевший врач тянулся ножом к шее несчастного. — Я найду лекарство! Найду!

— Ты его убьешь! — возразил кузнец и крепче сжал кисть врачевателю, не позволив ему прикоснуться к жертве.

— Да мы все мертвы! Все!

— Занимательная сцена... — Веридий шагнул вперед, оступился, не устоял на ногах и рухнул на пол, чуть не разбив бутылку. Извернувшись, оказался на боку, отхлебнул бенедиктина и безмятежно улыбнулся. — Два трупа спорят над третьим: убивать его или нет?

— Ты еще кто такой? — уронил кузнец.

— Я? — поднимаясь, переспросил Веридий. — Беспощадный и кровожадный убийца, — ответил он и оскалился, показав нечеловеческие клыки.

— Вампир! — Вскрикнул врач и с ножом бросился на Ливуазье, но кузнец схватил друга подмышки и выволок из дома.

— Трус! Отпусти меня! — завопил за порогом пьяный лекарь, но чумной, не послушав, волоком потащил товарища подальше от опасного места.

— Ах, да, всегда пожалуйста, дружище — обратился Веридий к забившемуся в углу человеку, а когда избитый, окровавленный парень поднялся, вампир небрежно сплюнул: спасенным оказался слабоумный.

— Не-немертвый, — бессмысленно улыбаясь, промычал убогий. — Дружище... Спасает друга...

Услышав слова немощного, Веридий вздрогнул всем телом, вмиг протрезвел, выбросил недопитую бутылку и стрелой вылетел из заброшенного дома. Оказавшись за порогом, обратился в нетопыря и взмыл в небо. Перед глазами у него стоял образ Батури, а в сознании крутились слова убого: «Спасает друга»...

* * *

У фамильного замка Познавшего Клавдий был уже на закате. Сперва он планировал напасть без промедлений, не дав приспешникам короля вампиров опомниться. Но передумал. Решил провести ночь в отдалении от крепости, проследить за сменами караулов и поутру, когда Низшие впадут в спячку, пробраться внутрь и по возможности тихо, не поднимая лишнего шума, выкрасть Анэт и младенца. План был дерзким, самоубийственным, но Клавдий не мог ждать: если вампиры убьют девушку, он тоже погибнет.

Глядя сквозь ночную мглу на резиденцию Каэля, Батури всякий раз ловил себя на мысли, что охрана замка намеренно ослаблена, а все защитники — жалкие новообращенные вампиры, с которыми не составит труда расправиться. Это лишний раз свидетельствовало о том, что Первейший приготовил ловушку. Ах, если бы повернуть время вспять, собрать воедино войнство Савильенов де Медичи и под фамильным стягом повести его в бой, тогда вылазка оказалась бы более удачной. Но сейчас, когда Батури был один против всех, он сильно сомневался, что ему удастся победить. Клавдий не тешил себя несбыточными мечтами, не рассчитывал на удачу и уже приготовился к смерти. Рассветные лучи встретил с радостью — они означали конец сомнений и начало действий.

Накинув на себя гримуары призрачности и тишины, Батури в три прыжка спустился со скалы, на которой устроил свой наблюдательный пост. Быстро, как рассвет, и тихо, как лучи солнца, помчался в сторону замка.

Защитники — низшие вампиры, не переносящие солнечный свет, уже попрятались в тени помещений, отправились на дневку в мавзолеи и подземелья. Крепостные стены опустели и лишь изредка на них можно было заметить кого-нибудь из Высших, тех, которых

тремя годами раньше пробудил Аскольд де Гиро. Их Клавдий не боялся. По крайней мере, до тех пор, пока не был обременен живой и ребенком, а руку приятно охлаждал ребристый эфес кинжала-артефакта, делавшего Савильена невидимым и бесшумным.

Ловчее паука Батури взобрался на стену, незаметнее воздуха проскользнул меж всеми охранниками и оказался в запутанных замковых лабиринтах, в которых бывал уже ни раз и знал, как пальцы собственных рук. В древних стенах, пропитанных магией крови, налитых ужасом, страхом и смертью, заклинание неразличимости заметно ослабло, но артефакт работал безупречно и все еще надежно скрывал своего обладателя от чужих глаз. Под защитой клинка Клавдий, не привлекая внимания, пробрался на второй этаж и оттуда тайными лазами спустился в подземелья, где размещались казематы. На удивление, охраны здесь не нашлось, хотя камеры были переполнены живыми, которые вскоре станут пищей для вампиров или новыми рекрутами армии Познавшего. Не теряя времени, Батури обследовал тюремные подземелья, сбежал на нижние ярусы и, уже утратив надежду, разыскал Анэт в одной из камер для смертников. Девушка лежала, уткнувшись лицом в прелую солому, и кажется — не дышала.

Воздух здесь был ядовито-тяжелым. Он оседал в легких аммиачной вонью, металлическим привкусом свербел на языке, заставлял глаза слезиться. Выжить в этом пыточном закрытом пространстве было невозможно. Даже будучи мертвым, Батури с трудом выдерживал здешнюю атмосферу. Прикрывая рукавом лицо, вампир несколько мгновений потратил на взлом замка и неприятно удивился тому, с какой легкостью поддался проржавевший механизм, даже не усиленный магической защитой. Ощущение того, что он угодил в ловушку, крепло.

— Анэт? — ожидая подвоха, неотрывно следя за неподвижно лежавшей девушкой и боковым зрением контролируя выход, Батури не спеша, подготовившись к обороне, на цыпочках прошел внутрь камеры, притронулся к Анэт и, поняв, что неслышим и невидим для нее, снял с себя защитные гримуары. — Анэт, это ты? — Клавдий повернул девушку лицом к себе и облегченно выдохнул — перед ним была Анэт. Сознание покинуло ее, дышала она слабо, но дышала...

Спрятав клинок за пояс и взвалив на себя девушку, Батури поспешил покинуть «мертвые» подземелья и перебраться на более высокие ярусы, где воздух был не столь губителен. Оказавшись в сравнительной безопасности, вампир уложил Анэт на пол и проверил ее ауру. То, что девушка укушена и теперь стоит на первой ступени к перевоплощению, не было для Батури новостью, в остальном же он не различил ничего необычного. Волнения оказались излишними, но Клавдия все же не покидало ощущение, что спасение дается ему слишком легко.

— Как ты? — магическим касанием заставив Анэт придти в себя, спросил Батури.

— Холодно... — дрожа, прошептала девушка. — И жажда... до смерти хочется пить...

Батури взглянул на Анэт сквозь призму магического зрения и понял, в чем дело. От одного укуса не становятся вампиром, у отравленных ядом людей еще есть шанс умереть человеком. Но Каэль не пощадил девушку и заставил ее выпить «грязную» кровь. Теперь Анэт была обречена на бессмертие.

— Холодно от камня, — помогая ей встать, сказал Батури. — А к жажде придется привыкнуть. Теперь она будет тебя мучить вечно. Но сейчас ее надо утолить — ты слишком слаба. Думаю, Каэль не обидится, если мы позаимствуем жизнь одного из его пленников.

— Жизнь? — с испугом переспросила девушка, жрица Симионы, которой чуждо убийство. — Я не могу брать чужие жизни. Это против законов людей, против воли Созидательницы.

— Забудь о Симионе, — с напором сказал Батури. Сейчас ему важно было, чтобы недоученная жрица взяла на себя грех и выпила человеческую кровь, выпила из тела жертвы до последней капли. Только так, убив, еще на шаг приблизив перевоплощение, можно было сохранить истлевающую жизнь девушки. — Ты должна сделать это. Кровь придаст тебе сил, но без нее ты станешь для меня обузой, или умрешь.

— Я умру, но убивать не стану, — тоном, не — приемлющим возражений, произнесла Анэт.

— Прости, жрица. — Батури прикоснулся к вискам девушки. — От твоей жизни зависит моя. Ты выпьешь кровь. Выпьешь, — сказал он и, проникнув в ее сознание, подчинил себе, заставил выполнять свою волю.

Клавдий кинжалом взломал замок на камере одного из людей и первым вошел внутрь. Чтобы жертва не оказывала сопротивления, он загипнотизировал ее. Клинком пробил сонную артерию на шее человека и заставил Анэт, у которой еще не выросли клыки, присосаться к ране. Жрица, поправ заветы Симионы, выполнила приказ магнетизера. Но стоило ей почувствовать на своих губах кровь, как Жажда взяла верх, и уже никакие силы не смогли бы оторвать Анэт от смакования жизни, пульсирующей во вспоротой шее и исчезающей с каждым новым глотком.

— Вторая ступень, — тихо прошептал Клавдий и отпустил девушку из сетей своей магии. Анэт не остановилась, не перестала пить кровь, не смогла перебороть свое желание, свою Жажду. Она выпустила жертву только тогда, когда у той остановилось сердце.

— Что ты со мной сделал?! — ужаснулась, придя в себя, Анэт. Она смотрела на свои перепачканные багряным руки, суетливо попыталась вытереть с губ и подбородка кровь, но лишь размазала ее по лицу. — Что... ты... сделал? — разрыдавшись и упав на колени, девушка с трудом вытолкнула изо рта непослушные слова. — Зачем?

— Ты должна жить, — опустившись напротив Анэт и обняв ее за голову, сказал Батури. — Должна жить. Не ради себя, ради меня и Долорис.

— Я убийца, — почувствовав хоть какую-то поддержку, пусть холодную, отстраненную и чужую, Анэт разрыдалась пуще прежнего и рухнула в объятия вампира. — Ты сделал из меня убийцу...

— Успокойся. Сейчас ты должна быть сильной, сильной, как никогда. От тебя зависит жизнь Долорис. Если ты дашь слабину, я не смогу ее вырвать из лап Каэля. Если покончишь с собой, я умру, а Долорис будет обречена. Ты должна жить. Жить ради девочки. Вставай. Вставай. Мы должны закончить то, ради чего я сюда пришел. Ты поможешь мне.

— Но чем? Чем я могу помочь? — прохныкала Анэт.

Клавдий с удовлетворением отметил для себя, что девушка, задумавшись о судьбе Долорис, уже перестала оплакивать свои грехи и готова действовать.

— Для начала я тебя спрячу там, где не найдет даже Каэль. Когда отыщу Долорис и вернусь за тобой, ты должна следовать моим указаниям, ничего не спрашивая и не споря. Должна защищать девочку. И, если я погибну, должна спасти ее и отгородить от Каэля. А потом... потом можешь сделать с собой все, что захочешь.

— Хорошо, — отстраняясь от вампира и окровавленным рукавом вытирая слезы, выдохнула Анэт. — Я не простила тебя, и никогда не прощу, но сделаю то, о чем ты просишь. Сделаю ради Долорис.

— Договорились, — сказал Батури, в душе радуясь тому, что выбрал для убеждения правильные доводы, сыграл на материнских чувствах, которые заметил за Анэт еще в поместье Ливуазье. — Договорились, — повторил он, мельком взглянул на окровавленный труп, тут же отвернулся, взял девушку за руку и шепотом заговорил: — Идем. Не стоит здесь задерживаться.

Анэт вздрогнула, посмотрев на плоды своей дикой, жестокой жажды, тяжело вздохнула и без слов подчинилась вампиру.

Клавдий оставил ее в скрытой за гобеленом коморке. Он соврал, сказав о том, что это убежище неизвестно Каэлю, но потайных комнат в замке Первовампира было слишком много, чтобы, не потеряв уйму времени, найти ту самую, где спряталась девушка. Риск был оправданным.

Вновь накинув на себя защитные гримуары, Батури продолжил поиски. Это было удивительно, но за все время блужданий по замковым коридорам и переходам Клавдий лишь трижды повстречал Высших и без труда закрылся от них магией. Теперь Батури не

сомневался в том, что Первейший приготовил ловушку, намеренно ослабил охрану и даже забрал у караульных распознающие амулеты. Но Клавдий не прекращал поиски, хоть и понимал, что по собственной воле идет в капкан, заглатывает губительную наживку.

Пройдя сетью коридоров и оказавшись у центральной залы, Батури осторожно приоткрыл двустворчатую дверь и, заглянув в щель, увидел Каэля, окруженного десятком Высших. Первовампир восседал на троне, держа на руках ребенка, а у его ног сидела обнаженная до пояса Алекто.

— Проходи, не стесняйся, — заговорил Первейший, — в моем замке нет сквозняков, и двери не открываются сами по себе. И, Клавдий, брось этот маскарад. Мы не дети, чтобы играть в невидимок.

— А почему бы не поиграть? — распахнув двери настежь, но не проявив себя, Батури молнией рванулся внутрь и укрылся под защитой тонкой декоративной колонны.

Залихватский гогот Познавшего, смешавшись с хохотом из десяти глоток, убежал к высокому своду, где еще долго бродил приглушенным эхом. Отсмеявшись и взмахом руки приказав остальным замолкнуть, Каэль заговорил:

— Батури, неужели ты думал, что сможешь поддерживать свои примитивные заклинания в моем тронном зале? Ты же не настолько глуп! Не разочаровывай меня. Я был о тебе лучшего мнения.

— Своим гаркающим смехом ты пугаешь ребенка, — выйдя из-за колонны, с презрением сказал Батури и быстро огляделся.

За последние три года, до дня «собачьих боев», не проходило и недели, чтобы Клавдий не наведлся в тронный зал с дружеским визитом или докладом. За это время он досконально изучил покои короля вампиров и даже с закрытыми глазами, на ощупь смог бы найти тайную комнату, скрытую за высокой картиной, изображающей резвящихся остроухих детишек. Или похожий лаз в противоположном конце комнаты, спрятанный за мозаичным единорогом. Надо заметить, в покоях Каэля не было кровавых, мерзких, уродливых картин и украшений. Все декорации были исполнены в легком, весеннем стиле, хранили на себе печать добра, жизни, цветения. Да и сам Каэль соответствовал убранству покоев. Кардинально отличаясь от других вампиров, предпочитающих черные и красные цвета, был одет в строгий зеленый костюм, расшитый золотыми нитками. На его фоне Клавдий в обгорелом после магии Ливуазье плаще и разодранной рубашке выглядел неподобающе, но сюда он пришел не на пир и не на бал.

После секундного осмотра, Батури с ненавистью взглянул Первовампиру в глаза и тихо сказал:

— Отдай девочку, и разойдемся миром.

— Ты меня поражаешь! — воскликнул Каэль и с трудом удержался от смеха. — Я так долго искал с тобой встречи, а ты, даже не поговорив, хочешь сбежать? Нехорошо, Клавдий, плохо.

— Говори, о чем хотел, и поторопись. У меня не так много времени.

— Вина? — предложил Каэль и, не дождавшись ответа, взмахом руки приказал одному из Низших, которые серыми, невзрачными тенями выстроились вдоль стен, наполнить два бокала.

— Если с твоей кровью, то не откажусь.

— Нет, Клавдий, крови там нет, но пить ты будешь, ведь тебе дорога жизнь этого ребенка, не так ли? — спросил Перворожденный и провел пальцем по щеке младенца. — А детская жизнь очень хрупка и нуждается в защите. Пей, Клавдий, — потребовал Каэль, когда прислуживающий вампир поднес к Батури бокал вина. — Пей за возвращение в ряды Ордена.

Клавдий послушно взял из рук Низшего бокал.

— Я выпью. Но ты зря надеешься, что сможешь завербовать меня. Раз ощутив свободу, я уже никому не позволю сделать себя рабом.

— Кто говорит о рабстве? — наиграно удивился Каэль. — Я понимаю, насколько оно

тебе опротивело, и даже не заикаюсь о нем. Думаешь, я не знал, что ты ученик и раб Аргануса? О, Клавдий, это не было для меня секретом. Я открывал тебе ту информацию, которую хотел донести до д'Эвизвила под видом тайны. Ты был камешком в жерновах. И именно ты, Клавдий, помог мне осуществить заговор, который стал началом войны и открыл нашему роду путь для наращивания сил. Да, я сам толкнул тебя на предательство и даю второй шанс. Встань же в наши ряды, будь одним из повелевающих. Это твое место, Клавдий, ты должен занять его по праву.

Батури стоял молча, сжимая в одной руке смертоносный клинок, в другой — тонкую ножку бокала, и не зная, что делать дальше? Одно согласие — и его ждут новые, обещанные Каэлем горизонты. Один отказ — и неминуемая гибель. И не только его самого, но и девушки, которую Батури поклялся защищать, и ребенка, которого он зарекся оберегать.

— Хочешь, я подарю тебе Алекто? — увидев замешательство, мелькнувшее в глазах Клавдия, продолжил Каэль. — Она хороша в постели. Теперь я понимаю, почему ты убил отца. Трудно делить такую женщину с другим. Я подарю ее тебе. Забирай! Ведь ты желал ее раньше, хочешь и теперь. Она твоя.

— Не откажусь от этого подарка, — ответил Клавдий, не без удовольствия посмотрев посмотрев на Алекто, на удивление, страх и злобу, застывшие в ее глазах.

«Кукла», — отметил он для себя.

Милая Алекто всегда была куклой: красивой, утонченной, хрупкой. После обращения в ней проявились дикий нрав, но это не изменило сути: она так и не научилась принимать решения, все поступки совершала под чужим влиянием. Теперь она стала игрушкой Познавшего. Но, глядя в глаза своей возлюбленной, ради которой когда-то убил отца, Батури сомневался, что Алекто согласится со своей судьбой и на этот раз.

— Кошка не должна сидеть на привязи, не так ли? — сверля взглядом вампиршу, уронил Клавдий.

Алект, ничего не ответив, потупила взор.

— Не должна, — вмешался Каэль. — Кошка будет твоей. И этот человеческий детеныш — тоже. Но с тебя клятва.

— Клятва? Всего одна? — переспросил Клавдий и, поймав на себе неуверенный взгляд вампирши, продолжил: — Нет, Каэль, клятв не будет. Или я забираю свое и по доброй воле, без клятв, обетов и присяг, возвращаюсь в ряды Ордена, или наши пути расходятся.

— В таком случае мне придется тебя убить...

— Когда-то я не послушал совета, — спокойно заговорил Батури, — совета той, которую давно любил и люблю до сих пор, совета той, ради которой жил эти долгие годы. Я не послушал ее и воскресил тебя, Каэль. Наперекор всем: Балор Доту, Арганусу, Ордену. Воскресил, чтобы ты вытащил род вампиров из ямы, в которой тот оказался, как мне думалось, по моей вине. Но Первороденный посчитал, что ему не нужны братья — лишь рабы и слуги. И тогда я понял свою ошибку. Попытался ее исправить, но не преуспел. Я должен был поверить словам той, которую любил, а теперь и она у твоих ног.

— Клавдий, прекрати рассказывать мне эти плаксивые истории. Да, я благодарен тебе за воскрешение, но ты пошел по ложному пути. И... если сейчас выберешь неверное решение, этот путь приведет тебя к смерти.

— Свой выбор я уже сделал...

— Что ж, — Каэль пожал плечами, с сожалением вздохнул и взглядом приказал Высшим нападать.

Вампиры, понимая, что схватка с тем, у кого в руках легендарный кинжал, будет непростой, не спеша рассредоточились, взяли Батури в полукруг и приготовились к бою.

— Кому суждено сгореть, тот не утонет, — прошептал Клавдий, искоса взглянув на Первороденного. — Сегодня ты сгоришь, Каэль, даже если ради этого мне придется захлебнуться.

— Хватит слов! Убейте его!

— Алекто! — крикнул Клавдий и сорвался с места.

Без магии, без взывания к вампирским способностям, надеясь лишь на силу серебряного клинка, он бросился на ряды собратьев, чтобы вновь стать Братоубийцей. В его голубых, как кристальное озеро, глазах поселился мрак, заплесало черное пламя, ожила всесильная, абсолютная Тьма.

— Ради прошлого, спаси будущее — спаси ребенка! — заорал Батури, накинувшись на Аскольда де Гиро, к которому питал теплые дружеские чувства, и неразличимым движением вогнал ему в сердце клинок.

Аскольд с болью, отразившейся в глазах, посмотрел на своего убийцу и осыпался на пол серым пеплом, а Батури, крутанувшись на одной ноге, выставил перед собой клинок, защитившись от заклинаний, которыми его сполна одарили Высшие.

Услышав слова возлюбленного, Алекто выхватила из рук Каэля девочку, пантерой метнулась к потайной комнате, но не пробежала и десяти шагов. Перворожденный, быстро придя в себя, бросил ей в спину заклинание парализации, и вампириша рухнула на пол, чуть не придавив собой ребенка.

Долорис зашлась в крике. Клавдий, обозленный ее плачем, потерял над собой контроль. Разрубив «смертью Каэля» плетъ Хель, без страха окунувшись в магический огонь и невредимым выпрыгнув из него, Батури разъяренным зверем накинулся на очередного Высшего и одним укусом выдрал из шеи своей жертвы трахею, а на прощанье проткнул уже кренившееся к полу тело клинком.

Кричала Долорис и ее плач бушующей ненавистью и злобой оседал в мертвом сердце вампира и вырывался изнутри звериной яростью. Без колдовства и магических щитов, Клавдий, отмахиваясь «смертью Каэля», убивал своих собратьев. Одного за другим. Одного за другим. А Высшие лишь пятились, разбрасывая вокруг бесполезные заклинания; пятились, боясь оказаться с Братоубийцей лицом к лицу.

— Р-а-а!!! — под плач младенца кричал Батури и вгрызался в плоть Высших.

— Р-а-а!!! — кричала смерть с черными, окутанными первозданной Тьмой, глазами.

— Р-а-а!!! — звенел клинок, вспарывая жилы, пробивая глотки, вонзаясь в сердца.

— Остановись! — выставив перед собой безоружные руки, взмолился последний Высший, но Долорис еще рыдала, а Клавдий — убивал.

— Ты сгоришь, — посмотрев на Перворожденного, выдавил из себя зверь, когда тело последнего врага истлело за спиной.

— Скорее ты захлебнешься, — ничуть не страшась обезумевшего Братоубийцы, усмехнулся Каэль и громко выкрикнул: — Воин! Воин!

Клавдий услышал шум позади себя и невольно обернулся. В распахнутых дверях показался неприметный человек в белых, украшенных на груди крестом Гебо,⁷ одеждах. Был он долговяз и худощав. Болезненно бледное лицо перепахали бугры оспы, и все равно на нем нашли место багряно-желтые точки гнойных прыщей. В пустых, равнодушных глазах поселились усталость и тоска, боль и отчаяние.

Взглянув на этого слабого, немощного «воина», сжимавшего короткий меч, больше походивший на удлинненную дагу, Батури с трудом подавил смехок.

— Это твое оружие? — с презрением спросил Клавдий, не чувствуя к пришельцу никакой агрессии, скорее — жалость.

Каэль не ответил, а прыщавый воин с важностью ликтора завел лицедейскую проповедь:

— Покайся! Зло, живущее в тебе, должно быть вырвано из груди и растоптано. Боль и смерть, что ты сеешь, должны быть оплаканы и отмщены.

— Мсти, — развернувшись и сделав несколько шагов назад, так, что видеть обоих противников, бросил Клавдий и приготовился к бою.

— Да будет так! — провозгласил воин и, даже не удосужившись подойти, взмахнул

⁷ Гебо — руна «Дара»

мечом.

Клинок разрубил воздух, но Клавдий почувствовал жгучую боль, а на окровавленном, разодранном плаще заалела новая красная полоса. Будь Батури человеком, он бы рухнул замертво, но, и обладая бессмертием, с трудом устоял на ногах.

— Во имя Света и божественного провидения, да погибнут исчадия Зла, да воссияет над ними знак Эстера, знак божественного дара...

Проповедник сделал шаг за шагом и, не прекращая, полосовал воздух своим смехотворным коротким мечом. Но каждый этот взмах отзывался в Батури болью, будто били по его плоти. Клавдий пытался защищаться от неведомого колдовства: отбивался «смертью Каэля», окутывал себя магическими блоками и щитами, но ничего не спасало от ударов воина в белой хламиде. И вскоре вампир не выдержал боли и рухнул на пол, как подрубленное дерево.

— Хватит, Носферо! — посмотрев на Батури, корчившегося в луже крови, остановил убийственное шествие своего слуги Каэль. — Думаю, он уже осознал свои грехи...

— Как скажешь, Познавший, — опустив меч, поклонился Некрито Носферо.

— Как? — отплевываясь кровью, выдавил Клавдий. — Как такое... возможно?

— Закон подобия гласит: подобное производит подобное, или следствие похоже на свою причину, — напомнил строчку из забытого многими трактата Носферо.

— Ты хорошо потрудился, — похвалил своего слугу Каэль и подошел к израненному Батури, у которого не было сил даже для того, чтобы подняться. — Клавдий, ты опять выполнил всю грязную работу. Чтобы создать сильный род, его надо создать заново. Иногда проще возвести новую крепость, чем восстанавливать руины. Высших осталось немного. Скоро их и вовсе не останется. Я уже приготовил им смену, но тебе готов оставить жизнь и еще раз предложу разделить со мной власть, быть моей правой рукой, моим Карателем.

— Хорошо, — отплевываясь кровью, выдавил Батури. — Я принимаю предложение.

— Он врет, — заметил Носферо. — Тянет время. Дождается, когда регенерация возьмет свое.

— Знаю! — отмахнулся Каэль. — Не трать мое время на объяснения, лучше покажи нашему другу, на что способны монахи Познавшего: подари муки его возлюбленной.

— Нет... — прошипел Батури. — Не делай этого...

— Поздно, Клавдий, поздно. Ты уже исчерпал лимит моего доверия. Теперь твой жребий брошен.

Белый монах, испивший кровь Перворожденного, подошел к Алекто, опустился на колени, провел рукой над ее хрупкой шеей и принялся ворожить. Магией подобия он спутал, перемешал внутренности вампириши в невероятном, сумбурном порядке, так, что никакая регенерация не могла их восстановить. Некрито Носферо обрек Алекто на страшную участь: с этого мига любое движение будет причинять ей смертельные муки, от которых не избавит ни вмешательство врача, ни способности вампира.

Ощувив бесконтрольную ярость, Клавдий попытался подняться. Каэль не дал ему встать. Вытащив из ножен на поясе кинжал, опустился перед Батури на корточки и вонзил ему в грудь клинок.

— Лежи и не шевелись. А я расскажу тебе, почему так трепетно отношусь к твоей жизни. Ты знаешь, как долго Ливуазье пытался зачать ребенка? Знаешь: за три века у него ничего не получилось. И не получится. Голконда приносит рай, но не разрушает бесплодие. Ты спросишь: как тогда твоему отцу удалось зачать тебя? Я отвечу: «Никак». Клавдий, ты не Савильен, не Медичи. Ты — мой сын, пятый сын, но четверо до тебя погибли при рождении. Ты оказался самым сильным из них, ты выжил. А эта девочка, не знаю, как ты нашел ее, Женева — моя дочь.

— Ее выносила ведьма, — выдохнул Батури и сплюнул тягучей кровавой слюной. — Кто выносил меня?

— Та же ведьма, — пожал плечами Каэль. — Только ее отпрыски были достаточно сильны.

— Я убил ее.

— Молодец! — непонятно чему обрадовался Первовампи́р. — Меня от нее воротило. Ее дряблое, тело, обвисшая кожа... Ты себе не представляешь, сынок, какое отвращение я испытывал, когда я раз за разом имел эту старуху — твою матушку. Она прожила десяток жизней, но даже мне не удалось сохранить ей молодость. Одна отрада — отпрыски. Но теперь у меня есть дочь. Женева подрастет, войдет в возраст, и я смогу делать детей с удовольствием.

— Ее зовут Долорис, — выдавил Батури и попытался кинжалом-артефактом дотянуться до кровного отца, но не смог — не хватило сил.

— Жаль. Мне очень тебя жаль, Клавдий, но иногда о чувствах приходится забывать...

С этими словами Перворожденный вырвал из рук Батури кинжал и занес его над собственным сыном, но не успел вогнать ему в сердце серебро. Возникший из ниоткуда Ливуазье одним ударом меча снес Каэлю голову, а вторым — разрубил пополам тело.

— Вставай, — приказал Веридий, подавая Клавдию руку.

— Осторожнее, — предупредил Батури, взглядом указав на Некрито Носфери, закончившего свою волшбу над Алекто, — он обладает Даром подобия.

— Веридий Ливуазье, Высший вампир, достигший голконды, — с некоторым трудом держа равновесие, переваливаясь с одной ноги на другую, коротко поклонился герцогу.

— Некрито Носфери, Воин Света, отмеченный дланью Эстера, Высший вампир, испивший кровь Перворожденного, — высокопарно отрекомендовался монах в белой хламиде с крестом Гебо на груди и взмахнул мечом.

Клавдий невольно вздрогнул, вспомнив подобные взмахи, испугался за друга, поняв, что он обречен. Но Ливуазье лишь коротко рассек воздух своим мечом, и клинок его противника, натолкнувшись на преграду, не смог найти путь к телу герцога.

— Думаешь, ты один обладаешь Даром? — ослабившись, спросил Ливуазье. — Иди Батури, ты здесь ни к чему. Встретимся позже, когда я разберусь с нашим прыщавым другом, — приказал Веридий и, от хмеля шатаясь из стороны в сторону, рванулся навстречу Носфери.

Клавдий не стал ждать, когда его попросят дважды, пересилив боль в быстро зарастающих ранах, поднялся на ноги, вырвал из окоченевших пальцем Каэля смертоносный кинжал и, шатаясь не хуже Веридия, поплелся в сторону Алекто.

— Милая... — склонившись над ней, Батури клинком перерезал нить парализующего заклинания.

— А-а-а! — криком боли ответила вампирша, когда к ней вернулся дар речи. — Убей! — вопя, взмолилась она. — Убей меня! — закричала Алекто, а из ее глаз хлынули слезы отчаяния и боли.

Батури посмотрел на возлюбленную магическим зрением и ужаснулся. Проклятый Дар Носфери изуродовал внутренности Алекто. Они кровоточили, рвались, быстро срастались заново, но вновь рвались, ибо не могли складываться в таком порядке. Ничто не смогло бы спасти Алекто, никто не сумел бы избавить ее от бесконечных мук.

— Прости, — еле дыша, выдавил Батури и одним точным движением, с трудом угадав, где теперь находится сердце, остановил муки своей возлюбленной.

Невольно две слезы скатились по его впалым щекам. Не смахнув их, Батури взял из бессильных рук Алекто ребенка и молнией вылетел из тронной залы, поспешил за Анэт, чтобы как можно быстрее убраться из замка Познавшего.

Разыскав девушку и беспрепятственно спустившись в конюшню, Клавдий оседлал двух элитных роверцев и без промедления покинул резиденцию Каэля.

Бодро застучали копыта коней, ударил в лицо морозный зимний ветер. На полном скаку Батури кутал спящего ребенка, тихо нашептывал гипнотическую колыбельную и прокручивал в голове случившееся. Сегодня он спас свою дочь, сестру, будущую любовницу, которая восстановит вампирский род. На смену старому поколению придет новое — сильное. Долорис станет этому поколению матерью, а Клавдий — отцом.

Ливуазье, залиvisto смеясь, мастерски орудовал мечом. Не приближаясь к Некрито, отражал его выпады и наносил свои. Враги были достойны друг друга, никто из них не мог пробить защиту противника, никто не желал сдаваться и прекращать бесконечной рубки. Вериций, покачиваясь, будто маятник, из стороны в сторону, ловко уходил от ударов, парировал выпады. Его тщедушный соперник с твердостью скалы ставил блоки, с силой великана отражал все атаки.

Поняв, что одним мастерством фехтования не добьются успеха, Высшие пустили в ход магию. Но и здесь они оказались равны: воин, отмеченный дланью Эстера, волшебствовал магией Света, герцог Ливуазье отражал ее щитами Мрака.

Выстроившиеся у стен Низшие неотрывно за ними, не решаясь ввязываться в поединок могучих магов, но переступили через страх, когда Некрито Носферо скомандовал: «В бой!»

Ливуазье лишь громче расхохотался. Прокрутившись на пятке, одним круговым ударом убил большую часть Низших и, прочитав два заклинания, справился с уцелевшими. Но Некрито получил то мгновение, когда противник незащищен, и коротким выпадом отрубил Верицию руку.

Герцог скрипнул зубами и, перестав смеяться, упал на одно колено. Некрито продолжил нападать. Несмотря на увечье, Вериций сумел отразить серию его выпадов и даже, раскрывшись, ответил контрударом. Носферо не стал защищаться и, намеренно пропустив удар, вонзил клинок в сердце врага.

Герцог упал навзничь. Перед его глазами то ли от хмеля, то ли от боли заплесал, закружился расписной свод тронной залы и медленно, сперва подернувшись мутной, сероватой дымкой, погрузился во мрак.

Носферо подошел вплотную к Ливуазье и склонился над его недвижимым телом.

— Трудно убить достигшего голконды. Надо отрезать конечности... — молвил вампир и тремя ударами лишил Вериция ног и правой руки. — Проткнуть сердце осиновым трезубцем. — Некрито извлек из-под хламида заостренную деревяшку и воткнул ее в тело герцога. — Прочитать над мертвым молитву очищения и отрубить голову.

Беззвучно, одними губами проговорив ритуальный текст, Некрито Носферо обезглавил Вериция, все время экзекуции пребывавшего в сознании, и прекратил его муки.

— Трудно убить достигшего голконды. Но нет ничего невозможного...

Отвернувшись от праха Ливуазье, вампир равнодушно взглянул на расчлененное тело Познавшего и криво улыбнулся. Подойдя к Каэлю, сорвал с него лохмотья, в которые превратились шикарные одежды, сложил на полу куски плоти и, склонившись над кровавой грудой, тихо прошептал:

— Нет ничего невозможного, но нельзя убить полубога оружием смертных...

Вампир занес над Перворожденным раскрытые ладони и принялся читать молитву. Ослепительно-яркий свет сорвался с его пальцев, упал на окровавленные останки Познавшего и срастил его расчлененное тело, заживил плоть. Завершив исцеление, Носферо пошатнулся и обессилено опустил руки.

— В погону... — открыв глаза, прошептал Каэль.

Глава 19. Битва на жизнь

Дабы достичь sanctum regnum, или, иными словами, мудрости и власти магов, необходимы четыре условия: разум, просвещенный учением; бесстрашие, которое не отступит ни перед какой угрозой; воля, которую ничто не в силах сломить; и осторожность, которая не уступит никакому искушению.

Таковы четыре признака мага...

Элифас Лесей. «Доктрина и ритуал трансцендентальной

В Тихом ущелье, тонкой змейкой петлявшем меж скал, обглоданной костью застряла армия мертвых. Неупокоенные закупорили горный тракт, будто пробка горловину бутылки, и собой — грязью и зловонием тысячи трупов — замарали чистую зимнюю природу. Их присутствие заставило землю почернеть от грязи из прогнивших желудков, кусков разлагающейся плоти, слизи, запекшейся крови. Глядя на этот ужас, Сандро был охвачен противоречивыми чувствами. С одной стороны ему хотелось уничтожить всех скелетов, зомби, волкулак, гулей — освободить мир от немертвого проклятия. С другой — он понимал, что, только ведя за собой эту силу, можно одержать победу в грядущей войне. Войне, которая начнется с минуты на минуту. О приближении вражеской армии уже доложил Дайрес: в последние дни он часто принимал облик орла и облетал окрестности. Фомор был уже близко.

Сандро нервничал, не желал в битве терять не только своих, но и чужих рабов, которые в случае успеха будут принадлежать ему. Чтобы свести потери к минимуму, он остановил неупокоенных в ущелье — достаточно узком, чтобы замедлить ход сражения и не дать превосходящим силам противника окружить войско. Сандро понимал, что Арганус дал в распоряжение Сиквойи самых никчемных воинов — скелетов да зомби, — оставив рыцарей смерти и полумагов себе. Юный чародей не рассчитывал на легкую битву и планировал взять хитростью. Несмотря на недостаток времени, на закате дня, когда сумерки едва коснулись скалистых пиков, а у горизонта появились первые ряды королевского войска, все приготовления были завершены.

Сандро, стоявший в окружении Сиквойи, Синдри и Дайреса на небольшом предгорье, невольно затаил дыхание, увидев воинство регента, и ощутил укол беспокойства: сможет ли одержать победу в грядущей битве? Но быстро отбросил сомнения, на миг закравшиеся в сердце, и твердым, повелительным голосом обратился к своему рабу:

— Разверни войска и приготовься держать оборону.

Армия Сандро, которой он не мог даже командовать и делал это при помощи Сиквойи, зашевелилась, засуетилась. А четверть часа спустя, перестроившись в длинные колонны, остановилась, замерла в бездыханном, мертвом покое.

Несколько мгновений войска противников простояли без движения, без единого звука. Казалось: они гипнотизируют друг друга, пытаются победить без боя. Но армии состояли из мертвых, не способных ни мыслить, ни чувствовать страха, их нельзя было подчинить взглядом или испугать. В отличие от своих воинов Сандро страх чувствовал. И с каждым мгновением, проведенным в пугающей, кладбищенской тишине, которую нарушали лишь редкие лязганья доспехов и оружия, этот страх становился все сильнее, непрерывно нарастал. Юноша облегченно вздохнул, увидев как первые ряды армии регента сперва медленно, но постоянно ускоряясь, переходя на бег, двинулись вперед. Следом за ними, будто вдогонку, поспешили следующие шеренги воинов.

— В атаку... — беззвучно, воспользовавшись мыслеречью, приказал Сандро и напомнил: — Пусть нападают так, как было оговорено.

Сиквойя взмахнул рукой, и длинные, похожие на пики, колонны, во главе которых стояли зомби-щитоносцы, рванулись вперед — навстречу врагу. Две армии стремительно сближались. Неупокоенные регента мчались, сбившись в кучу. Воины полумертвого двигались в правильном порядке.

— Бей клином. Чего медлишь? — искоса взглянув на Сиквойю, с тревогой, боясь, что его войска не успеют перестроиться, приказал Сандро.

— Не время, — возразил Синдри и, дождавшись, когда враг приблизится на достаточное расстояние, кивнул: — А теперь пора.

— Бей! — скомандовал полумертвый.

В тот же миг колонны раскрылись: скелеты, мчавшиеся позади щитоносцев, вынырнули из-под защиты чужих спин и клином, как острие ножа, врубились в гущу армии

регента. Щитами расчищая себе дорогу, зомби опрокидывали воинов противника, сбивали их с ног и все глубже и глубже продвигались в толпу вражеского войска. Мечники-скелеты мчались следом и, без устали отсекая неприятелям головы, расширяли образовавшиеся бреши.

— Дальше... дальше... еще дальше... — словно заклинание, шептал Сандро.

Первыми завязли фланги. Следом за ними, продвинувшись лишь на жалкие йоты — центр. Враги смешались, схлестнулись в жестокой, горячей битве. Над ущельем сгустился звон и скрежет стали. На это громкое сражение слетелись б валькирии, осветили бы горы блеском своих доспехов, изукрасили бы их северным сиянием, но ни одному из воинов, сцепившихся в битве, гибель в бою не могла принести участь, отличную от Бездны Хель. Здесь были лишь трупы, а души ждали спасения и искупления несовершенных грехов, за которые были отданы в рабство некромантам. И девы-воительницы не пришли, чтобы забрать героев в небесные чертоги, не почтили нежить своим присутствием.

Сандро на миг оторвался от созерцания битвы и посмотрел на имитатора:

— Дайрес, облети вражеские войска, найди Фомора. И не ошибись. У нас будет всего одна попытка, чтобы подчинить его.

— Будь уверен: я не ошибусь! — воскликнул Ди-Дио и, приняв облик орла, взлетел, закружился высоко в небе, окидывая цепким взглядом поле брани.

Сандро неотрывно следил за ходом сражения, с опаской отмечал, что его армии, не получающие помощи, терпят поражение, а все пребывающие войска регента теснят их, отбрасывают дальше и дальше. С каждым мигом надежды полумертвого на то, что Фомор себя покажет, таяли.

— Подавай сигнал, — решил Сандро.

— Наши далеко, — уронил Синдри. — Если нападут сейчас, окажутся в ловушке.

— Знаю, что далеко, но другого случая уже не будет. Подавай сигнал...

Карла пожал могучими плечами, достал из-за пазухи железный рожок и легко, без усилия, дунул в него.

По пикам гор промчался громогласный звук. Земля под ногами содрогнулась, заходила ходуном, завибрировала. С пронзительным, нарастающим ревом со скал по обеим сторонам ущелья покатались огромные валуны. Множество раз ударившись, раскрошившись, они подхватили взбудораженные звуком рожка сугробы и рокочущим снежно-каменным потоком обрушились на королевскую армию, разделили ее, отрезав основные силы от авангарда.

Дикий гомон затих. Битва на краткий миг остановилась. А уже в следующее мгновение, выбирая ведомые лишь им одним тропы, со скал помчались громогласно кричавшие карлы, ведущие за собой бесчисленные отряды немертвых.

С двух сторон на уцелевших после лавины неупокоенных набросились воины братьев Ивальди. Хемдаль и вверенные ему скелеты напали на авангард противника, который еще сражался с мечниками Сиквойи. Брок сцепился с основными силами регента и держал оборону, ожидая помощи брата. Вскоре авангард Фомора был разбит и общими силами карлы ударили в центр вражеской армии.

— Мы побеждаем... — прошептал Сандро, оценивающе взглянув на поле брани.

Он остался доволен — план сработал. Синдри силой рожка всколыхнул сугробы, а скелеты, спрятавшиеся в горах, обрушили на головы вражескому войску валуны — помогли спустить лавину. Теперь воины регента были надежно погребены под толстым слоем камня и снега. Но они не погибли и в случае удачного исхода сражения еще смогут сослужить добрую службу.

— Не тешь себя, полумертвый, — уронил хмурый Синдри. — Фомор проверяет нас, щупает нашу защиту и не страшится потерять всех, кого отправил в атаку. Он играет с нами, держа основную силу — драугров — за спиной.

— И что делать? — вкрадчиво спросил юноша.

— Ждать...

И Сандро ждал, пока не убедился в правдивости слов карлы. Когда в сражение вмешались драугры, ход битвы переменялся. Армии Сиквойи утонули в едком, разъедающем и мертвую плоть, и кости, огне. Там, где всего лишь секунду назад дрались воины, остались лишь оплавленные доспехи и лужи растаявшего снега. А полумаги регента, не останавливаясь, отправляли в войско врага все новые и новые заклятия, превращая сражение в побоище.

— Основные силы — в атаку, — коротко бросил своему рабу Сандро, и Сиквойя незамедлительно выполнил приказ.

Молча, без единого звука шеренги зомби, закрытые зеркальными, ослабляющими действие вражеской магии, щитами, перешли в наступление. Следом за ними рванулись полчища скелетов, вооруженных тяжелыми двуручниками. Поравнявшись с врагами, воины Сиквойи в считанные минуты смяли противника и, расчищая себе дорогу, обороняясь, насколько это было возможно, от магии щитами, пошли дальше.

Сандро затаил дыхание. В какое-то мгновение ему показалось, что Фомор не сможет не вмешаться в битву, что сейчас его армиям позарез необходима помощь могущественного некроманта. Полумертвый надеялся на то, что сможет изменить судьбу Хельхейма. Для этого ему нужен всего один прорыв, всего один флакон, разбитый у ног регента. Всего один флакон...

Сильнейшее, соединенное колдовство драугров ударило в центр армии зомби. Щиты не выдержали, пропустили волшбу, и все неупокоенные Сиквойи в один миг разлетелись окрест. В шеренгах образовались широкие бреши, которые уже не удалось затянуть. Вскоре ровный строй был разрушен, растащен, раздавлен.

Сандро драконьей перчаткой с силой сжал посох. Вдруг почувствовал, как беспредельная мощь, бесконтрольная ярость овладевает им и понял, что не устоит, помчится в бой, чтобы силой своей магии уравнять чаши весов сражения. Он уже не мог смотреть, как его армии тонут в несметном количестве нападающих, захлебываются в неравной схватке. Несмотря на нарастающую ярость, полумертвый с нетерпением, с гаснущей надеждой ожидал, когда в гуще сумасшедшей битвы появится Фомор. Но регент не спешил раскрываться. Надо было действовать. Вернувшийся ни с чем Дайрес лишь сильнее убедил в этом Сандро.

— Не совершай безрассудных поступков, — уловив мысли воспитанника, прошептал Трисмегист. — Не вступай в битву. Ты погибнешь.

— Только в шаге от смерти мы познаем жизнь, познаем ее богатство, — беззвучно ответил Сандро. — Сегодня я буду наслаждаться жизнью...

Повернувшись в сторону Сиквойи, полумертвый принялся вслух отдавать приказы:

— Когда армия Фомора будет обездвижена, прикажешь неупокоенным опустить мечи. Твоя первостепенная задача: угробить как можно меньше воинов — как своих, так и вражеских. Сам в сражение не вступай. Твоя голова здесь дороже всех. А ты, Дайрес, — некромант перевел взгляд на имитатора, — будь здесь. И не возражай: колдун ты еще слабый, а воин — неопытный, зато потом пригодишься как антимаг.

— Слушаюсь и повинуюсь, — отвернувшись, пробурчал Ди-Дио.

Дайрес понимал, что со своими навыками не поможет в сражении, но ему хотелось стоять плечом к плечу с друзьями, защищать их спины, спасти от гибели. Вот только в битве он станет скорее обузой, нежели помощником.

— Еще не время, — прошептал Синдри. — Надо ждать, когда в бой вступит сам регент.

— Вступит в бой? — злобно ухмыльнулся Сандро. — Он чувствует свое всеисилие и не станет марать рук о мусор. Не вмешается в сражение до тех пор, пока не увидит реальную угрозу или интересную игру. Подавай сигнал братьям, их помощь мне пригодится. Мы! Мы вступим в бой! Вперед! — изменив своему хладнокровию, прокричал полумертвый и, подняв посох к небу, под громогласный зов рожка помчался к рядам вражеской армии.

Сражение набирало обороты. Фомор, не привыкший воевать с себе подобными, не знающий разумной стратегии для таких баталлий, уже наловчился и отработал тактику.

Теперь его драугры, собравшись вместе на небольшом предгорье, сполна одаривали врага смертоносными заклинаниями, а мечники доделывали ту работу, с которой не справились маги. Войско Сиквойи терпело поражение на всех участках битвы.

— Наконец-то нормальная драка! — подбежав к некроманту, выкрикнул раззадоренный бесконечной рубкой Брок и занял место по левую руку от колдуна.

— Эх, коль будет так продолжаться, не устоим, — заметил Хемдаль, продравшись сквозь ряды противника, и побежал позади полумертвого.

Решив, что полумаги наверняка пользуются энергетической подпиткой Фомора, Сандро отправился в самую гущу битвы, надеясь поблизости от драугров разыскать и регента.

— Без моего приказа в бой не вступать, — на ходу наставлял некромант. — Вы не искушены в магии, а сейчас главную роль будет играть она.

— Моему топору плевать на магию! — с задором проговорил Брок. — «Рубить и кромсать» — вот его девиз!

— Я прошу, — с напором добавил Сандро.

— Все сделаем, — заверил Синдри и исподлобья взглянул на брата. — Ведь так, Брок?

— Та-ак... — нехотя согласился рыжебородый.

Когда линия основного сражения была близка, Сандро задержался, несколько раз глубоко вздохнул, выравнивая дыхание, и сконцентрировался на колдовстве. Прежде чем он выговорил заклинание, его мертвую руку обожгло страшной болью. Драконья перчатка пронзила нечувствительные кости, хоть такое, по сути, считалось невозможным. Некромант уже подумал, что зря принял опасный подарок от карл, но этот артефакт дал ему столько энергии, сколько не смог бы собрать ни один магический накопитель.

Сандро закончил плетение заклинания. Тьма улеглась у ног некроманта, поднялась и черной бездной поглотила его худощавое тело, окутала непроницаемой сферой, а в следующее мгновение разрослась и раскинулась вокруг мириадами щупалец. Сандро пошел вперед уверенной поступью, поступью Тьмы, и все немертвые, которые оказались у него на пути, все неупокоенные, до которых удалось дотянуться выросшим из черной сферы стрекалами — все они умерли второй, последней для них смертью.

Ход сражения переменился. Армия Сиквойи, едва выдерживавшая натиск, сломила врага и перешла в нападение. Войска регента, прореженные могущественным заклинанием, ретировались, давая магу свободно пройти, не желая — по воле полководца — бессмысленно гибнуть. Но их попытки спастись оказались тщетны: колдун шел быстрее, чем отступали враги.

Магия переполняла Сандро, концентрировалась в правой руке, в драконьей перчатке. И эта магия превратила некроманта в расчетливый механизм: его реакция усилилась, движения стали точными, четкими, чеканными, сознание — будто сделавшись мертвым — расслоилось, начало замечать перемещения всех врагов и неизменно дотягиваться до них губительными щупальцами заклинания. Теперь Сандро видел все поле боя, знал каждую его точку. Вот мечники и щитоносцы Фомора остановились, сделали несколько неуверенных шагов вперед и наткнулись на Тьму, вселившуюся в некроманта; вот драугры, собравшиеся вместе, ударили соединенными силами; вот лучники-скелеты отпустили тетивы и выпустили в небо сотни стрел. Сандро закрылся от заклинания магическим щитом, на миг замешкался, и все щупальца, раскинувшиеся далеко вокруг, осыпались серым пеплом на утоптаный наст. Некромант выстоял против волшбы драугров, но не успел отразить стрелы.

Глухо захлопнул забрало Синдри, стоявший справа. Его примеру последовали другие карлы, защищавшие левый бок и спину колдуна. Сандро не взял с собой шлема: он скрывал свою внешность от людей, но не от нежити. Бессмертные должны видеть, что против них выступила жизнь — человек из плоти и крови.

Стрелы налетели на сталь доспеха: древки треснули от силы удара, наконечники бессильно осыпались наземь, не нанеся никому вреда. Почувствовав, что защита мага разрушена, в атаку рванулись мечники, но они прогадали: черная волшба некроманта не

сгинула, лишь ослабла. Сандро, не обращая внимания на опасное приближение врагов, глубоко вздохнул, напитался энергией из правой перчатки и восстановил сферу Тьмы. Она вновь разрослась, распустила свои конечности, несущие смерть, и понеслась в сторону бесчисленной армии Фомора, вгрызлась в ряды неупокоенных.

Драугры сплели новое заклинание, но теперь Сандро был готов к обороне и без труда защитился от чужой волшбы, даже не потеряв концентрацию и ни на йоту не ослабив атакующего гримуара. Тогда полумаги, скрывшиеся за спинами немертвых, рассыпались вокруг, чтобы точечными заклинаниями-уколами ослабить некроманта, рассредоточить его сознание. А полуживой лич лишь продолжал свое шествие, убивая скелетов и зомби, но не трогая драугров, которые, если затея удастся, еще пригодятся при осаде Хельгарда. Тем временем полумаги уже начали нападать поодиночке. Основные свои позиции они сконцентрировали на флангах, где кутерьма сражения, все еще идущего между вражескими войсками, не позволяла Сандро уверенно отследить чужую волшбу. Такая тактика довольно быстро дала результат: некромант пропустил один магический выпад, сбился с шага, на долю секунды потерял связь с заклитием, но ценой немалых усилий сумел удержать гримуар и продолжил прокладывать путь к сердцу вражеской армии, где надеялся разыскать регента. А драугры неустанно нападали и вновь нашли брешь в защите полуживого.

Сандро пропустил удар и упал на одно колено. Быстро поднялся, но сфера, которая должна была стать залогом успеха, разрушилась, а для того, чтобы создать новую, уже не осталось ни сил, ни времени.

— Теперь держитесь. Настал ваш черед... — выдохнул Сандро.

Свартальвы не дрогнули, не проронили ни слова. Синдри и Брок лишь крепче сжали рукояти топоров, а Хем удобнее перехватил моргенштерн. «Один за троих и три за одного», — усмехнулся мыслям некромант, вспоминая историю из мифа о «Покорении Вальхи» когда маг и три инистых великана пошли войной против всего конклава богов. Теперь некромант и три Безумца бросили вызов армии мертвых. Но герои из легенды проиграли, а Сандро искренне надеялся на другой исход.

Уже не расходуя львиную долю сил на атакующий гримуар, колдун выставил крепкий энергетический щит и, мысленно выискивая в бесчисленных рядах немертвых Фомора, стал единичными заклинаниями отбиваться от неупокоенных.

— Какого беса мы тут делаем? — с негодованием прорычал Брок, который с самого начала боя так и не убил ни одного немертвого. — Мы пришли воевать, а не ходить тенями за колдуном! В бой, братцы! В бой! — выкрикнул рыжебородый и рванулся вперед, чтобы хоть на краткий миг утолить жажду своего топора. Другие карлы не сдвинулись с места, не помчались вслед за родичем, лишь Хем занял место брата по левую руку от некроманта.

— Мы с тобой до конца, — сказал Синдри.

— До их конца, — уточнил Хемдаль.

Сандро не слушал. Был занят другим делом: в пылу сражения он нашел силовую линию, которой Фомор подпитывал драугров. И найдя ее, пошел в сторону регента.

А тем временем Сиквойя и Дайрес, стоя на возвышении у подножья скалы, наблюдали за происходящим.

— Полуживой, — с заметным презрением в голосе заговорил лич, — не доверяет тебе.

— Это ложь! — мигом вспыхнул имитатор.

— Не доверяет... — повторил Сиквойя. — Иначе взял бы тебя с собой как друга, которому не боится открыть спину.

— Я уже доказал свою преданность, уже не раз спасал Сандро от смерти!

— По своим убеждениям или по приказу? — уточнил лич, и пыл Дайреса заметно поутих. — Полуживой еще не знает о том, кому принадлежат твои родители. Но стоит кому-то обмолвиться, что они — слуги Аргануса, и его недоверие к тебе перельется через край.

— С чего ты взял, что они принадлежат Арганусу? Имитаторы свободны — магия некромантов на них не действует...

— Ты можешь скрывать правду от полуживого, но не от меня. Мне известно, что

д'Эвизвил при помощи эликсира «подчинения» сумел взять под контроль Ди-Дио. Так что отрицать этот факт бессмысленно, мой мальчик.

— Ложь! — бессильно выкрикнул Дайрес. — Ты и сам знаешь, что это ложь...

— Я тебе не враг. Во всем мире у меня лишь один враг — полуживой, обманувший меня и вместо свободы давший новое рабство. Я же хочу принадлежать себе. Так, как раньше принадлежали себе твои родители.

— Чего ты хочешь от меня? Предательства? Убийства? Мести? Этому не бывать!

— О предательстве я не прошу. Все, что мне надо — свобода. Раздобудь для меня чистый эликсир, разрушающий связь с Хозяином, и я клянусь: никто не узнает твоего секрета.

— Я ничего не обещаю...

— И не стоит. Просто знай: когда мы достигнем стен Хельгарда, я буду вынужден все рассказать полуживому. Ты же понимаешь чистоту моих побуждений?

— Понимаю, — кивнул Дайрес. — Понимаю... — повторил он и вздрогнул, заметив, что черные щупальца, охраняющие Сандро, истаяли. Но облегченно вздохнул, когда увидел, как некромант продолжает сражаться и там, где рассеялась тьма, теперь бушует пламя.

Маг колдовал, собрав все силы, которые у него остались: ловко отбивался от заклинаний драугров, не подпуская к себе неупокоенных. Там, где не поспевал некромант, в ход шли топор и моргенштерн. Сандро сотоварищи уверенно держали защиту, но они стояли на месте и о том, чтобы продвигаться в сторону Фомора, теперь не шло и речи.

— Дела не будет! — ругнулся Хемдаль, сшибая «звездой» голову скелету.

— Держаться вместе! — прикрикнул Сандро, когда неистовый Синдри, выйдя вперед, двумя ударами освободил от проклятого существования зомби.

— Знаю, — оскалился карла, вдруг подумав, что надо было бы помочь Броку, но — некромант прав — терять голову и безумно рваться в бой не следовало.

— Выстоим!.. — вопросом прозвучал клич колдуна. Силы истощались, врагов становилось все больше, а регент до сих пор не дал о себе знать и держался вдали от боя. — Главное — добраться до Фомора...

— Куда идти? Ты его чувствуешь? — спросил старший Ивальди и сам не заметил, как пропустил удар по голове. Шлем выдержал, но в глазах потемнело. А в следующий миг, когда тьма только-только рассеялась, перед лицом Синдри сверкнула сталь, и карла без чувств упал наземь.

— Уроды! — прогремел Хемдаль и закружился смертоносной мельницей, разя всех, кто подвернулся под руку.

— Осторожнее! — выкрикнул Сандро, с трудом увернувшись от удара, и увидел перед собой того, кого искал.

Фомор был выше других скелетов. Закованный в броню, с диадемой регента на голом черепе, по сравнению с остальными мертвыми он казался великаном. Глаза его горели темно-синим, почти черным пламенем, а на лбу магией была выжжена руна Силы. Только теперь Сандро понял, с кем столкнулся: с колдуном, обладающим великим могуществом, но плохо работающим с тонкой магией. Такой чернокнижник не искусен, но от этого не менее опасен в поединке.

Полумертвый размахнулся, чтобы бросить в лича флакон с эликсиром, но почувствовал, как защитные заклинания беспомощно ломаются одно за другим и чужая волшба подхватывает его, будто пушинку, поднимает высоко в воздух и с силой бросает наземь. От удара доспех с громким скрежетом впился в плоть, перед глазами расстелилась тьма, изукрашенная мигающими точками. Едва Сандро пришел в себя, как его вновь подхватило колдовство лича. Фомор проделал свой фокус трижды, пока не удостоверился в том, что защита противника окончательно сломлена.

К этому времени скелетам удалось обуздать мельницу-Хемдаля, и карла уже валялся на земле в окружении мертвых, которые не могли его убить, но бесконечными ударами не позволяли даже приподняться.

— Ученик заговорщика, — с презрением выплюнул Фомор и, направив ладонь на Сандро, сжал руку в кулак. Доспехи сдавили некроманту грудь, впились в плоть, захрустели, переламывая ребра. — Не думал, что Арганус настолько глуп, чтобы доверить армию полуживому отрепью. Неужели он надеялся на то, что тебе удастся со мной совладать?

— Ты станешь моим рабом... — отплеываясь кровью, прохрипел некромант, поднялся на руках и, проволочив ноги, встал.

— Ты излишне самоуверен! — гнусаво расхохотался Фомор.

— Мне это уже говорили... Но это не самоуверенность, нет... — Сандро переложил змеиный крест в левую руку, чтобы освободить для колдовства драконью перчатку, и закончил: — Знание.

— Я сотру тебя в порошок...

Фомор направил на некроманта раскрытую ладонь, желая повторить недавний фокус. Сандро, подражая регенту, выставил перед собой руку. Драконьей перчатки коснулась вражья волшба, желающая раздавить, смять. Полумертвый противопоставил ей силу своего артефакта. Пропустил через себя чужую энергию, сделал ее своей и ответил Фомору его же колдовством. И лич, не знающий изящной магии, орудовавший ею излишне грубо, превращающий искусство в ремесло, не выдержал напора, рвущегося из чешуйчатой перчатки, не устоял на ногах и рухнул на колени. Сандро с ненавистью и ожесточением стиснул ладонь в кулак: сдавил лича, сжал его в комок, не способный ни колдовать, ни сопротивляться. Войска Фомора, повинаясь мысленному приказу обессиленного регента, рванулись вперед, чтобы защитить своего полководца. В Сандро полетели стрелы и заклинания, вокруг засверкала в красных закатных лучах сталь клинков. Но юноша, не обратив на все это ровным счетом никакого внимания, швырнул флакон в лицо Фомору. Стекло разбилось о костяную голову. Глаза регента из темно-синих, подчиненных королевской печати, сделались зелеными. В следующее мгновение заклинания драугров сгинули, не долетев до некроманта; стрелы беспомощно отбарабанили по литому нагруднику и упали у ног полумертвого.

— Все кончено, — выдохнул Сандро и с напором приказал: — Вели своей армии остановиться и опустить мечи.

— Нет! Я не сделаю этого! — прорычал Фомор и попытался ударить полуживого заклинанием, но не смог — магия Хозяина глушила всяческие попытки напасть на повелителя.

— Немедленно! — гаркнул Сандро, и Фомор против собственной воли выполнил приказ.

Королевская армия остановилась, сложила оружие, а следом за ней прекратили сражение и войска Сиквойи.

— Мы выиграли... — подойдя к Синдри и подав ему руку, с улыбкой сказал Сандро.

— Война еще впереди, — встав, заметил карла. — Она закончится взятием Хельгарда.

— Да-да, — поднявшись, вымолвил Хемдаль. — Как захватим столицу, напьемся до безумства...

— Беспамятства, — поправил некромант.

— И до него тоже, — кивнул зеленобородый.

— Я не нарубался! — подбежав к братьям, выкрикнул недовольный Брок. — Почему битва закончилась? Мертвецов еще... — мечтательно протянул он, взглядом окидывая недвижимые армии.

Взглянув на разгоряченного товарища, Сандро и карлы не удержались от смеха.

— Ладно, — насупившись, отмахнулся Брок, — нарубаясь еще. А пока стоит отметить победу! Я приберегу для такого случая доброго эля.

— От выпивки не откажусь! — обрадовался Хем.

— И я не прочь, — все еще хохоча, заметил Сандро, с трудом перебарывая мучительную боль в суставах и ребрах, которая от смеха становилась еще невыносимее.

Под молчаливым взором месяца и мириадом звезд, отдалившись от войска немертвых,

разыскав место, не оскверненное нежитью, уставшие в бою карлы, обессиленный некромант и странно мрачный имитатор разожгли костер, уселись у игривого пламени и начали по кругу передавать бутылъ с элем, который был крепче вина.

Сандро жадно отхлебнул из сосуда, понадеявшись, что от выпивки боль, сковавшее тело, отпустит. Надежды не оправдались.

— Фомор постарался на славу... — прокряхтел юноша. — Не удивлюсь, если узнаю, что сломал половину ребер. Подлечить бы... Дайрес, помоги снять доспехи.

— Сейчас-сейчас, — заторопился имитатор.

— Пстой! — остановил его Синдри, доставая из дорожного мешка шлем и протягивая его некроманту. — Приберег для подходящего момента...

Сандро принял подарок и с интересом осмотрел его. Это был армет, обыкновенный армет, но забрало его выглядело устрашающе: маска, разделенная пополам: с одной стороны — облик человека, с другой — скелета. Лицо полумертвого.

— Откуда? — глухо спросил некромант.

— Это часть доспеха, который ты носишь на себе. Мы выковали его несколько веков назад по просьбе Тривеликого.

— До моего рождения... — прошептал Сандро, притронулся к заплечной сумке с книгой друида и беззвучно спросил: — Что это значит, Альберт?

— Я был личем. До этого — друидом. Мне всегда хотелось вернуть себе человеческий облик, но это бы лишило меня силы. И я нашел другой способ: запечатлеть себя на живом металле.

— Твоя мечта осуществится: я найду способ, чтобы сделать тебя человеком. Обязательно найду...

Забыв, что мигом раньше хотел снять доспехи, Сандро надел на голову шлем и захлопнул забрало. Полумертвый рыцарь, полуживой некромант... он обрушит свои армии на Хельгард и отомстит тому, кто обрек его на проклятое существование. Сандро твердо верил в это. Думал так и Дайрес.

Час мести был близок, но вдвое ближе — час предательства.

Послесловие: что снится Видящим

Откуда-то доносился шум падающей воды. Свистал продувающий насквозь ветер. Морозный воздух проникал под тонкий суконный плащ и немилосердно кусал тело. Алиса невольно поежилась и, чтобы согреться, побежала по крутым ступеням, ведущим к высокой башне. Взглянув вверх, она захотела поскорее забраться в неведомую, будто вырезанную чародеем из монолитного камня, постройку, узнать, что в ней находится, какой оттуда открывается вид. Но непослушное тело двигалось медленно, неторопливо, будто промерзло настолько, что с трудом переставляло ноги. Когда Алиса добралась-таки до цели, ее взгляду открылась удивительная картина. Низкие тучи так близко подползли к башне, что казалось: протяни руку и можно будет к ним прикоснуться. Но эти тучи были серые и мрачные — их не хотелось трогать. Алиса посмотрела вниз и увидела в бездонной пропасти рокошущую, шумную реку. Но испугавшись, девочка отшатнулась, отошла от края. По-детски быстро забыв о страхе, с интересом посмотрела на мост, лежащий между двумя берегами, и только тут вспомнила, что в Фиоре нет ни рек, ни мостов.

Алиса вдруг отчетливо поняла: великолепный пейзаж, крепостная стена с крутыми ступенями и высокими зубцами, длинный мост, уходящий в сизый туман — все это лишь плод ее воображения. Она спит и видит неведомый, какой-то странный сон. Девочка посмотрела на свои руки и очень удивилась. Оглядела себя и на миг ей даже стало смешно — она оказалась в теле худощавого мужчины...

Неожиданно сердце уколол испуг, и глаза безо всякого желания уставились на серую, невзрачную фигуру. По заиндеветавшей мостовой брел худощавый человек, скрывший свой

облик под серой хламидой. Он сутулился, пригнулся, словно ветла, и все ближе прижимался к каменным перилам, пытаясь защититься от ветра. Откуда ни возьмись, на крепостной стене появились солдаты с луками наизготовку. Они внимательно следили за пришельцем: ждали, когда он подойдет достаточно близко — на расстояние полета стрелы. Человек упал раньше, чем лучники успели отпустить тетивы.

Алиса вздрогнула. Ей нестерпимо захотелось сбежать с крепостной стены и помочь несчастному, но ее внимание приковала группа людей, неожиданно появившаяся на том берегу реки. Впереди шла девушка. На ветру ее рыжие волосы играли языками пламени, а чернильный плащ, украшенный изображением огнедышащего дракона, реял, как знамя.

Видение быстро истаяло, и теперь на мосту уже не было никого: ни несчастного в серой хламиде, ни людей под предводительством рыжеволосой девушки. Но вскоре на зачарованном сооружении, черным силуэтом проступая сквозь мутную полосу тумана, показался одинокий всадник на вороном жеребце. Одет он был в долгополый плащ с капюшоном, скрывшим лицо. В руках держал искривленный посох, полыхающий в наверху двумя едко-красными огнями.

Всадник приближался медленно, будто переход давался ему с трудом. Но позже, преодолев незримую черту, он пустил жеребца вскачь и, ровным аллюром пройдя половину дистанции, остановился посередине моста.

— Валлийцы! — громовым раскатом загремел юношеский голос. — Мы, стигийцы, ваши братья и сестры по крови и плоти, просим вас об одном: дайте нам приют, уберегите наших отцов и матерей, жен и детей. Не убивайте! Ведь мы люди, такие же, как и вы! Люди, жаждущие свободы, а не гнета некромантов. Спасите! Симиона и Эстер не забудут вашего милосердия, на века запомнят совершенный вами подвиг! Так проявите же великодушие: помогите своим собратям, пустите их за эти стены, которые уже пропитались кровью невинных.

Перехватив посох, всадник взялся за поводья и осторожно пустил коня вперед в надежде, что сумел достучаться до людских сердец. Но стоило ему приблизиться на расстояние выстрела, и в его сторону полетела предупреждающая стрела. А в следующий миг небо почернело от несметного количества стрел.

Алиса закрыла глаза, чтобы не видеть, как умрет всадник. А когда открыла их вновь, то была уже в своей комнате в постоялом дворе Фиора. Видящая разжатой пружиной выскочила из кровати. Позабыв о расческе и утреннем умывании, помчалась к Вэльве — наставница просила сразу же, без задержек, рассказывать о снах.

Выслушав девочку, прорицательница несколько мгновений молчала, углубившись в воспоминания. Добродушно улыбнувшись, пригласила волосы воспитанницы и, глядя в одну точку, в пустоту, заговорила:

— Я тоже видела этот сон. Давно... очень давно... От выбора того мужчины, в теле которого ты оказалась, будет зависеть судьба Валлии.

— А разве не от Сандро? — девочка встrepенулась, подняла голову и посмотрела на наставницу удивленным взглядом. — Вы же говорили: от него...

— Судьбы Сандро и Аарона связаны и переплетены с будущим Валлии. Но еще рано говорить об этом. Все еще неясно... — Вэльва несколько раз моргнула, будто решив через силу избавиться от полудремы, провела рукой по лицу, и ее улыбка изменилась: из задумчивой стала задорной, весенней. — Не бери в голову, дитя мое. Иди, погуляй. А завтра я расскажу тебе, чем закончилась история Сандро...